

ПОЛ КОЛЛИЕР КАК МИГРАЦИЯ ИЗМЕНЯЕТ НАШ МИР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

И С Х О Д

Paul Collier

Exodus

How Migration is
Changing Our World

Пол Коллиер

Исход

Как миграция
изменяет наш мир

Перевод с английского
Николая Эдельмана

И ДАТЕЛЬСТВО
ИСТИТУТА
ГАЙДАРА

МОСКВА • 2016

УДК 331.556.4

ББК 65.248.7

К60

Книга выпущена при поддержке
Фонда «Либеральная Миссия»

Коллиер, П.

К60 Исход: как миграция изменяет наш мир [Текст] / пер. с англ. Н. Эдельмана. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. — 384 с.

ISBN 978-5-93255-452-4

Это один из самых насущных и спорных вопросов нашего времени, вызывающий жаркие споры и глубоко пропитанный идеологией. Кому должно быть позволено иммигрировать, а кому — нет? Каковы доводы за и против ограничения числа иммигрантов? В «Исходе» выдающийся экономист Пол Коллиер ясно и сжато описывает последствия стимулирования или сдерживания миграции. Опираясь на оригинальное исследование и многочисленные обзоры конкретных случаев, он рассматривает эту проблему с трех точек зрения: самих мигрантов, людей, которых они оставили, и обществ, в которые они иммигрируют.

Как показывает Коллиер, иммигранты из беднейших стран мира обычно оказываются самыми образованными и амбициозными. И хотя эти люди нередко добиваются экономического успеха, покидая свои родные страны, они также лишают эти страны профессионалов, в которых они остро нуждаются. В отсутствие контроля иммиграция может только ускориться: беднейшие страны столкнутся с настоящим массовым исходом. Иммиграция — это простое экономическое уравнение, но она имеет сложные последствия. «Исход» показывает, насколько важными будут иммиграция и ее последствия для государственной политики в ближайшие годы и десятилетия.

EXODUS

Copyright © 2013, Paul Collier

All rights reserved

© Издательство Института Гайдара, 2016

ISBN 978-5-93255-452-4

Содержание

Предисловие к русскому изданию · 9

Пролог · 11

часть I. ПРОБЛЕМА МИГРАЦИИ

Глава 1. Табуированная тема · 19

Глава 2. Почему миграция ускоряется · 41

Четыре столпа процветания · 42; Миграция и разрыв в доходах · 54; Почему равновесие не всегда достижимо · 60; Знакомство с рабочей моделью · 63; Факты и их следствия · 73

часть II. ПРИНИМАЮЩАЯ СТОРОНА:

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ» ИЛИ «ПОНАЕХАЛИ ТУТ»?

Глава 3. Социальные последствия миграции · 79

Взаимное внимание · 84; Взаимное внимание: доверие и сотрудничество · 87; Культуры мигрантов · 93; Иммиграция, доверие и сотрудничество · 102; Пара поучительных примеров · 108; Взаимное внимание и равенство · 116; Темп абсорбции диаспор · 122; Абсорбция и состав диаспоры · 122; Абсорбция и наклонности мигрантов: эмигранты или переселенцы? · 128; Два смысла мультикультурализма · 134; Ассимиляция и слияние · 136; Сепаратизм и переселенцы · 139; Абсорбция и отношение коренного населения к мигрантам · 146; Абсорбция и политика принимающей стороны · 148

Глава 4. Экономические последствия миграции · 153

Иммиграция и заработки · 154; Миграция и жилищные условия · 156; Исключительность иммигрантов и ее последствия · 161; Стоит ли заменять иммигрантами стареющее население · 170; Могут ли иммигранты восполнить нехватку квалифицированного труда · 173; Вызывает ли иммиграция эмиграцию · 177; Гастарбайтерская экономика · 182

Глава 5. Ошибки миграционной политики · 186

Сопоставление экономических и социальных последствий · 186; Политическая экономия паники · 191

часть III. МИГРАНТЫ:

СОЖАЛЕНИЯ ИЛИ БЛАГОДАРНОСТЬ?

Глава 6. Мигранты: победители · 199

Почему миграция выгодна мигрантам · 199; Кто вправе претендовать на выгоды от миграции · 205; Миграция как инвестиция · 210; Пожалуйста, откройте нам дверь! · 215; Миграция как спасательный круг · 222; Желания и реальность · 228

Глава 7. Мигранты: проигравшие · 232

часть IV. ОСТАВШИЕСЯ ДОМА

Глава 8. Политические последствия миграции · 245

Порождает ли миграция повышенные требования к управлению страной · 246; Увеличивает ли эмиграция число способных вождей · 261

Глава 9. Экономические последствия миграции · 266

Вредна ли «утечка мозгов» · 266; Существует ли утечка мотивации · 278; Переводы · 282; Снижает ли миграция перенаселенность · 293

Глава 10. Оставшиеся дома? · 299

Миграция как помощь · 307

часть V. К ПЕРЕСМОТРУ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Глава 11. Нации и национализм · 317

Англия для англичан? · 317; Общество или личность? · 319; Является ли нация сообществом · 321; Совместима ли национальная идентичность с ускоренной миграцией · 332

Глава 12. Как привести миграционную политику в соответствие с ее целями · 336

Право контролировать миграцию · 337; Мигранты: принцип ускорения · 344; Те, кто остался дома: золотая середина · 346; Коренное население и мигранты: вынужденный компромисс · 347; Политический пакет · 350; Потолки · 351; Избирательность · 357; Интеграция · 362; Легализация нелегальной иммиграции · 364; Как работает предлагаемый политический пакет · 367; Заключение: сближающиеся экономики, расходящиеся общества · 372

Библиография · 376

*Посвящается Полин,
моей безродной
космополитке*

Предисловие к русскому изданию

ЗА ТРИ ГОДА, прошедшие с написания «Исхода», исход и в самом деле случился. Приток людей, пытающихся попасть в Европу, привлек внимание общественности к теме миграции, а европейская политика показала свою путанность и неадекватность. В моем анализе того, какими могут быть ошибки миграционной политики, я размышлял о губительной фазе, которую я назвал «политикой паники». К сожалению, мы сейчас переживаем именно эту фазу.

Исход практически случайно был вызван односторонним решением канцлера Меркель разрешить сирийским беженцам, сумевшим добраться до Германии, остаться в ней. До этого согласованная европейская политика заключалась в том, что за нелегальных иммигрантов отвечала страна, в которую они сначала попали, — как правило, Греция или Италия. В ответ на это решение многие сирийские беженцы покинули прилегающие страны, в которых они нашли убежище, и стали платить контрабандистам за то, чтобы те помогли им пересечь Средиземное море и добраться до Европы. Тысячи людей утонули, но еще больше смогли добраться до берегов Европы и начать непростой путь к немецкой границе. Воспользовавшись возможностью вновь открытых границ, многие молодые люди из бедных стран присоединились к походу на Германию.

Совпав с этим притоком мигрантов в Европу, террористические акты в Париже, совершённые мигрантами в первом и втором поколении, продемонстрировали реальность культурных различий. Россия уже столкнулась с этой реальностью. Не все такие различия следует уважать, а к некоторым нельзя быть терпимыми. Европе предстоит проделать большую работу по культурной интеграции мигрантов, которая только осложняется беспрецедентным масштабом миграции.

«Исход» может послужить основой для понимания этих проблем и выработки действенных политических ответов. В этой книге объясняется, почему происходит ускорение миграции и почему открытие европейских границ неизбежно должно было вызвать исход, который и произошёл. В ней показывается взаимодействие между темпом иммиграции и интеграцией иммигрантов в общество.

«Исход» сейчас переводят чуть ли не на все европейские языки. Я надеюсь, что этот перевод на русский язык поможет российскому обществу прийти к чему-то лучшему, чем «политика паники».

*Пол Коллиер
Оксфорд,
декабрь 2015 года*

Пролог

ОН СМОТРИТ на меня сейчас, когда я пишу эти строки. Его звали Карл Хелленшмидт, и к моменту, когда был сделан снимок, он уже не был безденежным юным иммигрантом: у него имелись костюм, жена-англичанка и шесть маленьких детей. Он уверенно смотрит в объектив, не зная, что его семья вот-вот падет жертвой антииммигрантского расизма Первой мировой войны. Британии предстоит защищать цивилизацию от варваров-гуннов, а он — один из них. Цивилизация, приняв обличье нищebroда Джона Буля, включит Карла Хелленшмидта в свой сфабрикованный список вражеских агентов. Под покровом ночи цивилизованное стадо нападет на его лавку. Представитель цивилизации попытается задушить его жену. Сам он будет интернирован как враждебный иностранец; его жену добьет неизлечимая депрессия. Двенадцатилетний Карл Хелленшмидт-младший будет вынужден бросить школу, чтобы управлять лавкой. А затем, чуть больше двадцати лет спустя, новая война: Карл Хелленшмидт-младший переедет и сменит имя. Он станет Чарльзом Коллиером.

Многие из нас — потомки иммигрантов. Природный патриотизм сплошь и рядом оборачивается звериной жестокостью, погубившей мою семью. Однако такая реакция на иммиграцию не была повсеместной. В нынешнем году я случайно познакомил-

ся с человеком, чей отец принимал участие в том антигерманском погроме. Память о несправедливости, от которой пострадали ни в чем не повинные иммигранты, передавалась в его семье из поколения в поколение так же, как и в моей.

Мой дед переселился из нищей немецкой деревни Эрнсбах в самый процветающий на тот момент европейский город — Брэдфорд. Этот переезд — не только из одной страны в другую, но и из села в город — типичен для современной миграции из бедных стран в богатые. Однако юношеский дух авантюризма покинул деда, едва тот прибыл в Брэдфорд: он тут же направился в квартал, уже настолько переполненный немецкими иммигрантами, что его прозвали Маленькой Германией. Такое же отсутствие избыточного авантюризма характерно и для современных мигрантов. Сто лет спустя Брэдфорд перестал быть самым процветающим городом Европы: по воле судьбы сейчас в нем намного меньше процветания, чем в Эрнсбахе. Но он остается городом, куда прибывают иммигранты и где сохраняются трения. Единственный депутат британского парламента от партии «Уважение» — по сути, партии исламских экстремистов — был выбран иммигрантами в Брэдфорде. Сегодня среди иммигрантов действительно встречаются вражеские агенты: четверо из них, взорвав на себе бомбы, убили в Лондоне 57 человек. Иммигранты не только страдают от звериной жестокости, но и сами бывают на нее способны.

Настоящая книга в какой-то мере продолжает мои исследования беднейших обществ — «нижнего миллиарда». Стремление людей к тому, чтобы перебраться из этих стран на богатый Запад, заключает в себе как профессиональный, так и личный аспект. Ответить на вопрос, идет ли исход имми-

грантов на пользу или во вред тем, кто остается на родине, — задача сложная, но важная. Пусть речь идет о беднейших обществах в мире, однако иммиграционная политика западных стран оказывает на них не только неумышленное, но и мало кем осознаваемое воздействие. Мы как минимум должны представлять себе, как именно на этих обществах отражаются наши бездумные поступки. Кроме того, я вижу, как мои друзья разрываются перед своим долгом остаться дома и долгом использовать выпавшие им возможности.

Однако в то же время в моей книге критикуется преобладающее среди либеральных мыслителей — к которым принадлежу и я сам — мнение о том, что современные западные общества должны стремиться к постнациональному будущему. С учетом моих семейных обстоятельств следовало бы ожидать, что и я стану энтузиастом этой современной ортодоксии. При переходе границы мы предъявляем три разных паспорта: я — англичанин, Полин — голландка, выросшая в Италии, а Дэниэл, родившийся в США, с гордостью достает свой американский паспорт. Мои племянники — египтяне, их мать — ирландка. Эту книгу, как и предыдущие, я писал во Франции. Если в мире и существуют постнациональные семьи, то моя, несомненно, является одной из них.

Но что, если все будут такими? Допустим, международная миграция станет настолько обыденным явлением, что уничтожит смысл национальной идентичности, и общества действительно станут постнациональными. Насколько это важно? Думаю, что это очень важно. Образ жизни таких семей, как моя, опирается (и в потенциале паразитирует) на тех, кто сохраняет свои корни и тем самым поддерживает существование жизнеспособных

обществ, из числа которых мы можем выбирать. В тех странах, которым посвящены мои исследования — мультикультурных африканских обществах, — со всей очевидностью проявляются неблагоприятные последствия слабо выраженной национальной идентичности. Такие отдельные великие вожди, как Джулиус Ньерере, первый президент Танзании, стремились к тому, чтобы их народы приобрели единую идентичность. Но разве национальная идентичность не вредна? Не приведет ли она нас снова к «антигуннским» погромам? Или того хуже: канцлер Ангела Меркель, выдающийся европейский лидер, высказывала опасения по поводу того, что возрождение национализма угрожает не только погромами, но и войной. Я осознаю, что защита ценности национальной идентичности должна сопровождаться убедительным опровержением этих страхов.

В еще большей степени, чем при работе над предыдущими книгами, опорой для меня служила международная армия исследователей. Некоторые из них — мои коллеги и партнеры в научных занятиях; других я даже никогда не встречал, но смог почерпнуть много ценного из их публикаций. Современная научная деятельность осуществляется усилиями многочисленных специалистов. Даже в рамках такой узкой сферы, как экономика миграции, исследования носят крайне специализированный характер. Для настоящей книги мне требовались ответы на три группы вопросов: Чем определяются решения мигрантов? Как миграция влияет на тех, кто остается на родине? Как она влияет на коренное население в странах, принимающих мигрантов? Существуют специалисты по каждому из этих вопросов. Однако чем дальше, тем отчетливее я понимал, что миграция — в пер-

вую очередь явление не экономическое, а социальное, и потому для специалистов-исследователей она превращается в ящик Пандоры. Преодоление разногласий между ними стало вопросом этики: какими нравственными критериями следует оценивать различные последствия миграции? В распоряжении экономистов имеется удобный этический приборчик под названием «утилитаризм». Он очень полезен при решении типичных задач, а потому стал стандартом. Однако применительно к такой проблеме, как этика миграции, он оказывается прискорбно неадекватным.

Вышедшая из-под моего пера книга представляет собой попытку обобщить результаты многочисленных специализированных исследований в сфере общественных наук и моральной философии. В рамках экономики я в первую очередь руководствовался работами таких авторов, как Джордж Акерлоф с его новаторскими идеями об идентичности и Фредерик Докье, тщательно изучивший миграционные процессы, а также дискуссией с Тони Венэйблсом, в ходе которой мы наряду с экономической географией обсуждали и ту модель, которая стала аналитической рабочей лошадкой для данной книги. В сфере социальной психологии я опирался на дискуссии с Ником Роулингсом и на работы Стивена Пинкера, Джонатана Хайдта, Дэниэла Канемана и Пола Зака. В сфере философии я многое почерпнул из дискуссий с Саймоном Сондерсом и Крисом Хукуэем, а также из работ Майкла Сэндела.

В данной книге я пытаюсь ответить на вопрос о том, какую миграционную политику можно назвать удачной. Даже сама постановка такого вопроса требует определенного мужества: трудно найти столь же опасное минное поле, как миграция. Тем

не менее несмотря на то, что эта тема регулярно попадает в список вопросов, наиболее приоритетных для избирателей, посвященная ей литература за редкими исключениями либо носит узкотехнический характер, либо предвзято защищает то или иное убеждение. Я попытался написать честную книгу, которая была бы доступна для всех: поэтому она вышла короткой и неформальной с точки зрения стиля. Порой я прибегаю к спекулятивной и неортодоксальной аргументации. Во всех подобных случаях это специально оговаривается. Я поступал так в надежде на то, что такая провокация станет для специалистов стимулом к работе, необходимой, чтобы определить, насколько обоснованными являются эти спекуляции. Прежде всего я надеюсь на то, что представленные в моей книге факты и аргументы выведут широкую дискуссию о миграционной политике за пределы театрально поляризованных и резких суждений. Проблема миграции слишком важна для того, чтобы оставлять ее в таком состоянии.

Часть I
Проблема миграции

Табуированная тема

МИГРАЦИЯ бедных людей в богатые страны представляет собой феномен, перегруженный опасными ассоциациями. Сохранение массовой бедности в странах «нижнего миллиарда» — это вызов XXI веку. Многие молодые люди горят желанием покинуть свои родные страны, зная о более богатой жизни в других местах. И некоторым из них это удастся с помощью различных легальных и нелегальных средств. Каждый конкретный исход — это триумф человеческого духа, храбрости и изобретательности, преодолевающих бюрократические барьеры, возведенные трусливыми богачами. С этой эмоциональной точки зрения любая миграционная политика, кроме политики открытых дверей, является подлостью. Однако ту же самую миграцию можно подать и как проявление эгоизма: игнорируя ответственность перед другими, находящимися в еще более отчаянных обстоятельствах, трудящиеся бросают тех, кто от них зависит, а предприимчивые предоставляют менее энергичных своей участи. С этой точки зрения при выборе миграционной политики следует учитывать влияние миграции на тех, кто остается дома, не принимаемое во внимание самими мигрантами. Более того, миграцию можно понимать и как акт империализма наоборот — как месть со стороны бывших колоний. Мигранты создают в прини-

мающих их странах свои колонии, отнимающие средства существования у местной бедноты, конкурирующие с ней или подрывающие ее ценности. С этой точки зрения миграционная политика должна защищать тех, кто живет там, где жил. Пусть миграция неизбежно сопряжена с эмоциями, но эмоциональная реакция на предполагаемые последствия может направить политику в какую угодно сторону.

Вопрос миграции был политизирован еще до того, как подвергся анализу. Переселение людей из бедных стран в богатые — простой экономический процесс, однако он приводит к очень непростым результатам. Политика в сфере миграции должна это учитывать. В настоящее время как страны — источники миграции, так и страны, принимающие мигрантов, проводят самую разную миграционную политику. Власти некоторых стран — источников миграции активно содействуют эмиграции и осуществляют официальные программы по сохранению связей со своими диаспорами, в то время как власти других стран ограничивают выезд за рубеж и относятся к своим диаспорам как к врагам. Между странами, принимающими мигрантов, существуют громадные различия в плане общих темпов разрешенной иммиграции — от Японии, которая стала одним из самых богатых обществ в мире, оставаясь совершенно закрытой для иммигрантов, до эмирата Дубай, также ставшего одним из самых богатых обществ на Земле, но с помощью иммиграции, которая шла такими быстрыми темпами, что в настоящее время коренные жители эмирата составляют лишь 5% его населения. Страны различаются в плане отношения к составу мигрантов: Австралия и Канада предъявляют значительно более высокие требования к их образовательному уровню, чем США,

которые, в свою очередь, более требовательны, чем Европа. Страны различаются в плане прав, которыми наделяются мигранты, прибыв на место, — от получения ими полного юридического равенства с коренным населением, включая право вызывать к себе родственников, до статуса контрактных работников, подлежащих репатриации и не имеющих гражданских прав. Страны различаются в плане требований, предъявляемых мигрантам: в одних странах им предписывается проживать в конкретных местах и учить местный язык, в других странах они вправе селиться там, где говорят на их родном языке. Страны по-разному относятся к вопросу об ассимиляции и сохранении культурных различий. Мне не известны другие сферы публичной политики, в которых бы наблюдались такие же яркие различия. Отражает ли это политическое разнообразие продуманную реакцию на разные обстоятельства? Едва ли. Скорее я подозреваю, что причудливые повороты миграционной политики являются следствием сильной эмоциональной окраски данного вопроса и его слабой изученности, в сочетании друг с другом создающих весьма опасную смесь.

Борьба за проведение той или иной миграционной политики ведется с использованием конкурирующих ценностей, а не конкурирующих фактов. Ценности могут влиять на итоги анализа как в хорошем, так и в плохом смысле. В первом случае имеется в виду то, что пока мы не определимся со своими ценностями, у нас не будет возможности делать нормативные оценки — связанные как с миграцией, так и с любыми другими вопросами. Однако этика способна влиять на результаты анализа и в плохом смысле. В своем новом поучительном исследовании специалист по моральной психологии Джонатан Хайдт демонстрирует, что, несмо-

тря на различия между нравственными ценностями, в целом они распадаются на две группы¹. Он убедительно показывает, что в зависимости от принадлежности к той или иной группе людям свойственно подчинять свою аргументацию нравственным суждениям по конкретным вопросам, а не наоборот. Предполагается, что логика служит для оправдания и объяснения суждений. Однако в реальности мы хватаемся за логические доводы и используем их для обоснования суждений, уже вынесенных на основе наших нравственных предпочтений. Нет таких значимых вопросов, применительно к которым факты подтверждали бы исключительно ту или иную точку зрения; несомненно, это относится и к миграции. То, какие доводы и факты мы готовы признать, определяется нашими этическими воззрениями. Мы доверчиво относимся к самым сомнительным заявлениям, если они совпадают с нашими ценностями, в то же время с презрением и яростью отвергая те факты, которые им противоречат. Этические предпочтения в отношении миграции поляризованы, и каждый лагерь готов принять только те аргументы и факты, которые поддерживают его предубеждения. Хайдт показывает, что такие грубые перекосы наблюдаются в отношении многих вопросов, однако в случае миграции эти тенденции осложняются еще сильнее. В либеральных кругах, способных вести наиболее взвешенную дискуссию по большинству политических вопросов, на тему миграции наложено табу. Единственная допустимая точка зрения сводится к выражению сожаления о существовании массовой антипатии к миграции. В самое последнее время экономисты начали лучше разбираться в структуре табу. Их назначение состоит в защите чувства иден-

1. Haidt (2012).

тичности путем сокрытия от людей тех фактов, которые могли бы представлять для нее угрозу². Табу спасают нас от необходимости затыкать уши, накладывая ограничения на содержание разговоров.

В то время как дискуссии в отношении фактов в принципе могут завершиться тем, что одна из сторон будет вынуждена признать свою неправоту, разногласия в отношении ценностей бывают неразрешимыми. Смирившись с этим обстоятельством, мы сможем по крайней мере уважать чужие ценности. Я — не вегетарианец, но не считаю вегетарианцев идиотами и не пытаюсь насильно скармливать фуа-гра своим гостям-вегетарианцам. Моя более амбициозная цель состоит в том, чтобы побудить людей к пересмотру выводов, которые они делают на основании своих ценностей. Как объяснил Дэниэл Канеман в своей книге «Думай быстро, думай медленно», в большинстве случаев мы стараемся избегать сложных размышлений, верно учитывающих факты. Мы предпочитаем полагаться на моментально вынесенные суждения, зачастую основанные на наших ценностях. В большинстве случаев такие суждения представляют собой поразительно хорошее приближение к истине, но мы склонны чрезмерно доверять им. Задача данной книги — в том, чтобы заставить читателя отказаться от моментальных суждений на основе ценностей.

Подобно всем прочим, я начал изучение миграции, имея априорные суждения, сделанные на основе ценностей. Но в процессе работы над данной книгой я пытался забыть о них. Судя по дискуссиям, в которых я участвовал, миграция — это такая тема, которая заставляет почти каждого отстаивать свою точку зрения. Люди склонны подкреп-

2. Benabou and Tirole (2011).

лять свои взгляды поверхностным анализом. Но я в соответствии с исследованиями Джонатана Хайдта подозреваю, что эти взгляды по большей части основываются на апприорных моральных предпочтениях, а не на убедительных доказательствах. Анализ, опирающийся на факты, — сильная сторона экономической науки. Подобно многим политическим вопросам, миграция имеет экономические причины и экономические последствия, и потому экономика может сказать решающее слово при оценке политики. Наш инструментарий позволяет нам давать на вопросы о причинах и последствиях более продуманные формальные ответы, чем те, которые нам подсказываются одним лишь здравым смыслом. Однако некоторые итоги миграции, в наибольшей степени затрагивающие простых людей, носят социальный характер. Их тоже можно учесть в экономическом анализе, и я попытаюсь это сделать. Впрочем, экономисты более традиционно-го толка склонны не придавать им значения.

Политические элиты, от которых в первую очередь и зависит выбор политического направления, находятся на распутье: в одну сторону их тянут избиратели со своими опасениями, в основе которых лежат ценностные суждения, в другую — экономисты, выдвигающие односторонние модели. В результате мы получаем шатания. Миграционная политика не только различается от одной страны к другой; помимо этого, она колеблется между политикой открытых дверей, за которую выступают экономисты, и политикой закрытых дверей, предпочтительной для электората. Например, в Великобритании двери для мигрантов открылись в 1950-е годы, частично закрылись в 1968 году, снова распахнулись в 1997 году, а сейчас опять закрываются. Колебаниям подвержена и позиция политических партий: из этих

четыре поворота за два поворота в ту и в другую сторону отвечали лейбористы и за два — консерваторы. Зачастую политики, будучи резкими на словах, на деле ведут себя осторожно; обратное случается редко. Более того, порой их как будто бы даже смущают предпочтения, выражаемые их согражданами. Швейцария отличается от многих других стран тем, что простые люди имеют здесь право требовать от властей референдумов. Одним из вопросов, по которым проводились эти референдумы, неизбежно оказалась миграция. Средством для выражения массовой озабоченности стал референдум о правилах строительства мечетей, в ходе которого выяснилось, что значительное большинство граждан страны выступает против строительства мечети. Швейцарское правительство было так шокировано результатами референдума, что немедленно попыталось объявить их не имеющими силы.

Дело осложняется тем, что нравственная позиция по отношению к миграции переплетается с позициями по отношению к бедности, национализму и расизму. Современные представления о правах мигрантов диктуются чувством вины за различные несправедливости, допущенные в прошлом. Рациональное обсуждение миграционной политики будет возможно лишь после того, как мы научимся отделять эти соображения друг от друга.

На нас возложено очевидное моральное обязательство помогать очень бедным людям, живущим в других странах, и мы можем оказать им эту помощь, позволив некоторым из них переселиться в богатые страны. Тем не менее обязательство помогать бедным совсем не обязательно влечет за собой общее обязательство допускать свободное перемещение людей из одной страны в другую. Более того, те, кто считает, что бедным людям следует дать

право переселения в богатые страны, скорее всего, первыми выступят против права богатых людей переселяться в бедные страны, поскольку в таком праве им послышатся неприятные отголоски колониализма. Утверждая, что бедные люди в силу своего положения имеют право на миграцию, мы рискуем спутать два вопроса, которые разумнее рассматривать по отдельности: обязанности богатых по оказанию помощи бедным и право свободного передвижения между странами. Мы вовсе не обязаны наделять людей этим правом в рамках выполнения своего долга перед бедными. Существует много способов помогать бедным: даже если данное общество решило не открывать свои двери мигрантам из бедных стран, оно может проявлять больше щедрости по отношению к бедным обществам в других политических сферах. Например, правительство Норвегии ввело довольно жесткие ограничения на иммиграцию, но при этом осуществляет достаточно щедрые программы помощи третьему миру.

В то время как моральное обязательство бороться с глобальной бедностью порой выливается в идею о праве на миграцию, более серьезным последствием является отвращение к национализму. Хотя национализм не обязательно сопряжен с ограничениями на иммиграцию, несомненно и то, что при отсутствии националистических настроений не было бы и основы для таких ограничений. Если люди, живущие на данной территории, отождествляют себя друг с другом не сильнее, чем с иностранцами, то было бы странно, если бы они совместно согласились ввести ограничения на прибытие иностранцев: ведь для них не существовало бы «своих» и «чужих». Таким образом, при отсутствии национализма было бы сложно ограничивать иммиграцию исходя из этических соображений.

Не следует удивляться тому, что отвращение к национализму наиболее распространено в Европе: национализм неоднократно приводил здесь к войне. Создание Европейского союза представляло собой благородную попытку отбросить это наследие. Естественным следствием отвращения к национализму служит отвращение к границам: знаковым достижением Европейского союза является свободное передвижение европейцев в его рамках. Для некоторых европейцев национальная идентичность осталась в прошлом: один из моих молодых родственников называет себя «лондонцем», не признавая иной географической идентичности. Если от национальной идентичности желательно отказаться, то у нас, судя по всему, не остается серьезных этических оснований для того, чтобы ограничивать приток мигрантов: почему бы не позволить всем жить там, где они хотят?

Отношение к национальной идентичности сильнее всего различается от страны к стране. Во Франции, США, Китае и странах Скандинавии сохраняется сильное и политически нейтральное чувство национальной идентичности, в то время как в Германии и Великобритании такое чувство эксплуатировалось ультраправыми политиками и вследствие этого на него было наложено табу. Во многих обществах, где никогда не существовало сильного чувства национальной идентичности, его отсутствие обычно вызывает сожаления и озабоченность. Недавно Майкл Игнатьев поднял в Канаде бурю, признав провал давних попыток связать франкофонных и англофонных канадцев транслингвистическим чувством единой идентичности³. В Африке слабость национальной идентичности по от-

3. Wente (2012).

ношению к племенной идентичности повсеместно рассматривается как проклятие, борьба с которым входит в число задач, стоящих перед ответственными лидерами. В Бельгии, которой в настоящее время принадлежит мировой рекорд по продолжительности существования без правительства — потому что фламандцы и валлоны никак не могли договориться друг с другом, — никто никогда даже не пытался насаждать единую идентичность. В число моих друзей входит один из бельгийских послов, и однажды за обедом был затронут вопрос о его собственной идентичности. Он со смехом утверждал, что совсем не чувствует себя бельгийцем — но вовсе не потому, что ощущает принадлежность к фламандцам или к валлонам. Скорее, он считал себя гражданином мира. После настойчивых расспросов о том, где именно он в наибольшей степени чувствует себя как дома, он выбрал деревню во Франции. Мне трудно представить себе французского посла, который бы добровольно высказал аналогичные настроения. И Канада, и Бельгия сумели остаться богатыми странами, несмотря на слабое чувство национальной идентичности, однако выбранное ими решение сводится к полной пространственной сегрегации различных языковых групп в сочетании с радикальной децентрализацией политической власти и ее делегированием этим субнациональным территориям. С точки зрения практического предоставления общественных услуг Канада и Бельгия являются четырьмя государствами со скрепляющей их идентичностью, а не двумя государствами без такой идентичности. В Великобритании вопрос о национальной идентичности является весьма запутанным вследствие многонационального состава страны, объединенной сравнительно недавно: за исключением некоторых иммигрантов, здесь никто не считает себя

в первую очередь британцем. В Шотландии национальная идентичность открыто пропагандируется как составная часть общепризнанной культуры, в то время как английский национализм держится в тени: английские флаги официально вывешиваются гораздо реже, чем шотландские.

Национализм тоже бывает полезен. Нельзя забывать о его потенциале к злоупотреблениям, однако оказывается, что чувство общей идентичности усиливает способность к сотрудничеству. Людям требуется возможность к сотрудничеству на различных уровнях — как ниже уровня нации, так и выше его. Общее чувство национальной идентичности — не единственный способ наладить сотрудничество, однако нации по-прежнему выказывают повышенную склонность к нему. Об этом можно судить с точки зрения налогов и публичных расходов: несмотря на то что обе эти функции осуществляются на многих уровнях управления, наиболее важным из них остается национальный. Соответственно, если единое чувство национальной идентичности повышает способность людей сотрудничать на этом уровне, то оно играет действительно важную роль.

Кроме того, общее чувство идентичности повышает предрасположенность людей к готовности перераспределять средства между богатыми и бедными и делиться природными богатствами. Поэтому отвращение к национальной идентичности может оказаться весьма затратным, так как оно снижает способность к сотрудничеству и усиливает неравенство в обществе. Но несмотря на эти соображения, порой от национальной идентичности бывает необходимо отказаться. Если национализм неизбежно ведет к агрессии, то издержки отказа от него, безусловно, являются приемлемыми. С того момента, как европейский национализм вступил в по-

лосу упадка, Европа наслаждается продолжительным и беспрецедентным периодом мира. Эта связь побуждает таких политиков, как канцлер Ангела Меркель, пропагандировать символы европейского единства — в первую очередь евро — в качестве гарантии против возобновления войн. Однако, делая вывод о том, что упадок национализма повлек за собой сокращение насилия, мы путаем причины и следствия: это отвращение к насилию вызвало упадок национализма. Еще более важно то, что отвращение к насилию радикально снизило риск насилия. Отношение к насилию претерпело такие глубокие изменения, что в настоящее время европейская война совершенно немыслима.

Я склонен считать, что нам уже не обязательно отказываться от национальной идентичности с тем, чтобы оградиться от ужасов национализма. Если общая национальная идентичность полезна, то она может спокойно сосуществовать с нацией, соблюдающей мир. Собственно, мы видим это на примере скандинавских стран. Каждое из этих обществ не стесняется своего патриотизма, доходящего до соперничества с соседями. Этот регион известен своими войнами: и Швеция, и Дания в течение долгого времени были воинственными обществами за счет Финляндии и Норвегии соответственно. Однако нынешний период продолжительного мира — факт несомненный. И этот мир держится отнюдь не на формальных институтах европейского сотрудничества. Более того, эти формальные институты непреднамеренно разделяют, а не объединяют скандинавские страны. Норвегия не входит в Европейское сообщество — в отличие от трех других стран региона. Из числа этих трех стран только Финляндия состоит в зоне евро. Таким образом, европейские институты, призванные насаждать единство, привели к раско-

лу четырех скандинавских стран на три отдельных блока. Скандинавские государства находятся в числе стран с самым высоким уровнем жизни в мире, отличаясь не только высокими частными доходами, но и социальным равенством, а также хорошо налаженными общественными услугами. Несомненно, свою роль при этом сыграли патриотизм и чувство единой идентичности, пусть их вклад и невозможно измерить количественно.

В то время как и ответственность перед бедными, и боязнь национализма, вероятно, еще сильнее запугали вопрос о том, имеют ли общества право на ограничение иммиграции, на данный момент самой мощной силой, вдохновлявшей выступления за признание свободы передвижения между странами в качестве естественного права, служила оппозиция расизму. С учетом истории расизма и в Европе, и в Америке столь страстное противодействие расизму и неудивительно, и вполне оправданно. Большинство выходцев из бедных стран принадлежат к иной расе, нежели коренное население богатых стран, принимающих мигрантов, и потому противодействие иммиграции грозит скатиться к расизму. В Великобритании одно широко известное выступление 1960-х годов против иммиграции определено перешло эту грань: нежелательность иммиграции из стран Африки и Южной Азии обосновывалась ужасами неизбежного межэтнического насилия. Эта безрассудная речь давно умершего мелкого политика Эноха Пауэлла имела своим следствием то, что британская дискуссия о миграционной политике была прервана на сорок лет с лишним: сопротивление миграции оказалось столь неразрывно связано с расизмом, что возможность выражать такую позицию сохранилась разве что в маргинальном дискурсе. Откровенно нелепое предсказание Пауэлла

ла о «реках крови» не только сделало дискуссию невозможной, но и превратилось в главное пугало для либералов: предполагалось, что потенциал межрасового насилия между иммигрантами и коренным населением несет в себе огромную скрытую угрозу. Отныне все, что теоретически могло разбудить этого спящего дракона, считалось недопустимым.

Это табу стало разрушаться лишь в 2010 году в результате массовой иммиграции из Польши. Британская иммиграционная политика по отношению к полякам носила ярко выраженный либеральный характер. В момент вступления Польши в Европейское сообщество переходные соглашения давали его членам право ограничивать польскую иммиграцию до тех пор, пока польская экономика не придет в соответствие с европейскими нормами. Все крупные страны сообщества, за исключением Великобритании, прилежно ввели такие ограничения. На решение британского правительства отказаться от подобных мер, возможно, повлиял сделанный в 2003 году прогноз Британской гражданской службы, в котором утверждалось, что восточноевропейская иммиграция в Великобританию будет носить незначительный характер: не более 13 тыс. человек в год. Это предсказание оказалось в корне неверным. Реальная иммиграция в Великобританию из Восточной Европы в течение следующих пяти лет составила около миллиона человек⁴. Подобная крупномасштабная иммиграция, от души приветствовавшаяся такими семьями, как моя, которые считали наплыв квалифицированной и трудолюбивой рабочей силы весьма полезным, в то же время вызывала широкое возмущение — нередко со стороны местных трудящихся, ощущав-

4. Dustmann et al. (2003).

ших угрозу своему положению. Притом что и одобрение иммиграции, и оппозиция ей основывались на откровенно эгоистической мотивации, ни в том ни в другом невозможно было усмотреть никаких признаков расизма вследствие принадлежности поляков к белой расе и христианской вере. Решающим и в придачу комическим моментом стал скандал на выборах 2010 года, когда премьер-министру Гордону Брауну забыли отключить микрофон после инсценированного разговора с простой женщиной из толпы, выбранной его штабом. К несчастью, женщина начала сетовать на последнюю волну иммиграции. После этого все слышали, как Браун распекает своих помощников за то, что те выбрали эту «упертую дуру». Такая демонстрация того, насколько премьер-министр далек от проблемы, общепризнанно являющейся законным источником озабоченности, внесла свой вклад в оглушительное поражение Брауна. Новое руководство Лейбористской партии принесло извинения, заявив, что прежняя политика открытых дверей была ошибочной. Кажется, в Великобритании наконец-то снова стало можно говорить об иммиграции, не рискуя прослыть расистом.

А может быть, и нет. Поскольку расовая принадлежность коррелирует с прочими отличительными чертами — такими, как уровень благосостояния, религия и культура, — не исключено, что любые ограничения на миграцию, введенные на основе этих критериев, все равно будут восприниматься как троянский конь расизма. В таком случае открытое обсуждение вопроса о миграции по-прежнему невозможно. Я решил написать эту книгу лишь после того, как сделал вывод о том, что мы уже в состоянии провести различие между такими концепциями, как раса, бедность и культура. Расизм — это

убеждение в существовании генетических различий между расами, хотя это мнение не подтверждается никакими фактами. Бедность обусловлена низким уровнем доходов, а не генетикой: сохранение массовой бедности при наличии технологий, обеспечивающих простым людям процветание, является скандальной чертой и крупной проблемой нашего века. Культура не наследуется генетически; она представляет собой изменчивое сочетание норм и привычек, влекущих за собой важные материальные последствия. Отказ учитывать расово обособленные различия в поведении — это проявление человеческого достоинства. Отказ учитывать культурно обусловленные различия в поведении был бы слепым отрицанием очевидных фактов.

Полагаясь на законность этих различий, в то же время я в полной мере отдаю себе отчет в том, что мои суждения могут оказаться ошибочными. Этот момент важен, потому что, как мы вскоре увидим, решения, принимаемые в сфере публичной политики, в значительной степени зависят от имущественных и культурных различий. Если считать, что все эти соображения служат не более чем прикрытием для расизма, то лучше вообще отказаться от такой дискуссии, по крайней мере в Великобритании: возможно, мы все еще не вышли из длинной тени Энноха Пауэлла. Таким образом, мое рабочее допущение сводится к тому, что право жить где бы то ни было не является логическим следствием противодействия расизму. Не исключено, что у людей действительно есть такое право, и я еще вернусь к этому вопросу, но его невозможно обосновать одной лишь ссылкой на законную обеспокоенность бедностью, национализмом и расизмом.

Возьмем три группы людей: самих мигрантов, тех, кого они оставляют в своей родной стране,

и коренное население принимающей их страны. Нам нужны теории и факты, которые бы позволили разобраться с тем, какая судьба ждет каждую из этих групп. Вопрос о первой группе — о мигрантах — мы временно отложим, потому что он наиболее прост. Перед мигрантами встают издержки преодоления весьма серьезных барьеров к передвижению, но потом они пожинают экономические блага, намного превышающие эти издержки. Мигрантам достается львиная доля экономических выгод, обеспечиваемых миграцией. Из некоторых новых и весьма интригующих фактов следует, что эти серьезные экономические выгоды частично, а может быть, и существенно нивелируются психологическими потерями. Впрочем, несмотря на поразительность этих фактов, в нашем распоряжении имеется слишком мало надежных исследований для того, чтобы судить об общей значимости самих этих фактов и их последствий.

Вопрос о второй группе — о тех людях, которые остаются жить в бедных странах, являющихся источником миграции, — в первую очередь и вдохновил меня на написание этой книги. Речь идет о беднейших обществах в мире, за последние полвека сильно отставших от процветающего большинства. Выкачивает ли эмиграция из этих обществ те возможности, которых им и без того отчаянно не хватает, или же она служит для них спасательным кругом и подталкивает их к изменениям? Если в качестве точки отсчета при изучении воздействия миграции на тех, кто остался дома, выбрать полностью закрытую дверь, то окажется, что миграция существенно повышает их благосостояние. То же самое можно сказать и о других типах экономического взаимодействия между беднейшими обществами и остальным миром: торговать лучше, чем не тор-

говать, а перемещение капитала лучше полной неподвижности финансов. Однако изучать беднейшие общества, используя автаркию в качестве отправной точки, — занятие неинтересное и бессмысленное: на этой основе невозможно выстроить никакой серьезный политический анализ. Уместной отправной точкой, как и в случае с торговлей и потоками капитала, является статус-кво по отношению не к автаркии, а к более энергичной либо к более вялой эмиграции. Ниже будет показано, что при отсутствии сдерживающих мер эмиграция из беднейших стран ускоряется и им грозит массовый исход. Однако миграционную политику определяют не бедные страны, а богатые. Задавая темп прибытия иммигрантов, власти богатых стран в то же время непреднамеренно устанавливают темп эмиграции из беднейших обществ. Даже если наличие миграции положительно сказывается на этих обществах, являются ли ее нынешние темпы идеальными? Не пойдет ли этим обществам на пользу, если миграция несколько ускорится или несколько замедлится? Подобная постановка вопроса до недавнего времени делала ответ на него невозможным. Тем не менее из новых и чрезвычайно тщательных исследований вытекает, что для многих обществ из «нижнего миллиарда» нынешние темпы иммиграции, вероятно, являются чрезмерными. Десятилетием назад аналогичная работа заложила основу для пересмотра политики в сфере перемещений капитала. Политические изменения всегда сильно отстают от исследований, но в ноябре 2012 года Международный валютный фонд объявил, что он перестает рассматривать отсутствие препятствий для потоков капитала в качестве политики, при любых условиях оптимальной для бедных стран. Подобные нюансированные оценки неизменно приводят

в ярость фундаменталистов, выводящих свои политические предпочтения из моральных приоритетов.

Последний вопрос — о коренном населении в обществах, принимающих мигрантов, — наверняка непосредственно затрагивает большинство читателей данной книги, и потому мы начнем именно с него. Каким образом размах и темп иммиграции влияют на социальное взаимодействие — как между коренными жителями и иммигрантами, так и между самими коренными жителями? Какое экономическое влияние иммиграция оказывает на различные профессиональные и возрастные когорты в рамках коренного населения? Как эти последствия изменяются с течением времени? В отношении коренного населения стран, принимающих миграцию, встает та же самая проблема точки отсчета, что и в отношении населения стран, являющихся источником миграции. В настоящее время такой точкой отсчета служит не нулевая миграция, а такие ее значения, которые несколько отличаются от текущего уровня миграции в ту или в иную сторону. Несомненно, все зависит от конкретной страны: на такой слабо-заселенной стране, как Австралия, иммиграция называется совсем не так, как на странах более густозаселенных — таких как Нидерланды. При попытке ответить на этот вопрос я укажу, что социальные последствия в большинстве случаев окажутся более значимыми, чем экономические — в частности, из-за того, что последние обычно бывают скромными. Чистое влияние миграции на наименее обеспеченные слои коренного населения, скорее всего, будет отрицательным.

Длительный экскурс по трем этим отдельным темам даст нам строительные блоки для общей оценки миграции. Однако, чтобы перейти от описания к оценке, нам потребуются как аналитические, так

и этические рамки. Аналитика и этика, используемая в типичной работе, защищающей миграцию, влечет за собой тривиализацию данной проблемы, потому что получается, что все важные эффекты работают в одном и том же направлении, в то время как от противоположных эффектов отмахиваются как от «сомнительных», «несущественных» или «краткосрочных». Но любой честный анализ должен исходить из наличия победителей и проигравших притом, что даже оценка общего влияния на конкретную группу может оказаться неоднозначной, так как она зависит от того, как сравнивать друг с другом потери и приобретения. Если одни люди оказываются в выигрыше, а другие — в проигрыше, то чьи интересы следует учитывать в первую очередь? Экономический анализ миграции в большинстве случаев дает четкий и убедительный ответ: победители приобретают гораздо больше, чем теряют проигравшие, а значит — горе побежденным. Даже при использовании такого простого критерия, как денежный доход, мы найдем, что выгоды намного превышают потери. Однако экономисты обычно отказываются от денежного критерия в пользу гораздо более изощренной концепции «пользы», и в этом случае общие выгоды от миграции получаются еще более крупными. Для многих экономистов такой ответ решает дело: необходимо проводить такую миграционную политику, которая влекла бы за собой максимум пользы в глобальном масштабе.

В части 5 этот вывод будет мной оспорен. Я утверждаю, что права нельзя приносить в жертву такому сомнительному понятию, как «глобальная польза». Нации являются важными и законными нравственными единицами: собственно, мигрантов как раз и привлекают плоды успешного существования наций. Само наличие национального государства

наделяет правами его граждан, особенно бедное коренное население. От его интересов невозможно отмахиваться, ссылаясь на глобальную пользу и приносимые ею блага. В еще более уязвимой позиции, чем бедные коренные жители стран, принимающих мигрантов, находятся люди, остающиеся там, откуда те уехали. И те и другие сильнее нуждаются и намного более многочисленны, чем сами мигранты. Но в отличие от бедного коренного населения стран, принимающих мигрантов, у них нет никакой возможности как-то повлиять на миграционную политику: их собственные власти не в состоянии контролировать темп эмиграции.

Миграционную политику устанавливают власти стран, принимающих миграцию, а не тех стран, которые служат ее источником. В любом демократическом обществе правительство должно соблюдать интересы большинства его граждан, однако те вправе высказывать озабоченность положением как бедных коренных жителей, так и населения беднейших обществ. Поэтому, выбирая миграционную политику, власти стран, принимающих мигрантов, должны сопоставлять интересы бедного коренного населения с интересами мигрантов и тех, кто остается жить в бедных странах.

Буйная компания ксенофобов и расистов, враждебных к иммигрантам, не упускает возможности напомнить о том, что миграция пагубно сказывается на коренном населении. Понятно, что это вызывает соответствующую реакцию: отчаянно стараясь не давать этим группам новых козырей, представители общественных наук изо всех сил стремятся показать, что миграция полезна для всех. При этом, сами того не желая, они добиваются того, что у ксенофобов появляется возможность задать вопрос: «Так миграция — это хорошо или плохо?». Ключ-

чевая идея данной книги состоит в том, что этот вопрос некорректен. Задавать его так же бессмысленно, как спрашивать: «Еда — это хорошо или плохо?». В обоих случаях более уместным был бы вопрос о том, не хорошо ли это или плохо, а о том, какое количество того и другого является оптимальным. Немного миграции — почти наверняка лучше, чем ее полное отсутствие. Но точно так же, как ожорство вредно для здоровья, так и миграция может быть чрезмерной. Ниже я покажу, что миграция, предоставленная сама себе, будет ускоряться, и потому с большой вероятностью приобретет избыточный размах. Именно поэтому средства контроля над миграцией, отнюдь не будучи неприятным пережитком национализма и расизма, будут становиться все более важными инструментами социальной политики во всех богатых обществах. Неприятно не само их существование, а их непродуманность. В свою очередь, она является результатом табу, препятствующего серьезной дискуссии.

Данная книга представляет собой попытку разрушить это табу. Я прекрасно осознаю, что эта попытка, как и все начинания подобного рода, заключает в себе определенный риск. Фундаменталисты, стоящие на страже ортодоксальных взглядов, готовы пустить в ход свои фетвы. Тем не менее пора начинать, и начнем мы с того, что разберемся, почему миграция ускоряется с течением времени.

Почему миграция ускоряется

НА ПРОТЯЖЕНИИ полувека после начала Первой мировой войны страны держали свои границы закрытыми. Войны и Великая депрессия сделали миграцию затруднительной, а иммигрантов — людьми нежелательными. К 1960-м годам подавляющее большинство людей жило в тех странах, в которых они родились. Однако на протяжении этого полувека неподвижности глобальная экономика претерпела драматические изменения: между доходами разных стран обозначился резкий разрыв.

В рамках общества распределение доходов имеет форму колокола: большинство людей находятся более-менее посередине при наличии двух меньшинств — богатого и бедного. Фундаментальной статистической причиной, обеспечивающей именно такое распределение доходов, является случай: процесс получения доходов зависит от повторяющихся ситуаций, при которых одним людям везет, а другим — не везет. Совокупность везения и невезения и обеспечивает колоколообразное распределение доходов. Если удача накапливается мультипликативно, то «хвост», соответствующий богатому меньшинству, удлиняется: некоторые люди становятся очень богатыми. Эти мультипликативные силы получения доходов настолько могущественны и вездесущи, что им соответствует распределение доходов во всех странах мира.

Однако к 1960-м годам распределение доходов *между* странами мира выглядело совершенно иначе: не как колокол посередине, а как два колокола по обоим краям. На формальном языке такое распределение называется бимодальным; иными словами, существовали богатый мир и бедный мир. Богатый мир богател все больше и больше, причем этот процесс шел исторически беспрецедентными темпами. Например, с 1945 по 1975 год во Франции доход на душу населения утроился: французы называют этот период золотым тридцатилетием. Экономисты разработали теорию роста, чтобы объяснить, в чем была причина этого нового феномена. Однако бедный мир упустил возможности для роста и продолжает упускать их. Пытаясь понять, по каким причинам произошел этот раскол и почему он сохраняется, экономисты создали такое направление исследований, как экономика развития.

Четыре столпа процветания

При разговоре о миграционной политике многое зависит от того, почему одни страны намного богаче других, и потому сейчас я вкратце расскажу, как изменялась профессиональная точка зрения и мои собственные представления по этому вопросу. Когда экономика развития находилась еще в зародыше, стандартное объяснение поразительного разрыва в доходах сводилось к различиям в капиталовооруженности. Считалось, что трудящиеся в богатых странах работают более продуктивно, потому что в их распоряжении имеется намного больше капитала. От этого объяснения не до конца отказались, однако экономистам отныне приходится учитывать такое принципиальное новшество, как международная

мобильность капитала: сейчас он в огромных количествах перемещается из страны в страну. Тем не менее до беднейших стран капитал доходит в незначительных объемах. Бедные страны по-прежнему страдают от нехватки капитала, однако этот факт уже не воспринимается как основная причина их бедности; что-то еще должно отвечать и за то, что им не хватает капитала, и за их бедность. В качестве объяснений выдвигались и анализировались такие факторы, как выбор неудачной экономической политики, дисфункциональная идеология, сложные географические условия, негативное отношение к работе, наследие колониализма и недостаточный уровень образования. Большинство из этих факторов представляются в той или в иной мере убедительными, однако ни один, по-видимому, не годится в качестве окончательного объяснения: например, выбор политики происходит не сам по себе, а является следствием определенных политических процессов.

Экономисты и политологи во все большей степени предпочитают такие объяснения, в основе которых лежат принципы организации государства: каким образом заинтересованные политические группы задают вид долговечных институтов, которые впоследствии определяют выбор политики¹. Согласно одному из влиятельных направлений аргументации, ключевые начальные условия процветания должны обеспечивать заинтересованность политической элиты в создании налоговой системы: европейская элита традиционно нуждалась в поступлениях для финансирования военных расходов. В свою очередь, налоговая система делает государство заинтересованным в расширении масштабов экономики и потому подталкива-

1. Besley and Persson (2011); Acemoglu and Robinson (2012).

ет его к установлению правозаконности. Та стимулирует людей к инвестициям, вселяя уверенность в том, что производственные активы не будут экспроприированы. Инвестиции обеспечивают экономический рост. На этом надежном фундаменте для инвестиций вырастает еще один слой институтов, обеспечивающих распределение доходов. Протесты со стороны множества исключенных вынуждают богатых развивать инклюзивные политические институты: так мы приходим к частнособственной демократии.

Другие авторы развивают похожую аргументацию, утверждая, что ключевым институциональным изменением стал переход политической власти от хищнических элит, занимавшихся изъятием средств у трудящегося населения, к более инклюзивным институтам, защищающим интересы производителей. В своем важном новом исследовании Дарон Асемоглу и Джеймс Робинсон указывают, что английская Славная революция 1688 года, в ходе которой власть перешла от короля к парламенту, стала первым из подобных решающих событий в мировой экономической истории, инициировав промышленную революцию и открыв путь к глобальному процветанию.

Эта линия рассуждений выдвигает на первое место политические и экономические институты. О значении демократических институтов свидетельствует тот факт, что смена лидера существенным образом сказывается на экономических показателях лишь в тех случаях, если эти институты слабы. Хорошие институты становятся преградой к своеволию лидеров². Поэтому формальные политические и экономические институты играют

2. Jones and Olken (2005).

важную роль: богатые страны обладают более качественными политическими и экономическими институтами по сравнению с бедными странами.

Однако демократические политические институты успешно функционируют лишь в том случае, если простые граждане достаточно хорошо информированы для того, чтобы призвать политиков к ответу. Многие вопросы носят сложный характер, причем это относится и к самой миграционной политике. Кейнс проникательно предположил, что простые люди знакомятся со сложными проблемами с помощью нарративов — доступных для понимания кратких изложений теоретических вопросов³. Нарративы легко распространяются, становясь общественными благами, но они могут иметь очень слабое соответствие реальности. Пример тому — нарративы, объясняющие причины болезней. Переход от нарративов, объяснявших болезни результатом колдовства, к нарративам, основанным на теории микроорганизмов, сыграл ключевую роль в становлении общественного здравоохранения. В Европе он произошел в конце XIX века. На Гаити он до сих пор не завершился: даже пострадав от землетрясения, люди все равно опасались больниц. Нарративы в зависимости от своего содержания способны поддерживать, дополнять или подрывать те или иные институты. Нарратив «немцы перестали мириться с инфляцией» способствовал укреплению рейхмарки. Однако аналогичного нарратива в отношении евро в Европе так и не появилось. Подобно рейхмарке, евро пользуется институциональной защитой, сводящейся к двум фискальным правилам; тем не менее с момента введения евро в 2001 году их наруша-

3. Кау (2012).

ли 16 из 17 стран еврозоны, включая Германию. Евро представляет собой отважную и, возможно, безрассудную попытку вынудить преобладающие в Европе различные экономические нарративы адаптироваться к новому общему институту. Но эта адаптация происходит медленно и неуверенно. Несмотря на уровень безработицы в 27%, к 2012 году инфляция в Испании остается выше, чем в Германии, притом, что длительный период более высокой инфляции резко подорвал конкурентоспособность первой из этих стран. Пусть нарративы изменяются с течением времени, но это не снижает их значения.

В то время как Европа дает пример различия экономических нарративов, контраст между США и Южным Суданом иллюстрирует различие в политических нарративах. Президент Клинтон прославился тем, что выиграл избирательную кампанию под лозунгом «Это же экономика, глупец!». Общество, в котором подобные лозунги находят отклик, будет пользоваться совершенно иным набором политических институтов по сравнению с обществом, прибегающим к такому нарративу, как «Народ динка терпит притеснения со стороны народа нуэр»⁴. Аналогично в обществе, считающем, что «зарубежные инвестиции означают новые рабочие места», Национальное агентство инвестиций будет работать совсем по-другому, чем в обществе, уверенном, что «зарубежные инвестиции означают эксплуатацию». Ложные нарративы в конце концов выходят

4. В блестящем новом исследовании Тимоти Бесли и Марта Рейнал-Квероль (Besley and Reynal-Querol 2012) показывают, что в Африке причиной современных кровавых конфликтов может служить даже память о конфликтах, происходивших в XV веке.

из употребления, но на это может понадобиться много времени. Поэтому одной из причин огромного разрыва в доходах, возможно, является то, что в богатых обществах институты опираются на более функциональные нарративы, чем те, которые преобладают в бедных обществах.

Однако многие правила, диктующие экономическое поведение, носят неформальный характер, и поэтому наш анализ можно распространить не только на институты и нарративы, но и на социальные нормы. Две ключевые социальные нормы связаны с насилием и сотрудничеством. В обществе с высоким уровнем насилия правозаконность хронически игнорируется: домохозяйства и фирмы вынуждены тратить силы на обеспечение безопасности, в предельном случае получая ее путем сохранения бедности с тем, чтобы меньше привлекать к себе внимания⁵. Способность к сотрудничеству представляет собой важнейший фактор процветания: многие товары и услуги являются «общественными благами» и их коллективное предоставление оказывается наиболее эффективным. Поэтому социальные основы мира и сотрудничества существенны в плане экономического роста и не вытекают непосредственным образом из формальных институтов. Стивен Пинкер убедительно предположил, что нормы, связанные с насилием, весьма радикально изменялись на протяжении столетий, пройдя ряд отдельных этапов⁶. Первым из них был переход от анархии к централизованной власти; его еще предстоит проделать Сомали. Второй — переход от власти к авторитету, еще не осуществленный многими режимами. Кроме того, сравнитель-

5. Greif and Bates (1995).

6. Pinker (2011).

но недавним явлением стало усиление способности сочувствовать страданиям других людей и отказ от кодексов клановой и семейной чести, сделавшие обращение к насилию менее приемлемым.

Основы сотрудничества широко исследовались в ходе игровых экспериментов, и в настоящее время мы имеем о них весьма хорошее представление. Устойчивое сотрудничество зависит от доверия. Та степень, в которой люди готовы доверять друг другу, очень сильно различается от общества к обществу. Общества с высоким уровнем доверия в большей степени способны к сотрудничеству, а кроме того, несут более низкие издержки транзакций, потому что меньше зависят от процессов формального принуждения к соблюдению обязательств. Поэтому социальные нормы так же важны, как и формальные институты. Нормы, преобладающие в богатых обществах, обеспечивают намного более низкий уровень межличностного насилия и более высокий уровень доверия, чем те, которые преобладают в бедных обществах.

В свою очередь, институты, нарративы и нормы способствуют возникновению эффективных организаций, обеспечивающих производительность своей рабочей силы. Как правило, высокая производительность достигается путем компромисса между масштабами и трудовой мотивацией. Экономисты давно поняли существование прямой зависимости между размером и производительностью: крупным организациям доступна экономия за счет масштаба. Однако убедительный анализ мотивации был осуществлен лишь недавно. Несомненно, свою роль здесь играют и стимулы, однако работа нобелевского лауреата Джорджа Акерлофа и Рейчел Крэнтон позволяет по-новому оценить, каким образом успешные организации используют мотивацию, основанную

на идентичности. Эффективная фирма навязывает своим работникам идентичность, способствующую высокой производительности⁷. Акерлоф приходит к своей ключевой идее, задаваясь вопросом: «Как становятся хорошими водопроводчиками?». Он указывает, что главное здесь — не профессиональная подготовка и не хороший заработок, а скачок идентичности, после которого водопроводчик сам начинает считать себя хорошим водопроводчиком. Для водопроводчика, совершившего этот скачок, плохая работа будет несовместима с его чувством идентичности. В частном секторе конкуренция вынуждает организации к повышению производительности их работников. Акерлоф и Крэнтон показывают, что фирмы, добившиеся успеха, действительно идут на определенные затраты сил и времени с целью побудить своих работников к тому, чтобы те воспринимали стоящие перед фирмой задачи как свои собственные и перестали быть «посторонними». В общественном секторе организации принуждаются к тому же самому силами политической подотчетности. Чем выше доля тех, кто перестал быть «посторонним», тем выше производительность рабочей силы, и потому все оказываются в выигрыше.

Бедные страны бедны в том числе и потому, что им не хватает эффективных организаций: многие из них слишком малы для того, чтобы использовать экономию за счет масштаба, а многие, особенно среди общественных организаций, не умеют мотивировать своих работников. Например, во многих бедных странах учителя не проявляют рвения в работе и не развивают необходимых навыков — таких как функциональная грамотность. Результатом становится катастрофически низкий уровень

7. Akerlof and Kranton (2011).

образовательных стандартов, о чем свидетельствуют результаты международных тестов⁸. Такие учителя, очевидно, не совершили необходимого скачка идентичности и не считают себя хорошими учителями, а за это, в свою очередь, несут ответственность те организации, которые их нанимают.

Сочетание институтов, правил, норм и организаций данной страны я буду называть ее *социальной моделью*. Социальные модели существенно различаются даже среди стран с высокими доходами. Особенно сильные институты и частные организации существуют в США, однако европейские общественные организации несколько сильнее американских, а в Японии по сравнению и с Европой, и с США сложились намного более сильные нормы доверия. Но несмотря на различия в деталях, все богатые общества отличаются весьма хорошо функционирующими социальными моделями. Вполне возможно, что различные сочетания хорошо работают, потому что их компоненты удачно адаптировались друг к другу: например, институты и нормы могут постепенно эволюционировать таким образом, чтобы прийти в соответствие с текущим состоянием нарративов и организаций. Но подобная адаптация происходит не автоматически. Напротив, сотни различных обществ существовали тысячи лет, прежде чем в каком-либо из них сложилась социальная модель, способная обеспечить рост процветания. Даже Славная революция была совершена не с целью добиться процветания: ее движущей силой являлась смесь религиозных предрассудков и политического оппортунизма. Английская социальная модель, возникшая в XVIII веке, была воспроизведена и усовершенствована в Америке. Это, в свою очередь, по-

8. Beatty and Pritchett (2012).

влияло на социальную революцию во Франции, которая силой оружия насадила свои новые институты по всей Западной Европе. Ключевой момент, который я хочу донести до читателя, состоит в том, что нынешнее процветание Западного мира, с запозданием распространяющееся и в других регионах, не является результатом каких-то неизбежных сил прогресса. На протяжении тысячелетий вплоть до XX века не существовало таких стран, в которых простые люди не были бы бедными. Высокий уровень жизни являлся привилегией элит, присваивавших плоды чужой работы, а не нормальной наградой за производительный труд. Если бы не благоприятное сочетание обстоятельств, сравнительно недавно породивших социальную модель, способствующую экономическому росту, то это прискорбное состояние вещей, по всей вероятности, сохранялось бы и по сей день. В бедных странах оно сохраняется до сих пор.

Если процветание богатого мира покоится на этом фундаменте, то это влечет за собой принципиальные последствия в плане миграции. Мигранты, по сути, бегут из стран с дисфункциональными социальными моделями. Было бы хорошо, если бы вы перечитали последнее предложение и задумались над тем, что из него вытекает. Например, не исключено, что это побудит вас чуть более осторожно относиться к повторяемой с самыми благими намерениями мантре о необходимости «уважать другие культуры». Есть подозрение, что именно культуры — иными словами, нормы и нарративы — бедных обществ, наряду с их институтами и организациями, являются главной причиной их бедности. Разумеется, если исходить из иных критериев, помимо того, насколько эти культуры благоприятствуют процветанию, вполне может оказаться, что

они ничем не уступают социальным моделям богатых обществ и даже превосходят их. Возможно, они предпочтительнее в смысле достоинства, гуманности, художественной креативности, чести и добродетели. Однако сами мигранты голосуют ногами в пользу социальной модели, обеспечивающей высокие доходы. Признание того, что бедные общества экономически дисфункциональны, не дает лицензии на снисходительность по отношению к их жителям: борьба с враждебным окружением может дать людям такое же право на уважение, как и успехи, достигнутые в благоприятных условиях. Тем не менее не стоит заходить слишком далеко при защите мультикультурализма: если достойный уровень жизни ценен сам по себе, то с этой точки зрения не все культуры равны друг другу.

Трудящиеся, переселяющиеся из бедных стран в богатые, выбирают для себя новую социальную модель. В результате их производительность резко возрастает. Такого же прироста производительности можно добиться, насаждая функциональные социальные модели в низкопроизводительных обществах, вместо того чтобы перемещать их население в высокопроизводительные общества. В конечном счете решающую роль играют идеи, которые могут распространяться по самым разным каналам. Общества действительно перенимают друг у друга идеи и претерпевают соответствующие изменения: за свою жизнь я наблюдал несколько подобных случаев. В 1970-е годы это произошло в Западной Европе, когда Испания, Греция и Португалия отказались от диктатуры в пользу демократии. В 1989 году Советская империя освободилась из-под власти коммунистов, и другие регионы откликнулись на это событие свержением ряда военных режимов в Латинской Америке и Африке. Поразительные пре-

образования идут у нас на глазах: «арабская весна» уже привела к переменам в Тунисе, Египте и Ливии, а вскоре это ожидает и Сирию. Все эти события демонстрируют привлекательность идеи демократических институтов. Говорят, что в самом начале холодной войны советский вождь Сталин задал риторический вопрос: «Сколько дивизий есть у папы римского?». Тем самым он хотел сказать, что мощь советского государства восторжествовала над религией, но с тех пор стало ясно, как сильно он заблуждался: идеи сильнее пушек. «Жизнеспособна ли коммунистическая социальная модель?» — вот над каким вопросом ему следовало задуматься. Перенос идей обеспечивает стремительную конвергенцию многих стран, прежде бывших бедными, с экономикami, имеющими высокий уровень заработной платы. Это снизит нужду в миграции, а может быть, даже приведет к тому, что она пойдет вспять. Однако не существует простых институциональных образцов, которые просто следует скопировать. Институты, нарративы, нормы и организации не обязательно должны быть повсюду одинаковыми, однако им необходима согласованность.

Кроме того, перемещение людей можно заменить перемещением товаров. Собственно, первоначальный импульс к миграции трудящихся в страны с высоким уровнем зарплаток сводился к необходимости обойти торговые ограничения, наложенные богатыми странами на импорт из бедных стран. Главные британские общины азиатских мигрантов — в Брэдфорде и Лейчестере — были основаны людьми, первоначально завербованными для работы на тамошних текстильных фабриках. Эти фабрики потеряли привлекательность для британских рабочих из-за роста заработной платы в других секторах экономики. Более эффективным решением был бы

перевод текстильной промышленности в Азии, что и произошло примерно десять лет спустя. Однако установленные британскими властями торговые барьеры в сфере текстильного импорта лишали производителей такой возможности. В результате торговый протекционизм, ненадолго продливший жизнь британских фабрик, оставил наследие в виде общин азиатских иммигрантов. Ограничивая перемещение товаров, как поступила Великобритания, и тем самым вызывая ответное перемещение людей, мы не получаем общей экономической выгоды — зато сталкиваемся с целым рядом социальных издержек. Нередко утверждается, что расширение масштабов миграции — один из неизбежных аспектов глобализации. Но по сути это лишь пустая риторика. Перемещение людей отнюдь не является неотъемлемой чертой глобализации; мы можем использовать вместо него такие альтернативы, как перемещение товаров, капитала и идей.

Всегда, когда у нас имеется возможность обеспечить рост производительности перемещая не людей, а товары, идеи или деньги, мы поступим разумно, если именно так и сделаем. Скорее всего, именно это и будет происходить на протяжении ближайших ста лет. Однако, как я покажу ниже, эти альтернативные варианты работают слишком медленно для того, чтобы устранить колоссальный разрыв в доходах между беднейшими обществами и богатыми странами еще при нашей жизни.

Миграция и разрыв в доходах

Экономический рост богатых стран в период золотого тридцатилетия и стагнация бедных стран имеют принципиальное значение для понимания при-

чин современной миграции. Следствием достигнутого в тот период беспрецедентного процветания стало появление стимулов к тому, чтобы вновь открыть двери. Из-за полной занятости наниматели отчаянно нуждались в работниках. Кроме того, исчезли страхи, удерживавшие рабочих от коллективных действий, вследствие чего профсоюзы выросли в размерах и вели себя более воинственно. Власти, будучи крупнейшими нанимателями, непосредственно сталкивались с нехваткой рабочей силы, но при этом им приходилось как-то реагировать на волну забастовок и ценовую инфляцию, сопровождавшую профсоюзную активность. В погоне за экономическим ростом приглашение рабочих из стран с намного более низким уровнем жизни казалось удачным шагом. Левые политики нуждались в рабочей силе для расширявшейся сферы услуг и инфраструктуры; правые политики нуждались в иммигрантах для того, чтобы заткнуть ими узкие места, тем самым ускорив экономический рост и обуздав профсоюзы. Поэтому власти не только ослабляли ограничения на иммиграцию, но и принимали меры к тому, чтобы привлечь иностранных рабочих. Германия приглашала турок, Франция — североафриканцев, Великобритания — выходцев из Карибского бассейна, а США — латиноамериканцев; например, Закон 1965 года об иммиграции радикально облегчил въезд мигрантов в США.

Открывая двери, власти богатых стран могли быть уверены в том, что желающие войти в эти двери найдутся. Широкий разрыв в доходах служил для людей из бедных стран мощным стимулом к тому, чтобы перебраться в богатые страны. Однако, несмотря на этот разрыв, первоначально поток мигрантов был не более чем ручейком. Как будет показано в главе 6, на пути международной мигра-

ции стоят всевозможные барьеры, помимо чисто юридических ограничений.

Экономисты лишь недавно сумели смоделировать миграцию, используя весь набор приемов, имеющих в их дисциплине. Прежде препятствием к этому являлась безнадёжная неадекватность данных о международной миграции: сколько бы теорий ни создавали экономисты, их было невозможно проверить. Крупные базы данных — это публичные средства производства прикладной экономики: продолжительные усилия, необходимые для того, чтобы собрать их, лишают отдельных исследователей желания заниматься этим, и потому эту работу приходится выполнять международным экономическим организациям, которые способны регулярно выделять на нее необходимые ресурсы и обладают соответствующими полномочиями, полученными от заинтересованной общественности. На протяжении последних нескольких лет в нашем распоряжении начали появляться такие базы данных, но лишь в 2012 году Всемирный банк обнародовал крупную базу данных, которая, по всей вероятности, станет бесценным источником для проведения подобного анализа. За последние пять лет наши фактические знания в этой области расширились сильнее, чем за предыдущие пятьдесят, хотя имеющиеся у нас данные в большинстве своем все равно относятся к периоду до 2000 года.

Учитывая эту оговорку, мы все же можем сказать, что знаем три важные вещи о причинах международной миграции. Первая из них состоит в том, что миграция — это экономическая реакция на разрыв в доходах: чем он шире, тем при прочих равных условиях сильнее стимул к миграции. Вторая сводится к существованию бесчисленных экономических, юридических и социальных пре-

пятствий к миграции, в своей совокупности весьма существенных, вследствие чего миграция представляет собой инвестицию: прежде чем получать прибыль, необходимо понести издержки. Поскольку издержки инвестиций в наименьшей степени доступны для самых бедных, это обстоятельство компенсирует стимул, создаваемый разрывом в доходах. Если разрыв широк из-за чрезвычайной бедности людей в стране, служащей источником миграции, то их желание эмигрировать, скорее всего, не осуществится. Третий важный момент заключается в том, что издержки миграции резко снижаются в том случае, если в стране, принимающей мигрантов, уже имеется диаспора выходцев из страны, служащей источником миграции⁹. Издержки миграции сокращаются по мере того, как разрастается община иммигрантов, уже осевших на новом месте¹⁰. Таким образом, темп миграции определяется шириной разрыва, уровнем дохода в стране — источнике миграции и величиной диаспоры. Эти факторы взаимодействуют друг с другом не аддитивно, а мультипликативно: как широкий разрыв при небольшой диаспоре, так и узкий разрыв при крупной диаспоре дадут лишь ручеек мигрантов. Большой поток обеспечивается сочетанием широкого разрыва, крупной диаспоры и не слишком маленького дохода в странах — источниках миграции.

К 1970-м годам разрыв между богатым и бедным миром достиг чудовищных размеров, но затем золотое тридцатилетие завершилось и темпы роста в богатом мире снизились. Постепенно эстафету ускоренного роста перехватили развивающиеся страны, начиная с Восточной Азии. К 1980-м годам ускоре-

9. Beine et al. (2011).

10. Carrington et al. (1996).

ние экономического роста началось в Китае и Индии, где живет треть человечества, в 1990-е годы экономический рост пришел в Латинскую Америку, а на рубеже тысячелетий к ней присоединилась и Африка. Но если разрыв в доходах изначально был достаточно велик, то даже в случае более высоких темпов роста в бедных странах по сравнению с богатыми абсолютный разрыв на протяжении достаточно долгого времени будет только расширяться. Предположим, что доход на душу населения составляет 30 тыс. долларов в богатой стране и 2 тыс. долларов в бедной, но при этом экономика бедной страны возрастает на 10% в год, а богатой — всего на 2%. В относительном плане между обеими странами происходит быстрая конвергенция, однако абсолютный разрыв в доходах возрастет за год с 28 000 до 28 400 долларов. В смысле отношения прибыли к инвестициям миграция становится не *менее*, а *более* привлекательной. Более того, благодаря росту доходов в стране — источнике миграции первоначальные издержки миграции окажутся более доступными. В конце концов решающее слово останется за соотношением темпов роста. Если экономика в бедной стране по-прежнему будет развиваться быстрее, чем в богатой, то в какой-то момент абсолютный разрыв в доходах опять начнет сужаться и дополнительный доход перестанет существенно сказываться на доступности миграционных издержек. Но при изначальном широком разрыве он начнет сужаться намного позже ускорения темпов роста. Китай только сейчас подходит к этапу, на котором начнет сокращаться его абсолютное отставание в доходах от западных стран. Однако абсолютный разрыв между бедными и богатыми странами продолжит расширяться на протяжении десятилетий. Более того, в бед-

ных странах доходы останутся такими низкими, что издержки миграции по-прежнему будут играть заметную роль: рост доходов пойдет на финансирование инвестиций в миграцию. Таким образом, хотя у бедных стран имеются хорошие перспективы на постепенное преодоление отставания, в течение нескольких десятилетий разрыв в доходах останется достаточно широким для того, чтобы создавать серьезный и притом лишь увеличивающийся стимул к миграции.

Следствием миграции являются диаспоры, а те способствуют миграции: что из них — курица, а что — яйцо? Как раз на этот вопрос у нас есть ответ. По причине того, что на протяжении значительной части XX века границы богатых стран были закрыты для мигрантов из бедных стран, еще в начале 1960-х годов значительные диаспоры отсутствовали. Начиная с 1960 года миграция предшествовала росту диаспор. Из-за первоначальных ничтожных размеров диаспор открытие границ на первых порах привело лишь к скромной миграции, несмотря на широкий разрыв в доходах. В отсутствие диаспоры, принимающей мигрантов, издержки миграции были слишком высоки.

Взаимодействие разрыва в доходах и диаспор порождает простую и притом поразительную динамику: размер миграционного потока зависит от разрыва в доходах и от уже существующего количества мигрантов. По мере его увеличения поток нарастает, и потому при заданной величине разрыва миграция ускоряется. Экономистов всегда интересует равновесие: та точка, в которой противоположные силы уравнивают друг друга и система приходит в состояние покоя. Миграция может находиться в состоянии покоя в двух смыслах. Либо речь идет о том, что темп миграции не ускоряется,

а остается постоянным, либо, в более буквальном смысле слова, прекращается чистый отток людей из одной страны в другую. Может ли этот простой процесс взаимодействия между разрывом в доходах и диаспорой привести к установлению того или другого равновесия?

Почему равновесие не всегда достижимо

При заданном разрыве в доходах миграция перестанет ускоряться только в том случае, если прекратится рост диаспоры. Но поскольку она постоянно увеличивается за счет миграции, то ее рост остановится лишь при наличии какого-то компенсирующего процесса, сокращающего ее размер. Диаспора как концепция проста для понимания, но измерить ее величину очень сложно. Как правило, в этих измерениях используются такие приближенные показатели, как число жителей данной страны, не родившихся в ней. Однако в основе используемого нами понятия диаспоры лежит не место рождения, а поведение. В плане темпов миграции для нас важно количество людей, как-то связанных с новыми мигрантами и *готовыми помогать им*. В этом смысле темп выхода из диаспоры зависит не от уровня смертности среди иммигрантов, а от передачи культуры и обязательств. Я сам — внук иммигранта, но не смогу ничем помочь тем, кто хотел бы переселиться в Великобританию из Эрнсбаха. Хотя мне однажды довелось побывать в этой красивой деревне, покинутой моим дедом, я не имею никаких связей ни с ее жителями, ни с другими потомками немцев, живущими в Великобритании: я не являюсь членом диаспоры. При этом некоторые другие

внуки иммигрантов действительно принадлежат к диаспоре, определенной вышеназванным образом.

В большинстве обществ у диаспоры нет четкой границы: многие люди стоят одной ногой в иммигрантском прошлом, а другой — в общем будущем. Тем не менее в целях анализа нередко бывает полезно выделить четкие категории и схематические процессы, приближенные к реальности. Точность изображения при этом приносится в жертву упрощениям, позволяющим обозначить вероятные последствия взаимосвязей между различными факторами. Поэтому мы рассмотрим условную страну, в которой существует диаспора, постепенно влияющая в основное общество, причем ежегодно это происходит с определенной долей диаспоры. Этот процесс может принимать самые разные формы. Так, иммигрант может просто потерять контакт с обществом, которое он покинул, или лишиться интереса к нему. Дети иммигрантов порой предпочитают считаться членами приютившего их общества, как произошло с моим отцом. Или же с течением времени каждое последующее поколение выходцев из иммигрантских семей психологически все сильнее отдаляется от страны своих предков. Долю диаспоры, ежегодно покидающую ее ряды, мы назовем *темпом абсорбции*; он может быть как высоким, так и низким. Например, если ежегодно из каждых ста членов диаспоры двое переходят в основное общество, то темп абсорбции составит 2%.

Темп абсорбции зависит от того, откуда и куда прибыли мигранты. Также он может зависеть от государственной политики. Более подробно мы обсудим соотношения между этими факторами в главе 3. На данном этапе ограничимся только одним фактором, напрямую влияющим на темп абсорб-

ции: последний зависит непосредственно от величины самой диаспоры.

Размер диаспоры важен потому, что чем активнее взаимодействует член диаспоры с коренным населением, тем выше вероятность того, что он скоро волеется в его ряды. Но помимо взаимодействия с коренным населением, он взаимодействует также с другими членами диаспоры. Чем больше размер диаспоры по отношению к коренному населению, тем меньшую роль будет играть взаимодействие с ним. Так происходит из-за того, что на практике человек не может неограниченно взаимодействовать с окружающим обществом. Как правило, число реальных взаимосвязей, которые каждый из нас может иметь с другими людьми, не превышает примерно 150¹¹. Поэтому чем крупнее диаспора, тем меньше ее представители взаимодействуют с коренным населением и, соответственно, тем ниже темп абсорбции. Следует отметить, что в принципе существует и противоположный эффект. Чем крупнее диаспора, тем сильнее с ней взаимодействует коренное население и тем быстрее культура диаспоры растворяется в местной культуре. Но пока диаспора остается меньшинством, ее типичный представитель будет гораздо шире контактировать с коренным населением, чем типичный представитель коренного населения — с диаспорой. Таким образом, если эти контакты будут порождать стимулы к абсорбции, с равной силой действующие в обе стороны, то процесс абсорбции будет заключаться преимущественно в адаптации мигрантов. Несмотря на то что чем крупнее диаспора, тем быстрее

11. Число людей, с которыми каждый из нас способен поддерживать осмысленные отношения, не превышает 150. Эта величина известна как постоянная Данбара (Dunbar 1992).

к ней адаптируется коренное население, сомнительно, что этот процесс может компенсировать снижение темпа адаптации мигрантов¹². Отсюда вытекает важное следствие: чем крупнее диаспора, тем ниже темп ее абсорбции.

Знакомство с рабочей моделью

Теперь в нашем распоряжении имеются все три строительных блока, позволяющие понять динамику миграции. Во-первых, миграция зависит от размера диаспоры: его увеличение облегчает миграцию. Во-вторых, миграция увеличивает размер диаспоры, а абсорбция в основное общество снижает его. В-третьих, темп абсорбции определяется размерами диаспоры: чем крупнее диаспора, тем медленнее абсорбция. Пора приладить три этих блока друг к другу. Если у вас хорошо развита интуиция, вы сумеете сделать это самостоятельно. Однако большинству из нас не обойтись без помощи, и такую помощь нам могут оказать модели.

Модель — это рабочая лошадка исследователя. Ее преимущество состоит в том, что она может дать четкие ответы на вопросы, достаточно сложные для того, чтобы разобраться в них чисто интуитивным способом. Модели не заменяют такое понимание; они служат строительными лесами, позволяющими учесть то, что иначе мы можем упустить. Самый простой способ объяснить, как работает кон-

12. Например, в особенно тщательном исследовании турецкой и сербской диаспор в Германии (Koszan 2013) показывается, что чем выше в классе доля детей из диаспоры, тем больше вероятность того, что у ребенка из диаспоры разовьется ярко выраженное чувство принадлежности к ней.

кретная модель, — нарисовать график. Они могут вносить ясность в изучаемый вопрос, и тот график, который предлагается вашему вниманию, несложен, зато заключает в себе много важных моментов. Время от времени на протяжении всей книги я буду возвращаться к нему, чтобы извлечь из него еще ту или иную идею, поэтому имеет смысл изучить его чуть подробнее. На любом графике сопоставляются те или иные величины: почти каждый из нас знаком с типичным газетным графиком, на котором по горизонтальной оси откладывается время, а по вертикальной оси — какой-нибудь достойный внимания показатель, наподобие уровня безработицы. На графике, изображенном на рис. 2.1, по вертикальной оси откладывается темп миграции с островов Тонга в Новую Зеландию, а по горизонтальной оси — размер тонганской диаспоры в Новой Зеландии, то есть количество неабсорбировавшихся мигрантов и их потомков, уже проживавших в стране, принимающей миграцию.

Теперь изобразим первый строительный блок: зависимость миграции от величины диаспоры. Разумеется, миграция зависит и от других факторов, и в первую очередь от разрыва в доходах. Поэтому временно примем разрыв в доходах постоянным, что позволит нам не учитывать этот показатель и сосредоточить все внимание на диаспоре и миграции. Например, можно рассмотреть миграцию из такой страны, как Тонга, в такую страну, как Новая Зеландия, и попытаться изобразить соотношение между темпом этой миграции и величиной тонганской диаспоры в Новой Зеландии. В результате у нас получится что-то вроде линии $M-M'$ на приведенном графике. Миграция происходит даже при отсутствии диаспоры, потому что разрыв в доходах вынуждает некоторых людей к смене места жи-

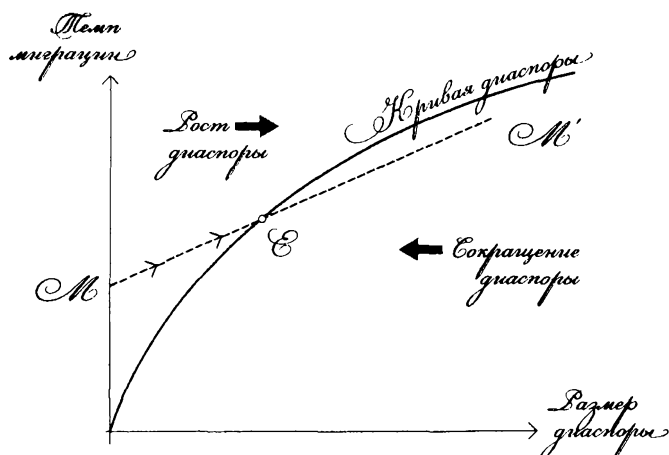

РИС. 2.1. Миграция в Новую Зеландию с островов Тонга

тельства. Но чем крупнее тонганская диаспора, тем быстрее идет миграция из Тонга. Было бы удобно как-то назвать это взаимоотношение. В подражание жаргону экономистов мы будем называть его *миграционной функцией*, но с тем же успехом можно говорить о «поддержке миграции диаспорой», потому что именно это изображено на графике.

Теперь обратимся ко второму строительному блоку — пополнению и сокращению диаспоры. При каком сочетании размера диаспоры и темпа миграции пополнение диаспоры за счет миграции уравновешивается оттоком, вызванным абсорбцией? Очевидно, размер диаспоры останется неизменным лишь в том случае, если число новых тонганских иммигрантов, пополняющих диаспору, будет равно числу бывших тонганских мигрантов и их потомков, выходящих из состава диаспоры. В свою оче-

редь, миграция останется постоянной лишь тогда, когда не будет изменяться размер диаспоры. Пока тонганская диаспора растет, миграция из Тонга все сильнее упрощается и потому ускоряется.

Диаспора будет сохранять свой размер при самых разных сочетаниях ее численности и темпа миграции. Например, предположим, что ежегодно тонганскую диаспору покидают 2% ее членов. Если тонганская диаспора в Новой Зеландии насчитывает 30 тыс. человек, то значит ежегодно в ней появляется 600 вакансий. Таким образом, размер диаспоры не будет изменяться, если ежегодно из Тонга будет прибывать 600 мигрантов. Из этой связи между темпом абсорбции и числом иммигрантов вытекает одно простое следствие. Тонганская диаспора будет возрастать до тех пор, пока ее численность не превысит темп миграции в 50 раз.

Такое сочетание размера диаспоры и темпа миграции, при котором численность диаспоры не изменяется, дает нам *кривую диаспоры*. Как она выглядит? Во-первых, очевидно то, что при отсутствии какой-либо диаспоры и миграции размер диаспоры так и останется нулевым. Поэтому одним своим концом кривая диаспоры упирается в угол графика¹³. Слева от *кривой* диаспора будет слишком мала для того, чтобы числа вакансий, создаваемых абсорбцией, хватало для всех новоприбывших. Поэтому диаспора будет расти. Справа от *кривой* диаспора сокращается. Эти изменения, которые экономисты несколько напыщенно называют «динамикой», показаны на графике стрелками.

Итак, у нас есть картинка, показывающая, что миграция облегчается при наличии диаспоры

13. Точка, в которой пересекаются две оси графика, считается началом отсчета.

и что диаспора растет за счет миграции и сокращается за счет абсорбции. Последним строительным блоком является зависимость темпа абсорбции от величины диаспоры. Чем крупнее диаспора, тем больше количество социальных контактов между ее членами и тем ниже будет темп ее абсорбции в основное общество. Темп абсорбции просто-напросто равен *наклону* кривой¹⁴. Чем медленнее происходит абсорбция, тем меньше наклон кривой, и потому по мере роста диаспоры кривая все сильнее приближается к горизонтали.

Опять же, если у вас хорошо развита интуиция, вам не понадобится модель, чтобы понять, как эти три разные силы взаимодействуют между собой. Однако при наличии модели все становится просто: мы можем предсказать и тот момент, когда

-
14. Чтобы убедиться в этом, предположим на секунду, что темп абсорбции не зависит от величины диаспоры: например, ежегодно из диаспоры в основное общество переходит 2% ее членов, вне зависимости от ее размера. В таком случае удвоение диаспоры приведет к тому, что число людей, абсорбируемых основным обществом, тоже удвоится. При удвоении числа людей, покидающих диаспору, удвоится число мест для новых мигрантов: таким образом, удвоение диаспоры приведет к удвоению темпа миграции, при котором размер диаспоры не меняется. *Кривая диаспоры* будет выглядеть как прямая линия, выходящая из угла графика. Теперь примем более правдоподобное предположение о том, что темп абсорбции снижается по мере возрастания диаспоры. Если в Новой Зеландии будет насчитываться 30 тыс. тонганцев, то числа их контактов с другими членами общества хватит для того, чтобы поддерживать темп абсорбции в 2%, но при наличии 60 тыс. тонганцев типичный представитель тонганской диаспоры будет иметь меньше контактов за пределами своей группы и темп абсорбции снизится до 1,5%. В итоге при удвоении диаспоры число людей, абсорбированных основным обществом, увеличится менее чем вдвое.

температура миграции из Тонга в Новую Зеландию перестанет изменяться, и ту величину, которой в итоге достигнет размер тонганской диаспоры. Разумеется, наши предсказания будут зависеть от оценки того, как тонганская миграция зависит от размера диаспоры и как от нее же зависит темп тонганской абсорбции в новозеландское общество. Модель не может быть лучше чисел, лежащих в ее основе. Но она объясняет нам, как эти взаимосвязи сочетаются друг с другом.

Где находится точка равновесия, вы поймете при первом же взгляде на график: там, где линии пересекают друг друга. В этой точке тонганская миграция, стимулируемая миграцией, сравнивается с темпом абсорбции, и величина диаспоры перестанет изменяться. При заданном разрыве в доходах темп миграции останется постоянным и тонганская диаспора не будет ни возрастать, ни сокращаться¹⁵.

Помимо того что в этой точке наблюдается состояние равновесия, общество будет приближаться к нему под воздействием неумолимой силы изменений. До тех пор пока миграция не происходит, в Новой Зеландии не будет никакой диаспоры, и потому миграция начинается в точке М. В результате диаспора растет. Но по мере ее роста миграция облегчается и, соответственно, ускоряется. Миграция и диаспора подпитывают друг друга, вместе двигаясь вдоль *миграционной функции*. Однако ускорение миграции и рост диаспоры не будут продолжаться бесконечно. Как только миграция ускорится настолько, что достигнет *кривой диаспоры*, изменения прекратятся. Диаспора увеличивается до тех пор, пока число вакансий, образовавшихся в ре-

15. Экономисты называют это состояние динамическим равновесием.

зультате абсорбции, не сравнивается с числом прибывающих мигрантов. Поначалу миграция и диаспора взаимно ускоряют друг друга, но после того, как топливо выгорает, ситуация стабилизируется.

Нарисованная здесь картина миграции из Тонга в Новую Зеландию носит чисто гипотетический характер: мне неизвестна реальная форма ни *миграционной функции*, ни *кривой диаспоры* для двух этих стран, и сомневаюсь, чтобы она была вообще кому-либо известна. В том же духе гипотетического анализа видоизменим наш график, взяв пару стран, разрыв в доходах между которыми был значительно более широким. В поле нашего внимания находятся уже не Тонга и Новая Зеландия в XXI веке, а *The Windrush* — судно, в 1948 году доставившее первых мигрантов из Карибского бассейна в Великобританию. В тот момент, когда исчезли барьеры, установленные во время Второй мировой войны и Великой депрессии 1930-х годов, стимул к миграции был настолько велик, что размеры этой миграции намного превышали миграционный поток из Тонга в Новую Зеландию. Эта ситуация изображена на рис. 2.2. Мы видим, что функция миграции сдвинулась вверх: при любом заданном размере диаспоры миграция идет быстрее, чем в предыдущем случае. Казалось бы, ситуация изменилась несущественно, но мы приходим к принципиально иному итогу. В то время как в предыдущем случае *миграционная функция* и *кривая диаспоры* пересекались, теперь этого не происходит. Соответственно, равновесие отсутствует: миграция продолжает ускоряться, а диаспора продолжает увеличиваться.

Следует подчеркнуть, что тонганская миграция в Новую Зеландию и миграция в Великобританию из Карибского бассейна используются здесь лишь

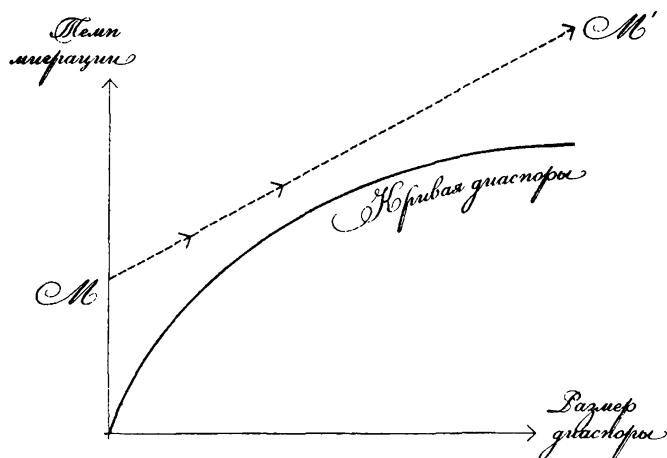

Рис. 2.2. Миграция в Великобританию из Карибского бассейна в отсутствие ограничений

как абстрактные примеры, иллюстрирующие соответствующие процессы. Я не хочу сказать, что реальная миграция из Карибского бассейна в Великобританию не могла бы прийти к равновесию. Мы никогда не узнаем, как вела бы себя неограниченная миграция, поскольку в 1968 году британское правительство, обеспокоенное участвовавшими выступлениями против нарастающей иммиграции, ввело ограничения, призванные снизить ее темп.

Однако реальная ценность модели заключается не в том, что она наглядно объясняет причины тех или иных явлений, а в возможности использовать ее для того, чтобы предсказать последствия гипотетических ситуаций, включая политические изменения. Ниже, в главах 5 и 12, эта модель станет нашей рабочей лошадкой при анализе миграционной по-

литики. Такой подход позволит нам показать, что реактивная политика порой приносит больше вреда, чем пользы, и что в нашем распоряжении имеются более приемлемые альтернативы.

На какое-то время оставим в покое равновесие в первом смысле, то есть ту точку, в которой темп миграции стабилизируется. Равновесие во втором смысле, то есть прекращение чистого притока людей, может наступить лишь в случае устранения разрыва в доходах. Обрисованная мной система сводится к простому взаимодействию уровней и потоков: величины диаспоры, состоящей из бывших мигрантов, и притока новых мигрантов. Простые уровнево-потокосые модели широко применяются во всевозможных ситуациях. В типичных уровнево-потокосых системах, представляющих собой грубую аналогию миграции, — таких как система с перетеканием воды между двумя сообщающимися сосудами, в которых она первоначально стояла на разном уровне, — сам поток постепенно приводит к исчезновению разрыва: один сосуд наполняется, а другой осушается. В нашем контексте такая ситуация наблюдалась бы в том случае, если бы миграция влекла за собой снижение доходов в странах, принимающих ее, и рост доходов в странах-источниках. Простые экономические модели, использовавшиеся для предсказания огромных выгод, которые принесет с собой глобальная миграция, не учитывают никаких других факторов. Мигранты играют роль уравнилелей: в отсутствие препятствий к перемещению миграция продолжается до тех пор, пока не выравниваются доходы. В этот момент мигранты могут в какой-то мере ощутить себя одураченными: они ничего не добились, перебравшись на новое место жительства. Те, кто останется на родине, в итоге выиграют ровно столько же. Коренное население

страны, принимающей мигрантов, окажется в проигрыше, но оно может утешать себя тем, что другие получили больше, чем оно потеряло. В качестве описания результатов миграции XIX века из Европы в Северную Америку или, если на то пошло, из Эрнсбаха в Брэдфорд, эта модель служит неплохим первым приближением¹⁶. В начальный период освоения Среднего Запада мелкие фермеры могли стать хозяевами более крупных земельных участков, чем те, которые у них были в Европе. По мере заселения Среднего Запада и снижения перенаселенности в Европе размеры земельных наделов в обоих регионах уравнивались. В конце концов фермер Шмидт из Германии стал жить не хуже, чем фермер Шмидт из Айовы. Но при анализе миграции из страны, упустившей возможности для процветания и создания современной передовой экономики, эта простая модель оказывается бесполезной. Современной миграцией движет стремление не к владению землей, а к экономической эффективности.

Как мы увидим в следующих главах, силы обратной связи между миграцией и доходом, как в странах, принимающих миграцию, так и в странах — источниках миграции, носят слабо выраженный и неоднозначный характер. Более того, несмотря на ускорение миграции, ее масштабы незначительны по сравнению с количеством рабочей силы и в родных странах мигрантов, и там, куда они направляются. Поэтому механизм обратной связи зависит от мелких изменений и порождает слабую ответную реакцию. Миграция из бедных стран в богатые едва ли существенно скажется на величине разрыва в доходах.

16. Hatton and Williamson (2008).

Факты и их следствия

Таким образом, мы имеем ряд хорошо обоснованных фактов, из которых вытекают важные последствия. Первый из этих фактов — наличие абсурдно широкого разрыва в доходах между бедными и богатыми странами, который при нынешних процессах глобального экономического роста останется широким еще несколько десятилетий. Второй факт — миграция не способна существенно сократить этот разрыв из-за того, что механизмы обратной связи слишком слабы. Третий факт — по мере продолжения миграции в течение нескольких десятилетий продолжится рост диаспор. Таким образом, разрыв в доходах сохранится, а условия миграции будут облегчаться. Из этого вытекает, что миграцию из бедных стран в богатые ожидает ускорение. На протяжении предсказуемого будущего международная миграция не достигнет равновесия: *на наших глазах складывается неравновесное состояние колоссальных масштабов.*

Об ускорении миграции однозначно свидетельствуют совокупные данные. В целом глобальное количество иммигрантов выросло с 92 млн в 1960 году до 165 млн в 2000 году. Но этот прирост скрывает коренные изменения в составе мигрантов. Миграция из богатого мира в бедный сократилась до нескольких миллионов человек. Миграция в пределах богатого мира вышла на плато: увеличение миграции в рамках Европы компенсируется сокращением миграции из Европы в страны Нового Света. Отметим, что на протяжении этого периода колоссально выросли объемы торговли и потоки капитала между странами богатого мира. Мы видим, что, несмотря на прогнозы об увеличении миграции вследствие

неизбежной глобализации, в богатом мире этого не произошло. Объемы миграции между развивающимися странами возросли несущественно — примерно с 60 млн до 80 млн человек. Напротив, резко усилилась миграция из бедных стран в богатые — менее чем с 20 млн человек до 60 млн с лишним. Более того, прирост ускорился от десятилетия к десятилетию. Сильнее всего — и в абсолютном, и в относительном плане — миграция выросла в 1990–2000 годы; для более позднего периода у нас отсутствуют глобальные данные. Разумно предположить, что в 2000–2010 годы это ускорение продолжилось.

Богатые общества отвечали на ускорение миграции ужесточением иммиграционного контроля. В первую очередь это происходило по той причине, что ускорение миграции совпало с замедлением экономического роста в богатых экономиках: золотое тридцатилетие подошло к концу. Уровень безработицы, к моменту ослабления контроля за иммиграцией снизившийся приблизительно до 2%, достиг уровня примерно в 8% и застыл на нем. Рост безработицы не был вызван иммиграцией, но он лишил силы очевидные аргументы, послужившие основанием для открытия границ, в то же время породив не менее очевидные аргументы за то, чтобы снова их закрыть. Вследствие несогласованности политических процессов и экономических циклов в разных странах одни страны вводили более строгие правила миграции почти одновременно с тем, как другие осуществляли их либерализацию. Если в 1965 году миграция подверглась существенной либерализации в США, то Великобритания в 1968 году впервые приняла меры к ее ужесточению. Австралия, в 1960-е годы активно субсидировавшая иммиграцию, в 1990-е годы наложила на нее серьезные ограничения.

Но если первоначальное открытие границ основывалось немногим более чем на краткосрочных политических соображениях, то и за последующим введением ограничений не стояли ни серьезное понимание процесса миграции и его последствий, ни продуманная этическая позиция. Миграционная политика проводилась исподтишка и нерешительно. Как ни странно, главные политические партии уклонялись от каких-либо решений в сфере миграционной политики, несмотря на то что она вышла на первые места в рейтингах политических приоритетов избирателей. Левые политики, к тому моменту в основном поддерживавшие миграцию, явно «замалчивали этот вопрос, допускали столько миграции, сколько мы могли вынести, и утверждали, что она способствует экономическому росту». Позиция правых политиков, к тому времени в целом выступавших против миграции, принимала форму «смутного противодействия миграции при отсутствии каких-либо откровенных шагов из страха прослыть расистами либо сделать что-либо, что могло бы замедлить экономический рост». Природа не терпит пустоты, и точно так же ведут себя политики-оппортунисты. Пространство, не занятое главными политическими партиями, быстро захватили всевозможные гротескные фигуры: расисты, ксенофобы и психопаты сумели завлечь в ряды своих сторонников обычных, вполне достойных граждан, у которых вызывает все больше беспокойства молчание главных партий. К настоящему моменту экстремистов сдерживает лишь мажоритарная избирательная система. В США и Великобритании, где наличие такой системы осложняет выживание третьих партий, экстремистам не удалось прочно встать на ноги. Однако практически во всех обществах с более инклюзивными избирательными

системами партии, сделавшие ставку на антииммигрантскую политику, сейчас получают поразительно большую долю голосов. Главные партии, напуганные становлением экстремистских сил, еще сильнее уклоняются от обсуждения проблемы иммиграции, вместо того чтобы вести разумную дискуссию по этому вопросу. Можно рассматривать такой результат либо как шокирующее разоблачение простых людей, либо как шокирующее разоблачение главных партий: лично я придерживаюсь последней точки зрения. Не стоим ли мы в двух шагах от катастрофы, если в некоторых европейских странах около пятой части коренного электората тратит свои голоса на поддержку маргинальных партий из-за того, что главные партии не желают должным образом обсуждать проблему, которую их избиратели справедливо или несправедливо считают самым важным вопросом, стоящим перед их страной?

Так как же должна выглядеть честная дискуссия о миграционной политике? Во-первых, она должна основываться на беспристрастно собранных фактах — таких как три вышеназванных главных факта. Разумеется, в придачу к этим существует много других фактов, и некоторые из них будут рассмотрены в следующих главах. Опираясь на эти факты, следует начать открытое обсуждение вопроса об этичности иммиграционных ограничений. Если все такие ограничения априори являются этически нелегитимными, то миграция достигнет размеров, намного превышающих наблюдавшиеся в предыдущие десятилетия. Если же они легитимны, то им будут противостоять резко возросшие силы спроса, вследствие чего намного большее значение приобретут принципы и механизмы контроля.

Часть II

*Принимающая сторона:
«добро пожаловать» или
«понаехали тут»?*

ГЛАВА 3

Социальные последствия миграции

В ДАННОМ разделе я собираюсь рассмотреть вопрос о том, каким образом будущая миграция может сказаться на коренном населении стран, принимающих мигрантов. В этой фразе ключевым является слово «будущая». Вопрос «Принесла ли миграция пользу или вред?» сейчас интересует меня в меньшей степени. Если он непременно требует ответа, я сказал бы, что пользы от миграции все же было больше, но это сейчас несущественно. На секунду представим себе невероятную ситуацию: всеобщее убеждение в том, что миграция была вредна. Даже в таком случае ни один разумный человек не станет требовать репатриации мигрантов и их потомков. В современных богатых обществах массовые изгнания немыслимы. Поэтому, несмотря на конкретность и абсолютную осмысленность вопроса «Принесла ли миграция пользу или вред?», ставить его так же неуместно, как спрашивать: «Стоило ли вам родиться на свет?». Вопрос, который я в итоге собираюсь рассмотреть, носит гипотетический характер: если нас ожидает существенный прирост миграции, как она скажется на населении принимающих ее стран? Как было показано в главе 2, в отсутствие эффективно-го контроля миграция неизбежно ускоряется, и по-

тому этот вопрос, несмотря на его гипотетичность, вполне уместен. С целью направить ваши мысли в нужную сторону сразу же укажу, что воздействие миграции в первом приближении можно изобразить в виде перевернутой U-образной кривой: умеренная миграция полезна, а крупномасштабная — вредна. Поэтому для нас важен не вопрос о том, полезна ли миграция или вредна, а о том, какое количество мигрантов является оптимальным. В свою очередь, ниже будет показано, что ответ на этот вопрос зависит от того, насколько быстро мигранты вливаются в состав коренного населения.

Поскольку данный раздел посвящен влиянию миграции на население принимающих ее стран, следует признать, что некоторые экономисты считают бесполезной саму постановку этого вопроса, не говоря уже о попытках ответить на него. Наиболее типичные этические рамки, используемые в экономике, носят утилитарный характер: «максимум счастья для максимального числа людей». В применении к таким глобальным проблемам, как миграция, они дадут простой и поразительный ответ: то, что происходит с коренным населением стран, принимающих миграцию, несущественно до тех пор, пока мир в целом выигрывает от миграции. Несмотря на то что этот универсально-утилитарный моральный компас является стандартным в экономическом анализе, он слабо связан с тем, что думает большинство людей. Ниже мы вернемся к этому моменту. Другое возражение, связанное с постановкой этого вопроса, выдвинул Майкл Клеменс, видный экономист и сторонник более массовой миграции, спросивший: «Кто это — „мы“?»¹. Он утверждает, что с точки зрения какого-нибудь бу-

1. Clemens (2011).

дущего столетия «нами» будут считаться потомки как современного коренного населения, так и мигрантов. Поэтому, по его мнению, необходимо задаться вопросом о том, принесет ли иммиграция долгосрочные блага этим потомкам. Как мы увидим ниже, я думаю, что такая попытка представить себе будущее может быть полезна. Но в данном случае аргумент Клеменса пахнет жульничеством. Чтобы понять недостатки того или иного аргумента, иногда приходится довести его до крайности. Чисто гипотетически предположим, что массовая иммиграция привела к исходу большей части коренного населения, однако оставшиеся вступили в браки с иммигрантами, и их совместное потомство живет лучше, чем жили они сами. Зная это заранее, коренное население могло сделать разумный вывод о том, что массовая иммиграция не отвечает его интересам. Будет ли законным ограничение на прибытие мигрантов, введенное на основе такого понимания своих интересов, зависит от того, признана ли свобода передвижения в качестве глобального права.

Можно также указать, что коренное население любой страны — это полукровки, потомство прежних волн иммиграции. В какой степени это утверждение верно, зависит от конкретного общества. Несомненно, дело обстоит именно так в случае стран Северной Америки и Австралазии, представляющих собой результат иммиграции XIX века. Поскольку Великобритания — остров, очевидно, что все ее коренные жители являются потомками иммигрантов в том или ином поколении, однако вплоть до середины XIX века состав британского населения отличался поразительной стабильностью. Недавние успехи в изучении ДНК позволили выявить генетические цепочки предков одного

пола: сын — отец — дед и далее обратно в прошлое, или дочь — мать — бабушка и т.д. Как ни странно, выяснилось, что около 70% современных жителей Британии являются непосредственными потомками людей, населявших Великобританию в донеолитические времена, то есть ранее 4000 года до н.э.² С того времени по Британии периодически прокатывались волны иммиграции. Неолитическая культура и технологии, скорее всего, были принесены сюда иммигрантами. Потомки англосаксонских и норманнских иммигрантов совместно создали английский язык, благодаря своему мультикультурному происхождению отличающийся непревзойденным лексическим богатством. Иммигранты гугенотского и еврейского происхождения сыграли важную роль в развитии британской торговли. Однако все эти миграции, растянувшиеся на период в шесть с лишним тысяч лет, судя по всему, в целом имели весьма скромные размеры. Следствием этого обстоятельства стала стабильность: непрерывные браки между жителями острова со временем привели к тому, что всякий человек из далекого прошлого, чьи потомки дожили до наших дней, наверняка был предком всего современного коренного населения. В этом смысле коренное население Британии буквально имеет общую историю: и короли, и королевы, и их слуги являются нашими общими предками. И вряд ли Британия в этом отношении является исключением. Но сейчас нас интересует, можно ли отрицать право на ограничение иммиграции исходя из того факта, что коренное население само состоит из очень отдаленных потомков иммигрантов. Те, кому повезло подняться по лестнице, не должны втаскивать ее наверх вслед

2. Cunliffe (2012).

за собой. Но насколько эта аналогия уместна в случае миграции, зависит от контекста. Прибывшие в Британию донеолитические люди обживали незаселенную территорию, точно так же, как это делали первые обитатели любых других стран мира. Они не пользовались разрывом в доходах между устоявшимися обществами, стимулирующим современную миграцию. Собственно говоря, на протяжении тысячелетий после своего заселения Европа была не более процветающим регионом, чем другие части света. Первые поселенцы не взбирались по лестнице, и потому их наследников не обвинишь в том, что они убирают ее за собой.

Но сейчас я предлагаю временно отложить вопрос о том, этично ли контролировать миграцию. Вне зависимости от того, имеется ли у коренного населения моральное право управлять миграцией в своих собственных интересах, в настоящее время оно обладает юридическим правом на такое управление. Поскольку мало найдется таких государств, которые бы претендовали на право ограничивать выезд из страны, контроль за глобальной миграцией в конечном счете осуществляется исключительно от имени коренного населения и его предполагаемых интересов. Впрочем, несмотря на демократический режим, существующий в богатых странах, проводимая ими миграционная политика зачастую не соответствует предпочтениям коренного электората. Например, в Великобритании 59% населения (включая иммигрантов) считают, что в стране уже и так «слишком много» иммигрантов. Тем не менее в долгосрочном плане коренное население демократических стран будет терпеть иммиграцию лишь до тех пор, пока считает, что она ему выгодна.

Поэтому, не теряя лишних слов, ответим на вопрос: каким образом миграция сказывается на по-

ложении коренного населения и как это воздействие различается в зависимости от ее масштабов? К счастью, в последнее время по этой теме были проведены обширные исследования. Будучи экономистом, я в первую очередь, естественно, изучал экономические последствия миграции. Однако я пришел к выводу о том, что в данном случае экономические аспекты вряд ли будут играть решающую роль. Несмотря на полемические заявления обеих сторон, участвующих в дискуссии об иммиграции, факты говорят о том, что чистое воздействие миграции обычно бывает не слишком значительным. В большинстве обществ миграционная политика должна определяться не на основе экономических последствий. Поэтому попробуем поставить на первое место не экономические, а социальные результаты, а затем попытаемся оценить их в сочетании друг с другом.

Взаимное внимание

Социальные последствия миграции зависят от характера связей между иммигрантами и принимающим их обществом. В крайнем случае к ним относятся исключительно как к трудящимся, запрещая им становиться членами общества в каком-либо ином качестве. Такой подход принят лишь в некоторых принимающих обществах, по этой причине не ощущающих на себе иного воздействия миграции, кроме чисто экономического. Однако в большинстве стран иммигранты не просто входят в состав рабочей силы, а становятся частью общества, и потому различными способами взаимодействуют с другими людьми. Миграция повышает разнообразие общества. В некоторых отношениях это по-

лезно: разнообразие обеспечивает больше возможностей, и потому создает дополнительный стимул и выбор. Но в то же время разнообразие приносит с собой проблемы. Причиной этого служит то, что в современной экономике благосостояние существенно возрастает благодаря фактору, который можно назвать взаимным вниманием.

Под взаимным вниманием я понимаю нечто более существенное, чем взаимное уважение, — нечто близкое к сочувствию или благожелательной симпатии. На проявление взаимного *уважения* способен всякий, кто держится на уважительном расстоянии от остальных, соблюдая принцип невмешательства, действующий в обществе типа «Не трогай меня». Напротив, на взаимном *внимании* строятся два типа поведения, играющие принципиальную роль в успешных обществах.

Первый из них — это готовность лиц, добившихся успеха, оказывать финансовую помощь менее удачливым. Несмотря на то что такая помощь приобрела сильно политизированный характер и подается как конфликт между либертарианской и социалистической идеологиями, реально ее корни скрываются в отношении людей друг к другу. Под этим я имею в виду не то, как следует учитывать благосостояние всех прочих жителей Земли — чего требует универалистская версия утилитаризма, получившая широкое распространение в экономике, — а то, как мы относимся к другим членам своего собственного общества или, в более широком смысле, как мы определяем пределы того, что считаем своим обществом. Взаимное внимание, или сочувствие, порождает чувство лояльности и солидарность с менее везучими членами нашего сообщества.

Кроме того, взаимное внимание оказывает важное влияние на экономику посредством сотрудни-

чества. Вступая в отношения сотрудничества, люди способны обеспечивать себя общественными благами, которые сложно получить при использовании чисто рыночных механизмов. Сотрудничество укрепляется доверием, которое, однако, станет чистым донкихотством, если не основывать его на разумном предположении о том, что на доверие нам ответят доверием. Фундамент рационального доверия — понимание того, что для общества характерно взаимное внимание: в силу того, что люди сочувствуют друг другу, разумно допустить, что их сотрудничество будет взаимным.

Результаты этого сотрудничества зачастую бывают непрочными. Самое популярное общественное учреждение в Великобритании — Национальная служба здравоохранения. На первый взгляд, НСЗ нуждается не в сотрудничестве, а в экономической помощи путем выплаты налогов, но на самом деле ей требуется и то и другое. Неписаным условием ее работы является готовность прощать ей мелкие ошибки. Это условие в последнее время выполняется так слабо, что все более серьезная доля бюджета НСЗ поглощается выплатами по искам. После того как такие иски стали обычным делом, со стороны людей, пострадавших от ошибок НСЗ, было бы донкихотством не требовать возмещения ущерба. Но это неизбежно снижает качество услуг, поскольку у НСЗ не хватает на них денег. Кроме того, НСЗ все меньше готова признавать свои ошибки, а следовательно, учиться на них. Замена снисходительности судебными исками представляет собой пример краха хрупкого равновесия, обеспечивавшегося сотрудничеством.

Каждое общество должно внимательно относиться к компромиссу между выгодами большего разнообразия и издержками пониженного вза-

имного внимания. Однако один принцип вполне ясен. Выгодам большего разнообразия свойственно сокращение отдачи: иными словами, подобно большинству аспектов потребления, по мере роста разнообразия оно приносит все меньше и меньше выгоды. И напротив, по достижении некоего заранее неизвестного момента издержки, связанные со снижением взаимного внимания, резко возрастают в связи с переходом порога, за которым сотрудничество становится нестабильным. Игра в сотрудничество — вещь хрупкая: если надавить слишком сильно, все рухнет. Выражаясь наукообразно, равновесие обладает лишь *локальной* стабильностью. Таким образом, умеренная миграция, скорее всего, окажется выгодна для общества, в то время как непрерывная массовая миграция влечет за собой риск серьезных издержек. Оставшаяся часть главы будет посвящена рассмотрению этих потенциальных издержек.

Взаимное внимание: доверие и сотрудничество

Благодаря исследованиям в сфере экспериментальной экономики мы сейчас понимаем, какие факторы обеспечивают продолжение сотрудничества. В принципе успешное сотрудничество — это маленькое чудо, ведь если почти все остальные сотрудничают друг с другом, то любая задача будет решена и без моего участия: так зачем же мне нести издержки этого участия? В случае почти всеобщего сотрудничества у каждого индивидуума появится сильный стимул к «жизни на халяву», и потому сотрудничество обычно бывает нестабильным. Выясняется, что продолжение сотрудничества обес-

печивается не одним лишь массовым проявлением доброй воли. Ключевым ингредиентом служит наличие достаточно большого числа тех, кто работает усерднее других. Плоды их усердия позволяют наказывать уклоняющихся от сотрудничества. В большинстве современных обществ люди проявляют все меньше склонности к тому, чтобы оценивать чужое поведение. Однако мы можем позволить себе роскошь благодушия лишь при наличии людей, не склонных к сантиментам и трезво мыслящих. Наказания стоят дорого, поэтому люди готовы прибегать к ним лишь тогда, когда в достаточной мере прониклись не только благодушием, но и возмущением в адрес «халявщиков». Сотрудничество является делом непрочным, потому что если достаточно большому числу людей удастся уйти от наказания, то рациональной стратегией становится отказ от сотрудничества. Роль героев, исполняемая людьми, наказывающими за уклонение от сотрудничества, в свою очередь, создает возможность появления абсолютных злодеев. Мелкие злодеи — это люди, не участвующие в сотрудничестве, а сверхзлодеи — люди, наказывающие героев. Опять же, поскольку наказание весьма затратно, то систематическое удовлетворение от наказания героев можно получить лишь в том случае, если существуют люди, возмущающиеся не теми, кто подрывает сотрудничество, а теми, кто принуждает к нему других. С какой стати кто-то может стать носителем такой извращенной морали? Во-первых, причиной этого может стать идеологическая оппозиция к сотрудничеству, вызванная верой в высшую ценность индивидуализма, заставляющей видеть в лицах, пытающихся навязать сотрудничество, врагов свободы. Но для нас более важна возможность того, что некоторые люди воспринимают на-

казание как покушение на свою честь, даже если они виновны в предъявляемых им обвинениях. Более того, некоторые люди могут ощущать непреодолимую личную преданность другим людям, даже если те — «халявщики», и, соответственно, возмущаться попытками наказать их за такое поведение.

Доверие и желание сотрудничать не возникают сами по себе. Они не являются врожденными признаками «благородного дикаря», которого испортила цивилизация: в этом отношении Жан-Жак Руссо пал жертвой вопиющего заблуждения. Факты свидетельствуют ровно об обратном: доверие и готовность к сотрудничеству за пределами семьи приобретаются вместе с прочими полезными склонностями, накапливающимися в современном процветающем обществе. Бедные общества бедны еще и потому, что не обладают этими склонностями. Каким образом поддерживается отсутствие доверия, раскрывается в двух новых блестящих исследованиях, посвященных Африке. Одно из них опирается на кропотливую реконструкцию далекого африканского прошлого, произведенную историками за последние десятилетия. В совокупности историками зафиксировано более 80 кровавых межгрупповых конфликтов, произошедших до 1600 года. Тимоти Бесли и Марта Рейнал-Квероль попытались обозначить каждый из этих конфликтов его географическими координатами и выяснить, как они коррелируют с современными конфликтами³. Эта корреляция оказалась поразительно сильной: насилие более чем четырехвековой давности проявляет тревожную склонность к повторению в наши дни. Какой механизм отвечает за эту долговечность насилия? Исследователи предполагают, что механизмом

3. Besley and Reynal-Querol (2012).

передачи насилия служит отсутствие доверия, порождаемое насилием и сохраняющееся спустя многие десятилетия. Нежелание идти на сотрудничество может усиливаться своим собственным кодексом чести — вендеттой, требующей отвечать злом на зло. Вендетты являются типичной чертой клановых сообществ. В историческом плане кланы представляли собой наиболее распространенную основу социальной организации, и во многих бедных странах такая ситуация сохраняется по сей день⁴. Как показывает Стивен Пинкер, вендеттам свойственна склонность к нарастанию, потому что причиненное зло систематически преувеличивается пострадавшими и преуменьшается обидчиками, в силу чего возмездие, являющееся обоснованным в глазах ранее пострадавших, воспринимается его очередными жертвами как новое зло⁵. С вендеттами можно покончить лишь совершенно отказавшись от кодекса чести. Классический пример такого отказа — прекращение дуэлей в Западной Европе в XIX веке: он завершился культурной революцией, после которой дуэли стали выглядеть нелепостью.

Еще одно новое исследование посвящено наследию африканской работорговли. В то время как межплеменные конфликты ведут к краху доверия в отношениях *между* группами, работорговля уничтожила доверие *внутри* групп: нередко люди продавали работорговцам членов своих собственных семей. Натан Нанн и Леонард Уанчекон показывают существование соответствия между интенсивностью работорговли прежних столетий и современным низким уровнем дохода на душу населения⁶.

4. Weiner (2011).

5. Pinker (2011).

6. Nunn and Wantchekon (2011).

Механизмом этой связи опять же является хроническое отсутствие доверия.

Среди хорошо известных мне обществ едва ли не наиболее низкий уровень доверия наблюдается в Нигерии. Сама по себе Нигерия — энергичная, живая страна, а ее жители трудолюбивы и находчивы. Но при этом нигерийцы радикально, принципиально не доверяют друг другу. Оппортунизм, ставший неотъемлемой чертой типичного нигерийца, является результатом десятилетий, если не столетий, в течение которых доверие было донкихотством. При этом он никак не связан с бедностью: в Нигерии я обычно останавливаюсь в хороших отелях, где не бывает бедных постояльцев. Тем не менее в моем номере всегда висит уведомление: «Уважаемые гости! Перед вашим отъездом все содержимое вашего номера будет проверено по списку» — администрация отеля знает, что в противном случае уважаемые гости унесут из номера все, что смогут. Более серьезным аспектом оппортунизма нигерийского общества служит то, что нигерийцы не могут застраховать свою жизнь — по той причине, что вследствие оппортунизма соответствующих должностных лиц там совсем не нужно умирать для того, чтобы получить свидетельство о смерти. В течение какого-то времени эта ситуация была очень привлекательной для тех нигерийцев, в чьих глазах крупный куш более чем компенсировал угрызения совести, вызванные получением страхового полиса. Но после того как таких людей стало слишком много, хрупкое соглашение, на котором основывается страхование жизни, развалилось. Очевидно, в данном случае корень проблемы скрывался в неготовности врачей соблюдать профессиональные нормы.

Если уровень доверия заметно различается от общества к обществу, то будет различаться и тактика,

используемая людьми в играх, требующих сотрудничества. Недавно этот факт подтвердился в ходе игровых экспериментов⁷. Группа исследователей организовала в шестнадцати странах мира одну и ту же игру, проводившуюся в стандартных лабораторных условиях силами университетских студентов. По результатам этих игр выяснилось, что в некоторых странах катастрофически многочисленны сверхзлодеи. Предпринимавшиеся героями попытки наказывать «халявщиков» вызывали возмущение и наказание самих героев. Далее исследователи задались вопросом о том, существует ли систематическая связь между этими различиями в поведении и наблюдаемыми особенностями тех стран, в которых жили студенты. В непосредственном плане различия в поведении были связаны с различиями в количестве социального капитала — иными словами, с уровнем доверия. Однако тот, в свою очередь, мог быть связан с различиями в уровне правозаконности. В тех странах, в которых наблюдался дефицит правозаконности, люди вели себя оппортунистически и не доверяли друг другу, а потому в играх с использованием сотрудничества были склонны брать на себя роль сверхзлодеев. Подозреваю, что эти различия в уровне правозаконности восходят еще дальше — к разнице между моралью, основанной на верности клановой чести, и моралью, основанной на просвещенческой концепции хорошего гражданина. По меркам Просвещения сверхзлодеи должны быть людьми бессовестными, однако с точки зрения клановой верности они ведут себя вполне нравственно. Отметим, что это не оправдывает сверхзлодеев. Нравственный релятивизм разбивается о барьер абсолютной

7. Gaechter et al. (2010).

экономической истины: доверие способствует социальному сотрудничеству, являющемуся одним из оснований процветания.

Культуры мигрантов

Итак, и взаимное внимание, и доверие, и нетерпимость к «халявщикам» — все это служит опорой для общества, в котором существуют равенство и сотрудничество. Какое отношение это имеет к миграции? Мигранты приносят с собой не только человеческий капитал, созданный в их родных обществах; вместе с ним они приносят нравственные нормы своих обществ. Так, нет ничего удивительного в том, что нигерийские иммигранты ведут себя недоверчиво и оппортунистически по отношению к другим обществам. В своей классической работе, посвященной культурным различиям, Рэй Фишман и Эдвард Майгел проанализировали уплату штрафов за неправильную парковку дипломатами в Нью-Йорке⁸. В рассматриваемый период дипломаты имели юридический иммунитет от штрафов и потому склонность к отказу от их уплаты определялась исключительно личными этическими стандартами. Фишман и Майгел выяснили, что при колоссальных различиях между поведением дипломатов из разных стран оно вполне соответствовало уровню коррупции в той стране, откуда прибыл конкретный дипломат, вычисленному по стандартной методике. Дипломаты привозили с собой свою культуру. Кроме того, авторы работы задавались вопросом, вело ли пребывание в Нью-Йорке к постепенному усвоению местных

8. Fisman and Miguel (2007).

стандартов поведения: предполагалось, что в данном случае частота неуплаты штрафов постепенно сократится до очень низкого уровня, изначально преобладавшего среди дипломатов из стран со слабой коррупцией. Но в реальности наблюдалось обратное: дипломаты из сильно коррумпированных стран по-прежнему не платили штрафы, в то время как дипломаты из стран, слабо подверженных коррупции, тоже приобретали склонность к неуплате штрафов. Самая разумная интерпретация этих результатов сводится к тому, что дипломаты не усваивали нормы нью-йоркцев, вместо этого начиная усваивать нормы дипломатического сообщества. Культура страны происхождения отражается не только на отношении к уплате штрафов, но и на отношении к социальному перераспределению. Герт Хофстеде попытался проводить систематические измерения всевозможных культурных различий между странами мира⁹. Результаты его измерений коррелируют с достаточно тщательно измеренными различиями в наблюдаемом поведении — такими как уровень убийств. Таким образом, каким бы обескураживающим ни был этот вывод, существуют серьезные культурные различия, отражающиеся на важных аспектах социального поведения, а мигранты приносят с собой свою культуру.

Людам во всех обществах свойственно взаимное внимание по отношению к членам их семей, а в большинстве случаев также и по отношению к местным общинам, однако характерной чертой богатых обществ служит то, что взаимное внимание распространяется на значительно более крупную группу людей, а именно сограждан. Так, например, французы более склонны сотрудничать друг с дру-

9. Hofstede and Hofstede (2010).

гом и оказывать финансовую помощь согражданам, чем нигерийцы, и это служит основой для различных институтов и норм, позволивших Франции стать намного более богатой страной, чем Нигерия, и добиться по сравнению с ней большего равенства. Подобные различия в уровне взаимного внимания не являются врожденными: в далеком прошлом французы вели себя так же, как нигерийцы. Однако Франция сумела извлечь выгоду из ряда революций в мышлении, которые привели к постепенному изменению взаимоотношений между людьми.

Таким образом, влияние иммиграции отчасти зависит от ее масштабов, а отчасти — от того, насколько быстро иммигранты воспринимают нормы доверия, действующие в принимающем их обществе. Усваивают ли нигерийские врачи, работающие в Великобритании, нормы местных врачей, оглядываются ли они только друг на друга, следуя примеру дипломатов, или, в предельном случае, достаточно большой наплыв нигерийских врачей, сохранивших нигерийские привычки, приведет к развалу таких игр, основанных на координации, как страхование жизни? Сомневаюсь, что в каком-либо из богатых обществ миграция к настоящему моменту нанесла достаточно серьезный удар по всевозможным играм на основе сотрудничества. Впрочем, я не ставлю перед собой цель оценить миграцию прошлых лет: я лишь пытаюсь на основе наблюдаемых сегодня взаимоотношений предсказать возможные последствия ее дальнейшего ускорения.

Страны различаются в том, насколько успешно они создают условия для того, чтобы иммигранты и их дети усваивали нормы своего нового общества. В этом отношении одной из наиболее успешных стран является США. Дети, выросшие в США, почти неизбежно впитывают в себя американские

ценности. Едва ли то же самое можно сказать о Европе. Напротив, у нас имеется все больше и больше фактов, говорящих об обратном: дети иммигрантов проявляют меньше склонности к усвоению местной национальной культуры, чем их родители. Насколько можно судить, в некоторых группах иммигрантов дети стремятся к самоидентификации, основанной на отличии от преобладающей вокруг них национальной идентичности. Каждый человек имеет несколько идентичностей — скажем, в качестве трудящегося, члена семьи, гражданина и т.д. Иммигранты, как и все другие, тоже могут обладать несколькими идентичностями. Однако их поведение зависит от соотношения между этими идентичностями. Например, можно сослаться на чрезвычайно любопытный эксперимент, в рамках которого исследователи проверяли знания американских женщин азиатского происхождения по математике, причем сперва подчеркивалась их идентичность в качестве уроженок Азии, а затем — в качестве женщин. Выяснилось, что женщины, в первую очередь идентифицирующие себя со своим азиатским происхождением, получают существенно более высокие оценки, чем женщины, в первую очередь идентифицирующие себя со своей принадлежностью к женскому полу¹⁰. В другой своей работе я уже разбирал экономическое значение идентичности на уровне фирмы¹¹. Не уникальной для иммигрантов, но чрезвычайно распространенной среди них является тенденция к самосовершенствованию. Иммигранты сами отбирают себя из числа людей, питающих наибольшие чаяния в отношении самих себя и своих детей.

10. Shih et al. (1999).

11. Akerlof and Kranton (2011).

Именно поэтому они готовы расстаться со своим прежним окружением. Такое отношение к имеющимся возможностям, как правило, делает их особенно усердными работниками. Так, мигранты и их дети могут открыть для себя, что сохранение иной идентичности — не препятствие к личному успеху. Это подтверждает и новое исследование, посвященное турецким иммигрантам во втором поколении, живущим в Германии¹². Сперва немцы относились к турецким иммигрантам как к временным работникам, а затем избрали стратегию мультикультурализма. Совсем не удивительно, что ни первое, ни второе поколение иммигрантов так и не интегрировалось в основное немецкое общество. Исходя из этого факта канцлер Меркель недавно объявила политику мультикультурализма «полным провалом». Таким образом, Германия, несомненно, занимает одно из последних мест по такому показателю, как скорость ассимиляции мигрантов. В рамках данного исследования изучалось, повлиял ли выбор между германской и турецкой идентичностью, сделанный турецкими мигрантами во втором поколении, на их успехи в образовании и на уровень их занятости. Подход заключался в том, чтобы выяснить, на каком языке воспитывали этих мигрантов: на немецком или на турецком. Этот выбор языка, сделанный родителями, оказал сильное влияние на предпочтения их детей в плане самоидентификации: те, для кого первым языком стал турецкий, значительно чаще были склонны идентифицировать себя в качестве турков, и реже — в качестве немцев. Однако в той мере, в какой они впоследствии осваивали немецкий язык, это никак не сказывалось на их успехах в учебе и на занятости. Поэтому сами

12. Koczan (2013).

мигранты ничего не теряют от сохранения иной идентичности. Но в качестве членов общества иммигранты, отвергая национальную идентичность, несомненно, выбирают для себя позицию «посторонних». Это не играет роли в рамках узко определенного поведенческого пространства школы и работы, но может иметь значение в рамках такого широкого поведенческого пространства, как общество в целом с его неформальными общенациональными системами сотрудничества и политической поддержкой перераспределения, являющимися характерной чертой богатых обществ.

Процесс выбора молодыми людьми своей идентичности изучен слабо. До недавнего времени экономисты даже не считали этот вопрос вполне корректным: считалось, что предпочтения людей являются данностью, а поведение определяется стимулами, встающими перед людьми. Однако в последние годы общественные науки пришли к пониманию того важного факта, что люди копируют чужое поведение. По-видимому, причины этого обстоятельства скрываются в сфере неврологии: в середине 1990-х годов было обнаружено существование зеркальных нейронов, возбуждающихся и при совершении какого-то действия, и при виде того, как его выполняет кто-то другой¹³. По сути, копирование является для нейронов стандартной реакцией; поведение, избегающее копирования какого-либо действия, требует сознательного игнорирования команд, подаваемых зеркальными нейронами. Это не делает нас рабами чужих поступков, однако экспериментальная психология говорит

13. См.: Hurley and Carter (2005), особенно главу «Почему мы — социальные животные» (Ap Dijksterhuis, «Why We Are Social Animals»).

о том, что нам свойственна прискорбно высокая внушаемость. Свидетель грубого поведения сам ведет себя более грубо; тот, кому предлагают представить себе пожилых людей, сам теряет легкость в движениях. Поведение молодых людей определяется не только наследственностью, воспитанием и стимулами: на него серьезно влияет то, что они видят вокруг себя в качестве подходящих ролевых моделей. Но что это за модели?

Одни ролевые модели намного более доступны, чем другие. В близком родстве с ролевой моделью находится концепция стереотипа. Они различаются своими нормативными коннотациями: обычно подразумевается, что ролевая модель — это хорошо, а стереотип — это плохо. Однако их объединяет идея о том, что они представляют собой готовые идентичности. Попробуем освободить концепцию стереотипа от ее негативных коннотаций, потому что она имеет еще одно важное свойство. В качестве ролевой модели обычно выступает некий конкретный человек: так, отец может служить ролевой моделью для сына. Стереотип же — это продукт культуры: это не индивидуум, который может быть известен лишь узкому кругу своих непосредственных знакомых, а обобщенная модель, доступная каждому, кто принадлежит к данной культуре. В этом смысле образ «хорошего водопроводчика» тоже является стереотипом. Нам не нужно точно выявлять все аспекты поведения, свойственного хорошему водопроводчику; это уже сделали для нас в любом обществе, которому знакома такая концепция. Промежуточное положение между ролевыми моделями и стереотипами занимают знаменитости. Будучи отдельными людьми, они могут стать ролевыми моделями, но в то же время они являются составной частью культуры и потому на-

ходятся в распоряжении каждого, кто принадлежит к этой культуре. Как правило, знаменитость изображается в культуре не как «человек в полный рост», а как карикатура, подчеркивающая отдельные черты: по сути, знаменитость — это ролевая модель, которая может играть роль стереотипа.

Популярная культура представляет собой набор стереотипов, готовых к использованию. Некоторые молодые люди невосприимчивы к популярной культуре и вырастают эксцентричными личностями. Но большинство спокойно берет на вооружение ту или иную готовую идентичность и живет с ней — возможно, периодически меняя ее на новую. Если это — разумное описание процесса, в ходе которого формируется поведение, то публичная политика может влиять на поведение двумя способами. Традиционный подход, использовавшийся в прошлом веке, основывался на стимулах: например, мы облагаем налогом такое социально вредное поведение, как курение, и субсидируем такое социально полезное поведение, как воспитание детей. Однако возможности повлиять на поведение посредством стимулов зачастую оказывались весьма ограниченными: после того как кто-нибудь выберет для себя идентичность преступника, стимулы уже не смогут удержать его от социально вредного поведения. Другой способ сформировать поведение — изменить доступный ассортимент стереотипов. Разумеется, это спорная идея, но с другой стороны, можно привести многочисленные факты, говорящие о том, что непрерывная демонстрация насилия в СМИ повышает склонность к насилию.

Какое отношение все это имеет к миграции? У нас есть три на первый взгляд не связанных друг с другом набора предположений. Первый из них касается взаимного внимания, играющего важную

роль в насаждении доверия, на котором держится сотрудничество, и сочувствия, на котором держится перераспределение доходов. Привычка к доверию и сочувствию в очень больших группах людей не является врожденной: она приобретается в рамках процесса по достижению процветания, и иммигранты из бедных стран по прибытии в новое общество, скорее всего, будут менее склонны доверять и сочувствовать другим людям. Второй набор связан с идентичностью: от идентичности, выбираемой людьми, зависит их поведение; для многих людей частью их идентичности становятся стереотипы поведения, заимствованные из их культуры. Третий набор относится к идентичности, выбираемой иммигрантами. В важной новой работе группа исследователей изучала готовность приехавших в США испаноязычных иммигрантов к сотрудничеству в сфере предоставления общественных благ. Предполагалось, что уровень этой готовности отражает различия в восприятии иммигрантами как своей идентичности, так и степени своей исключенности из окружающего общества. Новшеством в этой работе служило то, что в дополнение к традиционным лабораторным играм, предназначенным для выявления чужих склонностей, в ней была задействована реальная система местных общественных благ — местные учреждения здравоохранения, образования и пр. Результаты исследования убедительно доказывают, что готовность иммигрантов сотрудничать в сфере общественных благ в существенной степени определяется их представлениями о самих себе. Мигранты, в большей степени отождествлявшие себя не с североамериканцами, а с латиноамериканцами, проявляли меньше склонности к сотрудничеству. Один из практических выводов, сделанных авторами ра-

боты, сводится к той роли, которую играет уровень владения английским: чем шире этот язык использовался дома, тем сильнее было чувство американской идентичности¹⁴. Мне неизвестны европейские аналоги этой совсем свежей работы. Однако в Америке иммигранты перенимают национальную идентичность с большей готовностью, чем в Европе, где отторжение национальной идентичности, похоже, только усиливается. Соответственно, есть основания предположить, что в Европе иммигранты достигают преобладающего уровня доверия медленнее, чем в Америке.

Иммиграция, доверие и сотрудничество

Рост числа людей, отличающихся низким уровнем доверия, может оказывать на общество дестабилизирующее воздействие. Если все больше людей вместо стратегий сотрудничества прибегает к оппортунистическим стратегиям, то не исключено, что и другим людям тоже станет неразумно использовать стратегии сотрудничества. Ключевой составляющей успешного сотрудничества служит готовность достаточно большого числа людей наказывать тех, кто не желает сотрудничать. Но если среди тех, кто использует оппортунистические стратегии, окажется непропорционально много иммигрантов, то их наказание может восприниматься как дискриминация, снижая у людей готовность наказывать уклоняющихся. Более того, другие представители иммигрантов тоже могут воспринимать наказание за оппортунизм как дискриминацию по от-

14. Candelo-Londoño et al. (2011).

ношению к их группе и сами будут наказывать тех, кто посредством наказания насаждает сотрудничество: вспомним, что в играх на основе сотрудничества виновными в его развале чаще всего оказываются «сверхзлодеи».

К сожалению, существуют факты, говорящие о том, что эти проблемы нельзя назвать чисто гипотетическими. Ведущим специалистом по общественным наукам в Гарварде и главным мировым авторитетом по концепции «социального капитала» является Роберт Патнэм. На основе крупной выборки по материалам США он изучил влияние иммиграции на доверие¹⁵. В число полученных им результатов входит неприятный, но вполне стандартный вывод о том, что чем выше доля иммигрантов в обществе, тем ниже взаимный уровень доверия между иммигрантами и коренным населением. Иными словами, повышение доли иммигрантов ведет отнюдь не к сближению и росту взаимопонимания, а только к укреплению взаимных подозрений. Эта взаимозависимость подвергалась активному изучению, и выводы, сделанные Патнэмом, вполне соответствуют итогам большинства аналогичных исследований.

Однако Патнэм получил еще один результат — совершенно новый и еще более тревожный. Чем выше доля иммигрантов в обществе, тем ниже уровень доверия не только между группами, но и в *самых группах*. Высокому уровню иммиграции соответствует пониженный уровень взаимного доверия среди представителей коренного населения в составе общества. Как и можно было бы ожидать, учитывая значение доверия при насаждении сотрудничества, пониженный уровень доверия проявляется

15. Putnam (2007).

во всевозможных формах сокращения сотрудничества. Патнэм называет этот эффект «уходом в оборону»: представители коренного населения, живущие в обществе с высокой долей иммигрантов, замыкаются в себе, меньше доверяя другим и слабее участвуя в социальной активности, имея меньше друзей и проводя больше времени перед телевизором. Я описываю результаты, полученные Патнэмом, как простые корреляции между долей иммигрантов в сообществе и уровнем доверия. Если бы дело обстояло именно таким образом, то работа Патнэма была бы уязвима для бесчисленных возражений статистического плана. Однако Патнэм — высокопрофессиональный исследователь, тщательно изучивший и подвергший критике множество неверных объяснений полученных им результатов. В общественных науках не существует ничего бесспорного, и с учетом того, что итоги исследования Патнэма с политической точки зрения совершенно неприемлемы для многих представителей общественных наук, они неизбежно должны были подвергнуться сомнению. И даже если окажется, что они ошибочны, от них не следует отмахиваться. Сам Патнэм, несмотря на очевидный дискомфорт, доставляемый ему результатами его работы, пишет: «Если политкорректные прогрессивисты станут отрицать реальность того вызова, который разнообразие бросает социальной солидарности, это было бы большим несчастьем»¹⁶.

Серьезным недостатком работы Патнэма, признаваемым им самим, служит то, что она представляет собой «моментальный снимок» реальности и не отслеживает изменений, происходящих с течением времени. Это не лишает силы ее результа-

16. Putnam (2007), p. 165.

тов, однако данные, на которых она основывается, нельзя использовать для анализа того, каким образом можно уменьшить пагубные последствия иммиграции в плане сотрудничества. Что у нас остается — убедительный вывод о том, что иммиграция сокращает социальный капитал коренного населения. К сожалению, этот эффект ощущается весьма серьезно — по крайней мере в США. На уровне отдельных общин он тем заметнее, чем выше доля иммигрантов. В то время как вывод о том, что разнообразие приводит к сокращению социального капитала даже в рамках группы, является новостью, вывод более общего плана, согласно которому этническое разнообразие в общине препятствует сотрудничеству, делался уже неоднократно в самых разных контекстах. Очевидно, что границы этноса в первую очередь определяются не генами, а культурой: этнической принадлежности примерно соответствует культурная идентичность. Важным примером исследований такого рода, убедительно доказывающим несущественность генетических различий, является работа Эдварда Майгела из Беркли, изучавшего предоставление элементарного общественного блага — содержание деревенских колодцев — в сельской Кении¹⁷. В этой стране насчитывается около 50 различных этнических групп, и потому деревни здесь существенно различаются уровнем этнического разнообразия. Как выяснил Майгел, жители деревень с более высоким уровнем разнообразия высказывали меньше способности к сотрудничеству с целью содержания колодцев. Я вернусь к этому результату в главе II, потому что в нем содержится еще один неожиданный момент.

17. Miguel and Gugerty (2005).

Мы с Патнэмом отнюдь не хотим сказать, что текущий уровень разнообразия, порожденного миграцией, серьезно угрожает сотрудничеству. Суть не в том, чтобы уличить миграцию прошлых лет, а в том, чтобы выявить потенциальный риск, скрывающийся в дальнейшем серьезном росте разнообразия. Как ни странно, европейские общества с высоким уровнем взаимного внимания, возможно, подвергаются более значительному риску, чем США с их явно более низким уровнем взаимного внимания. С учетом того, какими разными путями шла миграция в разных регионах, неудивительно, что европейским странам по сравнению с США присуща более высокая сплоченность, отражающаяся в их социальных нормах. Выводы Патнэма относятся только к Соединенным Штатам; насколько мне известно, пока еще никто не проводил аналогичного исследования на европейском материале. Однако есть два факта, настраивающих на пессимизм. Первый из них состоит в том, что США достигли более заметных успехов в интеграции иммигрантов, чем Европа. И этому едва ли стоит удивляться: в отличие от Европы, «корни американской идентичности скрываются не в национальности, а в том, чтобы привечать чужаков»¹⁸. Другим фактом служит то, что в последнее время основную долю иммигрантов в США составляют испаноязычные уроженцы Латинской Америки, фигурирующие в вышеупомянутом исследовании. Разнообразие зависит не только от численности, но и от культурной дистанции между иммигрантами и коренным населением. Культурный разрыв между латиноамериканцами и жителями США выглядит не таким большим, как разрыв между прибывающими в Ев-

18. Hirschman (2005).

ропу иммигрантами из бедных стран и коренными европейцами. Но не является ли такая оценка культурных различий чистым предубеждением?

Можно предложить такой хитроумный и объективный способ оценить культурный разрыв, как языковое дерево. К настоящему времени лингвисты построили глобальное языковое дерево, позволяющее увидеть, сколькими ветвями отделены друг от друга два любых языка. Но даже если мы таким образом получим объективную оценку дистанции между языками, годится ли она в качестве меры расстояния между культурами? Вопрос о том, соответствует ли дистанция между языками дистанции между культурами, недавно изучили Монтальво и Рейнал-Квероль, используя этот показатель при анализе межгруппового насилия в пределах отдельных стран¹⁹. Оказывает ли языковой разрыв между двумя этническими группами в одной и той же стране серьезное влияние на их склонность к взаимному проявлению насилия? Выяснилось, что чем больше дистанция между языками, тем выше склонность к межгрупповому насилию. Данный анализ проводился в глобальном масштабе, но так как межгрупповое насилие в богатых странах носит очень ограниченный характер, то это важное наблюдение было сделано на материале других стран. Однако не стоит делать отсюда вывод о том, что иммигранты, принадлежащие к лингвистически отдаленным группам, существенно повышают склонность богатого общества к насилию. Современные развитые общества создали столько защитных механизмов против межгруппового насилия, что этот вопрос не относится к числу злободневных: впервые упомянутый Энохом Пау-

19. Montalvo and Reynal-Querol (2010).

эллом и с тех пор преследующий либеральных интеллектуалов призрак «рек крови», к которым приведет насилие между иммигрантами и коренным населением, останется надуманной фантазией вне зависимости от масштабов миграции.

Нас интересует вопрос о доверии в группах, а не о насилии между ними. Однако, если в тех обществах, в которых межгрупповое насилие не относится к вещам немыслимым, языковая дистанция повышает его вероятность, будет вполне разумным вывод о том, что она усугубляет и другие сложности, связанные с насаждением взаимного внимания. Взаимная неприязнь и взаимное внимание — две крайние точки одного спектра. Культурный разрыв между группами иммигрантов и коренным населением стран Европы, оцениваемый как степень их языкового несходства, в большинстве случаев действительно окажется шире, чем между испаноязычными латиноамериканцами и коренным населением США. Соответственно, хотя результаты Патнэма получены для Америки, европейцы поступят безрассудно, если станут отрицать их значимость для Европы на том лишь основании, что Европа — это не США. Ниже приводятся два недавних примера из Великобритании, возможно, отражающие именно такой процесс уничтожения местного социального капитала, который анализируется в работе Патнэма.

Пара поучительных примеров

Я выбрал для этого раздела заголовок «Пара поучительных примеров», имея к тому важную причину. Цель этих примеров — в том, чтобы показать читателю, каким образом дискуссия о доверии и со-

трудничестве, на первый взгляд интересная только ученым, может иметь самое непосредственное отношение к реальной жизни. Поскольку данная социальная теория изучает вопрос о возможном негативном воздействии иммиграции на доверие между коренными жителями страны, рассматриваемые примеры должны иллюстрировать именно этот аспект проблемы. Но если при изучении теорий требуется, как выразился Дэниэл Канеман, «медленное» мышление, то истории из реальной жизни порождают «быстрые» мыслительные реакции: иными словами, на смену размышлениям приходят нутряные эмоции. В результате автор сталкивается с проблемой: в отсутствие иллюстраций сухость голых идей лишает их смысла; присутствие иллюстраций делает их взрывоопасными. Чтобы снизить этот риск, следует подчеркнуть, что ниже следующие истории не содержат в себе никакого анализа: приводимые мной интерпретации вполне могут оказаться некорректными. Однако возможность их корректности должна помочь вам разобраться в более абстрактной гипотезе о том, что миграция может повлечь за собой социальные издержки и что в случае достаточно масштабной миграции эти издержки могут стать значительными.

Одним из самых замечательных достижений британской культуры было соглашение о том, что полиции не нужно оружие. В Великобритании это обстоятельство кажется настолько естественным, что по большей части воспринимается как нечто само собой разумеющееся — здесь не существует права на ношение оружия, которое, наоборот, считается серьезным преступлением. По международным и историческим стандартам такая ситуация выглядит крайне необычно, будучи настоящим триумфом цивилизованного общества. Это согла-

шение, безусловно, является хрупким, фактически опираясь на неявную договоренность между полицией и преступниками о том, чтобы не пускать в ход оружие. С учетом того, что полиция безоружна, любой отдельный преступник, вооружившись, получит над ней преимущество, но если все преступники будут носить оружие, то и полиция последует их примеру. Это создает проблему координации в рамках *преступного сообщества*. Каким-то образом британским преступникам десятилетиями удавалось соблюдать неписанный закон о том, чтобы не носить оружия. В 1960-е годы один преступник самым вопиющим образом нарушил этот закон, застрелив троих полицейских. Дальше произошла поразительная вещь: этот преступник попытался залечь на дно, используя свои лондонские связи, но не смог этого сделать. Подвергнувшись всеобщему остракизму, он сбежал на далекие болота и жил там в палатке, пока его не поймали. Вспомним, что нам говорит теория игр: при неготовности игроков к тому, чтобы наказывать нарушителей соглашений о сотрудничестве, в проигрыше окажутся все. Теперь отправимся в 2011 год: два полицейских производят арест человека, известного им как преступник-рецидивист. В машине, которая везет его в полицейский участок, преступник выхватывает пистолет; но полицейские тоже вооружены, и в результате преступник убит. Дальнейшие события находятся в резком контрасте с тем, как развивалась ситуация в первом случае. Несколько сотен людей, знавших убитого, поспешно собираются у полицейского участка и заявляют протест против действий полиции. Сам убитый, некто Марк Дагган, посмертно становится героем общины. Разумеется, два этих случая применения оружия не идентичны друг другу: в первом случае стрелял преступник, во втором

случае преступник выхватил пистолет, но не успел из него выстрелить. Более того, в течение десятилетий, разделявших оба случая, доверие к полиции существенно снизилось. Тем не менее мы видим поразительное различие между реакцией со стороны окружения преступников в первом и во втором случаях. В 1960-е годы эта реакция укрепила соглашение о том, что преступникам нельзя пользоваться оружием, в то время как в 2011 году она способствовала его подрыву. Заметное различие состоит в том, что как Дагган, так и протестующие, собравшиеся у полицейского участка, были чернокожими уроженцами стран Карибского бассейна. Узы связи между афро-карибскими жителями данного района, очевидно, оказались сильнее, чем ощущение того, что Дагган, имея оружие, нарушил табу. Отношениям между афро-карибской общиной и полицией на протяжении долгого времени было свойственно взаимное отсутствие доверия, а со стороны полиции наблюдались проявления расизма. Знакомые Даггана при известии о его смерти предположили, что полицейские застрелили его без всякой нужды; мысль о том, что офицер полиции реагировал на угрозу для своей жизни — что, вероятно, было бы более правдоподобной интерпретацией случившегося, — не допускалась. В результате знакомые преступника не только не подвергли его остракизму, а наоборот, солидаризировались с ним, имея целью наказать полицию. Именно эту роль играют «сверхзлодеи», чье поведение пагубно сказывается на результатах игр, основанных на сотрудничестве. Подобная реакция, несомненно, угрожает подорвать хрупкое соглашение, запрещающее носить оружие как преступникам, так и полиции.

Тот факт, что полиция в данном случае тоже была вооружена, свидетельствует о том, что это со-

глашение уже в значительной степени утратило свою силу. В частности, это было связано с тем, что, как показал Стивен Пинкер, прежний рост неприятия к насилию, наблюдавшийся в западных культурах на протяжении столетий, в 1960-е годы сменился значительно более терпимым отношением к нему²⁰. Но кроме того, свою роль могло сыграть и крайне специфическое различие между культурой афро-карибских иммигрантов и культурой коренного населения. При наличии вариаций между разными странами Карибского бассейна ямайская культура остается одной из самых жестоких в мире. Например, уровень убийств на Ямайке в *пятьдесят раз* превышает соответствующий уровень в Великобритании. На Ямайке принято ходить с оружием, и потому неудивительно, что ямайские иммигранты привезли с собой культуру ношения оружия; вообще, культура оружия, свойственная афро-карибской общине, сейчас представляет собой отдельный источник беспокойства для британской криминальной полиции. Возможно, именно эта культура объясняет, почему у Даггана был пистолет: его дядя прежде был вождем вооруженной банды в Манчестере, и Дагган не считал ношение оружия нарушением табу. Сам Манчестер пытается избавиться от полученного им прозвища «Ганчестер» (от английского слова «gun», означающего «огнестрельное оружие», «пистолет». — *Примеч. пер.*). В 2012 году он стал сценой трагедии, в ходе которой впервые в Великобритании были убиты две женщины-полицейские. Этот инцидент стал поводом для серьезной публичной дискуссии на тему о том, следует ли вооружить британскую полицию: непрочность соглашения о запрете на оружие проявилась

20. Pinker (2011).

со всей очевидностью. Нарушителем этого запрета в Манчестере стал коренной британец. Очевидно, с течением времени преступники из числа коренных жителей пересмотрели свои нормы поведения. Вполне возможно, что это произошло бы и без всякой иммиграции. Но возможно и то, что прибытие значительной группы выходцев из общества, в котором социальные условности диктовали ношение оружия, дестабилизировало благоприятное социальное равновесие.

Вспомним ключевое предсказание Патнэма о том, что снижение готовности к сотрудничеству, вызванное иммиграцией, распространится и на внутреннюю жизнь коренной общины. Главным источником проблем служит не то, что иммигранты и коренное население не доверяют друг другу, а то, что коренные жители теряют доверие *друг к другу* и потому прибегают к оппортунистическому поведению. Это разрушение препятствий, удерживавших коренное население от оппортунистических поступков, можно проследить на примере того, что случилось после инцидента с Дагганом. Протесты против его убийства дали метастазы в виде охвативших всю страну грабежей, в которых участвовали многие тысячи молодых коренных британцев. Они вели себя, насколько мы можем судить, совершенно аполитично. Общественные здания не пострадали от их действий. Мишенью погромов стали торговые центры: подростки выбивали в них витрины и радостно разворовывали стандартные аксессуары молодежной жизни. Этнический фактор также не играл в этих событиях никакой роли: по сути, подростки из числа коренного населения грабили магазины коренных жителей. Такое поведение со стороны коренной молодежи было беспрецедентным. В частности, оно объяснялось не столько

культурными изменениями, сколько техническими новшествами: подростки, будучи особенно сведущими в цифровых технологиях, имели возможность координировать грабежи с помощью сотовых телефонов и собираться в количествах, обеспечивавших им безопасность. Реакция полиции тоже подверглась критике: если в деле Даггана полицейских обвиняли в чрезмерной агрессивности, то во время погромов их обвиняли в чрезмерной пассивности. Однако ответ полиции на криминальное поведение не столь показателен, как само это поведение. Данные грабежи можно с достаточным на то основанием рассматривать как признак сокращения социального капитала, накопленного коренными жителями.

Еще один возможный пример того, как «сверхзлодеи» уничтожают социальный капитал, можно усмотреть в реакции общин на гибель британских солдат в Афганистане. Их тела доставляются на британскую авиабазу, а дальше, согласно сложившейся традиции, гробы провозятся по городским улицам, вдоль которых выстраиваются местные жители с целью выразить уважение погибшим. Само по себе это служит отражением более широкого социально значимого соглашения о необходимости воздавать почести за героизм, проявленный на государственной службе. Британские солдаты, сражающиеся в Афганистане, набираются из всех слоев мультиэтнического британского общества, и потому один из погибших солдат был британским мусульманином. Один из членов его семьи выступил по телевидению, рассказав о храбрости покойного и о том, что его родные гордятся проявленным им чувством долга. Однако выступавший слишком боялся насильственных действий со стороны не большой, но воинствующей группы

британских мусульман, и потому не называл своего имени и не раскрывал лица: зрители могли видеть лишь его темный силуэт на экране. К этому его вынудил страх перед «сверхзлодеями». Разумеется, этот страх вполне мог быть надуманным, но мы видим одну из причин, в силу которых социальный капитал столь уязвим для действий «сверхзлодеев»: им не нужно быть многочисленными для того, чтобы вызвать серьезные изменения в поведении.

Рассказы о конкретных случаях не могут заменить собой анализ; они служат лишь иллюстрацией к тому, что этот анализ пытается показать. Приведенным примерам можно противопоставить множество контрпримеров, демонстрирующих вклад, вносимый иммигрантами в социальный капитал коренного населения. Важным примером такого рода может служить карнавал в Ноттинг-Хилл, превратившийся в крупнейший ежегодный уличный праздник в Европе. Этот карнавал был основан афро-карибским сообществом, опирающимся на свои родные традиции, и сейчас в нем принимает участие множество людей из числа коренного населения. Уличные празднества представляют собой типичное проявление социального капитала, которому Патнэм придает такое большое значение.

Таким образом, имея дело с отдельными случаями, мы можем найти сколько угодно обоснований для любой точки зрения, которая будет нас устраивать. По этой причине подобный метод не годится для строгого анализа, в большей мере будучи орудием предвзятой пропаганды. Как антииммигрантское, так и проиммигрантское лобби смогут сослаться на достаточное число примеров, оправдывающих их позицию. Цель вышеприведенных историй, демонстрирующих видимое негативное воздействие иммиграции на социальный капитал,

состояла отнюдь не в том, чтобы укрепить нашу аргументацию. Их задача сводилась исключительно к тому, чтобы наглядно показать читателю, что имеют в виду Патнэм и специалисты по теории игр, когда говорят о хрупкости сотрудничества.

Взаимное внимание и равенство

До сих пор мы говорили о взаимном внимании как об источнике доверия, в свою очередь, укрепляющего сотрудничество. Но взаимное внимание важно и для насаждения равноправия в обществе. Общество, не осуществляющее публичного перераспределения доходов, скорее всего, придет к крайнему материальному неравенству. Собственно говоря, к технологическим факторам, способствующим неравенству, в последние десятилетия, вероятно, присоединились социальные факторы²¹. Становление информационной экономики, по-видимому, усилило ценность экстраординарных умственных способностей. Представители новой высокообразованной элиты стараются не допускать в свой круг посторонних не только на работе, но и в свободное время. Они вступают в браки друг с другом, а их потомство получает колоссальные преимущества в плане образования. Это приводит к снижению социальной мобильности: в наибольшей степени эта тенденция заметна в США и Великобритании, где государство прикладывает меньше всего усилий к тому, чтобы нейтрализовать данный процесс. Совсем не обязательно быть политиком левого толка для того, чтобы считать стремительный рост социального неравенства нежелательным явлением. Огромные

21. Murray (2012).

различия в доходах снижают жизнеспособность общества. Рагурам Раджан, уважаемый и проницательный консервативный экономист, предполагает, что тупик, в который зашла американская фискальная политика, возможно, отражает скрытое противостояние между богатыми и бедными, составляющими большинство американского населения: численность среднего класса резко сократилась.

Таким образом, вызываемый технологическими и социальными факторами процесс углубления неравенства требует более активного перераспределения доходов. Его объективной целью является не осуществление традиционного лозунга левых сил о построении более справедливого общества, а более скромная и консервативная задача — предотвращение стремительного роста неравенства. Однако по сути, несмотря на возрастание потребности в перераспределительной политике, реальная политика поворачивается в противоположную сторону. Речь идет не только о тенденции к более низкому налогообложению доходов, но и о менее заметном явлении: многие товары и услуги, прежде предоставлявшиеся государством, теперь предоставляются посредством рынка. Майкл Сэндел произвел блестящий анализ этого процесса, с 1960-х годов вызывавшего сокращение роли государства и тем самым способствовавшего росту неравенства²². Снижение налогов и расширение роли рынка отражают ослабление чувства принадлежности к единому обществу и еще сильнее усугубляют этот процесс.

Возможность проводить политику перераспределения обеспечивается наличием достаточного количества удачливых людей, готовых помогать менее удачливым. Поэтому требуется более внима-

22. Sandel (2012).

тельное отношение удачливых к неудачливым. Мы возвращаемся к концепции сочувствия: обладатели высоких доходов должны видеть в обладателях низких доходов таких же, как они, людей, только обделенных везением. Сочувствие проистекает из единого чувства идентичности. Важный способ насаждения единой идентичности — вовлеченность в систему взаимных обязательств.

Наплыв представителей другой культуры, занимающих непропорционально большую долю низкооплачиваемых мест в экономике страны, ослабляет этот механизм. Люди с низкими доходами все больше отличаются от людей с высокими доходами. В свою очередь, если эта тенденция ничем не компенсируется, она снижает готовность богатых людей к тому, чтобы делиться с бедными людьми. Свой вклад в политику снижения налогов и усиления роли рынков внесли многие факторы, в том числе и влияние со стороны экономистов. Однако одним из них мог быть заметный рост культурного разнообразия, вызванный иммиграцией. Например, последний период политики открытых дверей в Великобритании совпал по времени с сокращением готовности к перераспределению доходов. В 1991 году значительное большинство британцев (58%) выступало за то, чтобы государство увеличило социальные выплаты, даже если для этого пришлось бы повысить налоги; к 2012 году такие люди находились уже в очевидном меньшинстве, составляя лишь 28%. Представление о том, что культурное разнообразие снижает готовность к перераспределению доходов, строго сформулировали и исследовали два виднейших гарвардских профессора — Альберто Алезина и Эдвард Глезер²³.

23. Alesina et al. (2001).

Они задались вопросом о том, почему в Европе наблюдается намного более заметная готовность к перераспределению доходов, чем в США. Их объяснение сводилось к тому, что в основе этого различия лежит более высокая культурная однородность типичной европейской страны. Некоторые факты также указывают на то, что готовность к перераспределению подрывается не самим уровнем разнообразия, а темпом его роста. Однако значение уровня разнообразия подтверждается всевозможными доказательствами²⁴. Как и предсказывает теория, чем выше уровень разнообразия, тем хуже налажено предоставление общественных благ, основанное на перераспределении.

Как и в случае с разнообразием и сотрудничеством, отдельные примеры годятся лишь на роль иллюстраций. Сделав эту оговорку, рассмотрим ситуацию в Калифорнии. Вследствие удачного сочетания географических и экономических факторов здесь насчитывается больше иммигрантов, чем в каком-либо другом американском штате. Все эти иммигранты прибыли в Калифорнию в течение последних пятидесяти лет, поскольку до 1960-х годов Америка проводила политику закрытых дверей. Большинство калифорнийских иммигрантов находятся в самой нижней части шкалы распределения доходов. Таким образом, согласно теории, в Калифорнии имеются все предпосылки к тому, чтобы у слоев населения с высокими доходами исчезло желание делиться с более бедными слоями. Калифорния — чрезвычайно богатый штат: нет сомнений в том, что он может себе позволить пере-

24. Alesina et al. (1999). Полезный свежий обзор литературы и некоторые новые интересные результаты приводятся в: Natalie Candelo-Londoño, Rachel Croson, and Xin Li (2011)

распределение доходов. Например, здесь расположена Кремниевая долина. Однако самой заметной чертой Калифорнии в последние десятилетия был крах ее системы общественных услуг. Калифорнийская школьная система скатилась до самых нижних строчек в американском рейтинге и сейчас наряду с Алабамой занимает в нем одно из последних мест. Государственные университеты, когда-то являвшиеся учреждениями мирового класса, страдают от недофинансирования. В частности, крах калифорнийских общественных услуг был вызван изменением приоритетов: при расходовании средств все меньше внимания уделяется перераспределению, и все больше — содержанию тюрем. Раньше Калифорния старалась обучать свою бедноту, а теперь сажает ее за решетку. Впрочем, главной проблемой является не структура расходов, а недостаток поступлений. Несмотря на процветание, Калифорнии остро не хватает доходов из-за налоговой забастовки слоев с высокими доходами, сумевших ограничить максимальную ставку налога на собственность. С учетом масштаба калифорнийских проблем было бы глупо объяснять их одним-единственным фактором. Однако в число возможных причин может входить и массовая иммиграция, подорвавшая сочувствие удачливых коренных жителей к бедным людям. Возможно, в прежние времена преуспевающие калифорнийцы видели в своих менее преуспевающих собратьях таких же людей, как они сами, только менее везучих — а сейчас они относятся к бедноте как к отдельной породе, к которой не принадлежат ни они, ни их дети.

Подобно тому, как коренное население может не признавать иммигрантов в качестве членов единого общества, так и иммигранты могут отказываться в признании коренному населению. Настало

время привести еще один пример, на этот раз взятый из британской судебной практики. В 2012 году в британском суде разбиралось дело группы немолодых азиатов, принуждавших к сексу детей из числа коренного населения. Реакция на этот процесс в целом сводилась либо к нападкам на иммигрантов — например, утверждалось, что такое поведение типично для азиатской культуры, — либо к политкорректным заявлениям о том, что это дело не имеет никакого отношения к иммиграции и доказывает лишь то, что все мужчины среднего возраста ведут себя как свиньи, если дать им такой шанс. Однако подобное поведение отнюдь не является нормой в азиатских обществах. В самом деле, среди пострадавших детей не было азиатов, а азиатские семьи известны строгой сексуальной защитой своих младших членов. Точно так же невозможно отмахнуться и от иммигрантского аспекта этого дела: мужчины среднего возраста — вовсе не свиньи. Эти мужчины, очевидно, практиковали принципиально разные стандарты поведения по отношению к детям в зависимости от их этнической принадлежности: дети коренных жителей были для них «чужими» и обладали в их глазах меньшей ценностью.

Таким образом, взаимное внимание важно для общества не только в плане сотрудничества, но и в плане равенства. Оно подвергается угрозе в случае появления в обществе групп с совершенно иной культурой. Иммигранты, принадлежащие к сильно различающимся культурам, скорее всего, будут меньше доверять другим людям. Их родные общества не аморальны, однако исповедуемая ими мораль имеет иную основу, опираясь на клановую или семейную честь. Как показывает Марк Вейнер в «Правилах клана» (*The Rule of the Clan*, 2011), когда-то кодексы чести были глобаль-

ной нормой. Они проявляют поразительную живучесть, и их разрушение стало крупным достижением западных обществ. Иммигранты, недавно прибывшие из обществ, сохранивших кодекс чести, могут казаться «чужаками» коренному населению и сами зачастую видят в нем «чужаков». Если такое поведение будет сохраняться, то в обществе снизятся склонность к сотрудничеству и уровень равенства. Поэтому ключевой вопрос сводится к тому, что произойдет с этим поведением дальше: сумеют ли иммигранты усвоить нормы доверия и станут ли иммигранты и коренные жители считать друг друга членами одного общества?

• Темп абсорбции диаспор

Скорость, с которой диаспоры абсорбируются в общество, влечет за собой важные последствия, и потому определяющие ее силы представляют интерес сами по себе. В главе 2 отмечался один важный момент: по мере роста диаспоры дополнительное взаимодействие в рамках группы приводит к сокращению взаимодействия с коренным населением и потому темп абсорбции снижается. Сейчас мы рассмотрим три других фактора: состав диаспоры, наклонности мигрантов, а также наклонности и политику принимающих их стран.

Абсорбция и состав диаспоры

При заданном размере диаспоры значимым фактором может оказаться ее состав, способный повлиять на скорость вовлечения ее членов в культуру коренного населения. Дистанция между культура-

ми является немаловажным фактором: возможно, вы вспомните, что мы можем объективно оценить ее, подсчитав число ветвей, разделяющих языки обеих культур на языковом дереве. Более того, дистанция между культурами, измеренная подобным образом, влечет за собой серьезные последствия. Разумно предположить, что чем больше культурная дистанция между мигрантами и коренным населением, тем ниже будет темп абсорбции. Я не собираюсь объявлять это соответствие непреложным законом; речь идет только о тенденции. Напомним, что абсорбироваться могут как мигранты, усваивающие те или иные аспекты коренной культуры, так и коренное население, усваивающее различные аспекты культуры мигрантов. Но так или иначе, при прочих равных условиях чем шире разрыв, изначально разделявший две культуры, тем больше времени им, вероятно, потребуется для слияния.

Это вполне невинно звучащее предположение приводит нас к неожиданному следствию. Как и прежде, читателям с хорошо развитой интуицией оно покажется очевидным, а всем остальным предлагаю обратиться к нашей рабочей модели. Напомню, что *кривая диаспоры* соответствует такому сочетанию диаспоры и миграции, при котором пополнение диаспоры за счет миграции компенсирует отток людей из диаспоры вследствие их абсорбции в основное общество. Наклон этой кривой равен темпу поглощения диаспоры коренным населением. Чем ниже темп абсорбции, тем меньшим будет возрастание миграции, необходимое для того, чтобы обеспечить заданный прирост диаспоры, и потому при медленной абсорбции кривая диаспоры превращается в горизонтальную линию. На рис. 3.1 изображены кривые диаспор для случая разных дистанций между культурой диаспо-

ры и культурой коренного населения. В качестве примера выбраны поляки и бангладешцы в Великобритании, но с тем же успехом это могут быть мексиканцы и эритрейцы в США, либо алжирцы и китайцы во Франции. При заданном одинаковом размере диаспор та из них, которая сильнее отличается своей культурой от коренной культуры, будет иметь менее крутую кривую.

Естественное равновесие наблюдается в той точке, в которой *кривая диаспоры* пересекает *функцию миграции*. Эта функция показывает, что происходит в отсутствие каких-либо политических мер — таких как ограничения на миграцию или стратегии по изменению темпа абсорбции для конкретных групп. Как говорилось в главе 2, две эти линии могут не пересечься: в этом случае равновесие невозможно и естественный темп миграции продолжит возрастать. Поэтому существует возможность того, что процесс миграции с участием представителей более далекой культуры не придет к естественному равновесию: миграция ускоряется, пока ее не остановит политическое вмешательство. Однако мы рассмотрим другую возможность: и культурно далекая, и культурно близкая миграция приходят к естественному равновесию. Ради максимального упрощения ситуации предположим, что импульс, побуждающий бангладешцев и поляков к миграции, различается лишь в той мере, в какой различается размер их диаспор. Иными словами, оба народа имеют одну и ту же функцию миграции, обозначенную на нашем графике линией $M - M'$. Разумеется, в реальности так не бывает, но сейчас я хочу устранить все прочие факторы, влияющие на миграцию, кроме размера диаспоры.

Мы вряд ли ошибемся, если предположим, что бангладешцы сильнее удалены от английской

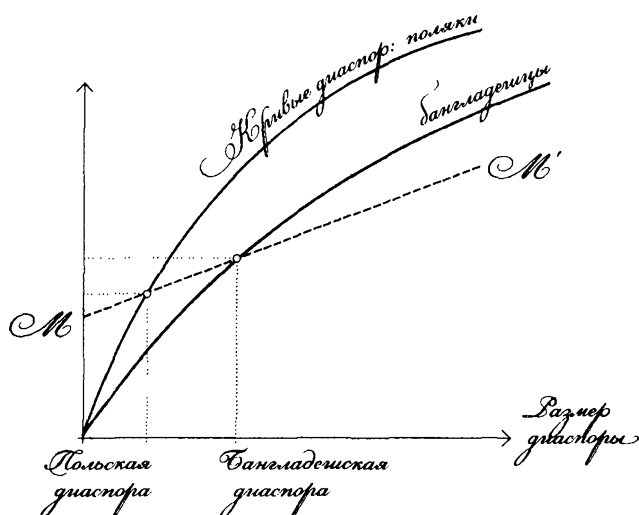

РИС. 3.1. Диаспоры и миграция
в состоянии равновесия: поляки
и бангладешцы в Великобритании

культуры, чем поляки. Отсюда вытекает простое, но важное следствие. Бангладешская диаспора будет отличаться более низким темпом абсорбции по сравнению с польской диаспорой — это вытекает из уже выявленного нами соответствия между культурной дистанцией и скоростью слияния диаспоры с основным обществом. Соответственно, на нашем графике бангладешская кривая миграции будет идти менее круто, чем польская кривая. Теперь мы можем оценить всю пользу графика, потому что ключевой момент буквально бросается в глаза. В состоянии равновесия более далекая в культурном плане группа — бангладешцы — будет иметь более крупную диаспору. Само по себе это неудивитель-

но: обладая более значительным культурным несходством с британцами, бангладешцы будут медленнее абсорбироваться в их общество, и потому при одном и том же темпе миграции люди, считающие себя бангладешцами, превзойдут числом людей, считающих себя поляками. Но более поразительное различие между равновесием с участием бангладешцев и поляков заключается в том, что у бангладешцев в итоге установится более высокий темп миграции, чем у поляков.

В то время как первое следствие является интуитивно очевидным, второй вывод — о том, что устойчивый темп миграции у культурно далекой группы будет выше, чем у культурно близкой — очевидным никак не назовешь. Собственно, интуитивно мы могли бы ожидать противоположного. Наша модель показывает, почему интуиция ошибается. Так мы приходим к парадоксальному результату о том, что при заданном разрыве в доходах между страной — источником миграции и страной, принимающей мигрантов, *устойчивый темп миграции будет тем выше, чем больше культурная дистанция между страной-источником и принимающей страной*. Насколько я могу судить, этот результат прежде не был известен. Если это так, то мы получаем еще одно подтверждение ценности нашей модели. Вспомним, что роль хорошей модели — не в том, чтобы избавить нас от необходимости в мыслительном процессе, а в том, чтобы дать нам мостки, позволяющие нам постичь природу явления глубже, чем удалось бы с помощью одних рассуждений.

Итак, вооружившись пониманием того, что чем больше культурная удаленность группы, тем выше устойчивый темп ее миграции, подумаем о том, как этот факт отразится на составе диаспор, растущих среди принимающего их общества. С течени-

ем времени мигранты, близкие коренному населению по культуре, будут абсорбироваться в него, а культурно далекие останутся в составе диаспоры. В результате по мере разрастания диаспор их культурная удаленность в среднем увеличивается. Это, в свою очередь, скажется на темпе абсорбции. Поскольку чем крупнее диаспора, тем в среднем больше культурная дистанция между ней и коренным населением, то средний темп ее абсорбции снижается. Предположим, например, что мигранты прибывают из двух стран: из культурно близкой страны Почтикакмы и с культурно удаленного Марса. Мигранты из Почтикакмы абсорбируются быстрее, чем мигранты с Марса. По мере роста диаспоры в ней увеличивается доля выходцев с Марса и средний темп абсорбции снижается. Таким образом, это еще одна причина того, почему общая кривая диаспоры, соответствующая совокупности всех отдельных диаспор, становится менее крутой по мере увеличения численности диаспоры. Ниже в данной главе мы увидим, почему это снижение крутизны может иметь важные последствия.

Из явлений, обнаруженных Робертом Патнэмом и другими авторами, следует, что при данном темпе миграции социальные издержки, связанные со снижением доверия внутри групп и ростом напряжения между ними, будут тем выше, чем больше культурная дистанция. Таким образом, мы приходим к парадоксу. Движущей силой в экономике миграции являются индивидуальные максимизирующие решения мигрантов и их семей. Наличие диаспоры снижает издержки миграции, и потому увеличение диаспоры приводит к возрастанию темпа миграции из соответствующей страны. Однако социальные издержки миграции определяются экстерналиями, которые порождаются этими част-

ными максимизирующими решениями. Парадокс состоит в том, что экономическая логика частных максимизирующих решений, по определению обеспечивающих максимальную экономическую выгоду для лиц, принимающих решения, в то же время явно увеличивает социальные издержки.

Абсорбция и наклонности мигрантов: эмигранты или переселенцы?

При заданном размере диаспоры на темп абсорбции, скорее всего, повлияет и психология мигрантов. Выше уже говорилось, что популярные культуры можно рассматривать как набор готовых к использованию стереотипов. Наклонности, проявляемые мигрантами, могут определяться не только традиционными индивидуальными экономическими переменными — такими, как доход и навыки, но и взятыми на вооружение стереотипами. Миграционные стереотипы не высечены в камне; они изменяются, причем порой весьма стремительно.

Одна из таких перемен в отношении мигрантов к самим себе случилась в 1815 году, после окончания наполеоновских войн. Отчасти благодаря снижению цен на морские перевозки и спросу, накопившемуся в течение долгой войны, началась массовая эмиграция из Великобритании и Ирландии в Северную Америку. Эмигранты руководствовались здоровой экономической причиной: наличием доступных для заселения и плодородных земель в Северной Америке. И все-таки решиться на эмиграцию в то время было еще очень непросто: Северная Америка была отнюдь не раем, и новоприбывших ожидали там суровые испытания. Джеймс Белич, изучавший экономическую историю этой мигра-

ции, недавно подметил один поразительный момент, связанный с ее восприятием²⁵. Тщательно подсчитав слова, использовавшиеся в сотнях газетных статей на протяжении многих лет, он обнаружил, что в языке, которым описывались мигранты, где-то между 1810 и 1830 годами произошло неявное изменение. Около 1810 года в газетах чаще всего употреблялось слово «эмигранты». Однако к 1830 году вместо него получил распространение новый термин — «переселенцы». Думаю, что это событие нельзя назвать пустяковым; два этих термина подразумевают принципиально разное отношение к миграции. Эмигранты по сути покидают свое родное общество, чтобы стать членами нового общества. Напротив, переселенцы забирают свое родное общество вместе с собой. Насколько существенно это различие?

Авторы самой знаменитой из появившихся в последние годы статей об экономическом развитии, сотрудники Гарварда и МИТ Дарон Асемоглу, Саймон Джонсон и Джеймс Робинсон, утверждают, что мигранты по традиции ценились именно потому, что они были переселенцами²⁶. Согласно этой аргументации, они привозили с собой свои институты — такие как правление закона и нерушимость контрактов. Обладая таким багажом, переселенцы давали тем странам, которые становились их новой родиной, возможность вырваться из бедности, которая доселе была уделом человечества. Но в то время как прибытие переселенцев, несомненно, является благом для них самих, вместе с тем оно зачастую влечет за собой крайне серьезные отрицательные последствия для коренного населения.

25. Belich (2009).

26. Acemoglu et al. (2001).

Было бы нелепостью утверждать, что прибытие переселенцев в Северную Америку стало благом для американских индейцев, в Австралию — для аборигенов, а в Новую Зеландию — для маори. Возможно, в долгосрочном плане прибытие переселенцев обернулось благом для чернокожих жителей Южной Африки, но это случилось лишь после того, как власть в стране перешла в руки правительства, поставившего перед собой цель улучшить жизнь чернокожих за счет потомков переселенцев. В настоящее время самыми известными переселенцами являются израильские евреи: в то время как право евреев селиться на оккупированных палестинских территориях активно оспаривается — и безусловно не является темой нашей книги, — никто не пытался оправдывать создание еврейских поселений на том основании, что оно приносит пользу кореным палестинцам.

В постнаполеоновскую эпоху, когда началась массовая миграция в Северную Америку, наибольшее стремление к переселению проявляли протестанты из Северной Ирландии (католическая эмиграция из Южной Ирландии началась лишь после картофельного голода 1840-х годов). Наиболее вероятным объяснением этой склонности является то, что протестанты из Северной Ирландии изначально были переселенцами из Шотландии и Англии, прибывшими на новое место с подачи британских властей, стремившихся заселить непокорную колонию лояльными подданными. Последствия этого переселения, начавшегося более четырехсот лет назад, по сей день служат причиной ожесточенных конфликтов, и, к сожалению, до сих пор дают возможность говорить о «переселенцах» и «коренном населении». Если провести среди «коренных ирландцев» опрос о том, радуются ли они задним чис-

лом прибытию шотландских переселенцев, вряд ли большинство даст положительный ответ²⁷.

Переселенцы приносят с собой не только свои надежды, но и свою культуру. В истории часто бывало так, что малочисленные переселенцы прививали свою культуру коренному населению: очевидным примером служит миссионерская деятельность, неоднократно приводившая к переходу местных жителей в другую веру, чему мы совсем не удивляемся²⁸. Порой процесс насаждения новой культуры принимал откровенно насильственный характер. В Латинской Америке о мощном культурном влиянии переселенцев свидетельствует всеобщее распространение испанского языка. В Анголе о прежнем культурном доминировании переселенцев напоминает массовое использование португальских имен коренным населением. Однако порой широкомасштабное насаждение новой культуры происходит не под прицелом оружия, а децентрализованным образом.

Самый всеохватный из известных мне культурных переворотов, осуществленных малочисленными переселенцами, произошел в Великобритании. Переселенцами в данном случае были англосаксы, а случилось это около 400–600 годов н.э. До 400 года англосаксы почти не встречались в Британии, и они никогда не составляли здесь более 10% населения. Насколько мы можем судить, они не завоевывали и не подчиняли себе коренных бриттов: археологи не обнаружили признаков сколько-

27. В свою очередь, шотландцы, переселившиеся на север Ирландии, были потомками скоттов — племени, вторгшегося в Северную Великобританию из Ирландии около VIII века н.э. Однако, насколько мне известно, они не ссылались на «право вернуться» в Ирландию.

28. Nunn (2010).

нибудь массового насилия²⁹. Тем не менее о масштабах англосаксонского культурного переворота свидетельствуют язык и религия. До 400 года бритты, вероятно, говорили на кельтских языках, похожих на современный валлийский, и на латыни. К 600 году их языком стал английский. Этот новый язык не содержал следов прежнего кельтского языка, представляя собой амальгаму переселенческих диалектов, в которой самую заметную роль играло фризское наречие. Также и христианство, в начале V века являвшееся официальной религией страны, к концу VI века почти совершенно здесь исчезло. Его пришлось заново ввозить в Британию из Ирландии и Рима. Исходя из вынужденно скудных свидетельств, можно сказать, что прибытие англосаксонских переселенцев привело к краху коренной бриттской культуры. Почему бритты полностью лишились своей прежней культуры, никто не знает, но что-то явно вызвало у них стремление подражать англосаксам.

Неизвестно, следует ли оплакивать исчезновение коренной бриттской культуры. В конце концов, ее носители отказались от нее добровольно. Однако культура представляет собой общественное благо в чистом виде: притом что все ее ценят, никто не получает вознаграждения за ее сохранение. На глобальном уровне мы ценим существование других культур, даже если лично никак с ними не сталкиваемся: как и многие другие вещи, не попадающие нам на нашем жизненном пути, они ценны уже своим существованием. На индивидуальном уровне родители обычно стремятся передать свою культуру детям, но возможно ли это, зависит не толь-

29. Иное мнение высказывается в: Fleming (2011), Cunliffe (2012), и Halsall (2013).

ко от решений родителей, но и от выбора тех, кто их окружает. Так, если даже *ex post* культурные изменения одобряются последующими поколениями, то *ex ante* коренные жители могут иметь основания для того, чтобы с опаской относиться к культурному вызову, исходящему от пришельцев. Мысль о том, что ваши внуки с удовольствием станут перенимать чью-то чужую культуру, не обязательно будет греть вам душу. Разумеется, культурные изменения, вызванные прибытием переселенцев, — лишь одна из множества сил, ведущих к переменам; но в отличие от многих других, она никого ни к чему не принуждает. Если коренному населению не нужны культурные новшества, то оно не станет перенимать их у переселенцев.

Таким образом, миграция переселенцев из богатых стран в бедные становится обоюдоострым мечом для коренного населения: переселенцы приносят с собой желательные институты и ненужную местным жителям культуру. Теперь попробуем представить себе тот же процесс, но только идущий в другом направлении: из бедных стран в богатые. Допустим, что бедные переселенцы прибывают в богатое общество, намереваясь сохранить и распространять свою культуру. Привезенные ими социальные модели не принесут никакой пользы местному населению: бедные страны бедны из-за дисфункциональности их социальных моделей. Поэтому возможное осторожное отношение процветающих обществ к таким переселенцам окажется вполне оправданным.

Разумеется, бедные страны не отправляют переселенцев в богатые страны. Возможно, некоторые современные мигранты, прибывшие из бедных стран в богатые, хотели бы уподобиться переселенцам прежних дней, но в их распоряжении не име-

ется ничего сколько-нибудь похожего на силу тех переселенцев, основывавшуюся на мощных средствах принуждения. Но не исключено, что современное различие между культурной ассимиляцией и культурным размежеванием в чем-то аналогично прежнему различию между эмигрантами и переселенцами. Эмигранты покидают свое родное общество и вливаются в новое общество, благодаря чему им проще смириться с мыслью о необходимости ассимиляции. Переселенцы не собираются ассимилироваться: они надеются сохранить в новой стране проживания свои ценности и культуру.

Два смысла мультикультурализма

Как и все прочее, связанное с миграцией, культурный выбор, стоящий перед мигрантами, крайне политизирован. На одном конце спектра находится ассимиляция: мигранты вступают в браки с коренным населением и перенимают его обычаи. Я сам появился на свет благодаря ассимиляции мигрантов. К таким же людям относится и мэр Лондона Борис Джонсон, чей дед был турецким иммигрантом. Другой конец спектра занимает культурная изоляция мигрантов в замкнутой общине со своей собственной системой образования и своим языком, причем заключение брака за пределами общины наказывается изгнанием из нее. В то время как такие люди в юридическом смысле могут быть гражданами принимающей их страны, по-настоящему считать их частью общества можно лишь в том случае, если приписывать ему принципиально мультикультурный характер.

Мультикультурализм появился на свет как реакция на требование ассимиляции. Возможно, глав-

ным импульсом для его возникновения стало понимание того, что многие мигранты не стремятся к ассимиляции: они предпочитают объединяться в группы, способные защитить их родную культуру. Критика в адрес мигрантов, не желающих ассимилироваться, могла восприниматься как намек на превосходство местной культуры, а это, в свою очередь, уже граничило с расизмом. Однако со временем мультикультурализм стал подаваться либеральной элитой в более позитивном ключе, как вещь, желательная сама по себе: предполагалось, что мультикультурное общество обеспечивает больше разнообразия и стимулов, чем общество с одной культурой. В таком виде мультикультурализм предусматривает постоянное сосуществование различных культур в одной стране. При этом нация воспринимается в качестве геополитического пространства, в котором мирно сосуществуют отдельные культурные общины, имеющие равный юридический и социальный статус. Даже если коренное население остается в большинстве, оно не имеет особого статуса. Альтернативное понимание мультикультурализма, возможно, более близкое к первоначальной идее, заключается в том, что вместо ассимиляции мигрантов коренным населением происходит слияние их культур. В отличие от ассимиляции, такое слияние не предполагает, что культура коренного населения в чем-то превосходит культуру мигрантов или находится по отношению к ней в привилегированном положении.

Таким образом, у мигрантов имеются четыре возможности. Во-первых, они могут выбрать для себя роль иммигрантов традиционного типа, готовых и стремящихся ассимилироваться в местную культуру. Во-вторых, их целью может быть культурное слияние, для чего им следует привнести какой-ли-

бо новый ингредиент в общий котел, из которого все едят. В-третьих, они могут быть настроены на культурный сепаратизм, намереваясь находиться в изоляции от коренного населения, но участвовать в экономике страны — по сути, жить как прибывшие на временные заработки. Наконец, они могут вести себя как переселенцы, стремясь распространять свою культуру среди коренного населения. В чем состоят преимущества и недостатки каждого из этих четырех вариантов в этическом и практическом смысле?

Ассимиляция и слияние

Несмотря на то что ассимиляция вышла из моды, она имеет ряд важных преимуществ — причем не только для коренного населения, но и для всех. В этическом плане она совместима с золотым правилом, требующим обращаться с другими так же, как хочешь, чтобы они обращались с тобой. Особо отметим, что иммигранты из бедных обществ получают нравственное право претендовать на какой-либо из трех других вариантов лишь в том случае, если сами они признают этот вариант в своей родной стране. Однако почти ни одно бедное общество не может похвастаться особыми успехами в обеспечении культурного сепаратизма; собственно, именно поэтому Монтальво и Рейнал-Квероль пришли к выводу о том, что культурные различия в бедных странах ведут к росту межгруппового насилия³⁰. Самые решительные защитники культурной обособленности называют ассимиляцию «культурным геноцидом», но это — неправомерное применение эмоционально заряженной терминологии, кото-

30. Montalvo and Reynal-Querol (2010).

рую следует брать на вооружение лишь в тех ужасных ситуациях, когда жесткий подход действительно оправдан. Культура, к которой изначально принадлежали иммигранты, существует в их родных странах как динамический процесс. Нет никаких этических оснований для того, чтобы признавать за иммигрантами право на нежелание приобщаться к местной культуре, если такое приобщение является условием их допуска в данную страну. Или, выражаясь более конкретно, следует ли ожидать от мигрантов обучения местному языку? Иметь общий язык, безусловно, очень удобно: в отсутствие общего языка трудно проводить общую политику. Более того, речь идет и о взаимном внимании: вспомним работу о мексиканских иммигрантах в США, согласно которой иммигранты, знающие английский, проявляют больше готовности к участию в предоставлении общественных благ. Таким образом, мигранты, не желающие учить общий язык, становятся «халявщиками», пользуясь общественными благами, предоставляемыми с помощью общего языка. Более того, их можно обвинить в нарушении золотого правила: признают ли они, что иммигранты, прибывающие в их собственную страну, тоже имеют право не учить местный язык?

Ассимиляция не только вполне оправданна этически, но и полезна в практическом плане. Благодаря тому, что мигранты усваивают предпочтения коренного населения, в обществе сохраняется высокий уровень доверия. Мигранты и коренные жители учатся проявлять по отношению друг к другу то же самое взаимное внимание, которое уже распространено в рамках коренной общины. Общее культурное поведение позволяет коренным жителям и иммигрантам считать друг друга единым народом. К тому же самому ведут и взаимные браки,

результатом которых становится общее потомство. Возможность заключения взаимных браков потенциально важна в плане самоидентификации. После длительного существования в отсутствие миграции — характерного для большинства европейских стран вплоть до 1950-х годов — коренное население в самом деле могло считать себя единым народом: так, большинство жителей Великобритании еще с неолитических времен были коренными британцами. Но у мигрантов, готовых к ассимиляции, тоже появится такая возможность. Их потомство будет не только принадлежать к единому народу, но и находиться в прямом родстве с предками коренного населения. Иммигрант, прибывший в Великобританию из Сьерра-Леоне, вряд ли входит в число потомков короля Альфреда, но благодаря взаимным бракам таковыми вполне могут стать его внуки. Если он сам признает существование этой связи между прошлым и будущим, это поможет ему в приобретении новой идентичности.

Мультикультурализм как слияние тоже не вызывает особых возражений с этической точки зрения. В отличие от ассимиляции, он признает равное достоинство и за мигрантом, и за коренным жителем. В мультикультурализме не существует иерархии культур, а лишь волнующий и креативный процесс культурного смешения. Слияние требует и от мигрантов, и от коренных жителей взаимного интереса к их культурам и приобщения к ним. С учетом численного преобладания коренных жителей можно предположить, что в новой культуре на первый план выйдут черты коренной культуры, и потому мигранты должны быть готовы к более значительной культурной адаптации, чем та, которая предстоит коренному населению. Однако подобное требование относится к сфере практики, а не этики. В Ве-

ликобритании самым популярным национальным блюдом стала куриная тикка, вытеснившая традиционную рыбу с чипсами. Нельзя сказать, что куриная тикка появилась в Британии вместе с иммигрантской культурой; скорее ее можно назвать британским новшеством, появившимся благодаря иммигранту, который успешно решил задачу слияния своего собственного культурного опыта с местным спросом на фастфуд. В практическом плане слияние влечет за собой примерно те же последствия, что и ассимиляция. Единственное различие заключается в потенциальном риске того, что социальная модель в результате слияния утратит свою прежнюю функциональность: напомним, что в экономическом смысле не все культуры равны друг другу.

Сепаратизм и переселенцы

Среди европейской политической элиты вплоть до недавнего времени доминировала тенденция к поддержке мультикультурализма, понимавшегося как право на культурный сепаратизм. Эта точка зрения и политика, на которую она опиралась, представляли собой реакцию на выказывавшееся основными группами иммигрантов предпочтение к культурному сепаратизму и в то же время легитимизировали его. В число объективных проявлений этого сепаратизма входит географическое распределение иммигрантов. Они предпочитают селиться рядом друг с другом, если этому не препятствует сознательная политика со стороны государства. В этом нет ничего удивительного: иммигранты, уже освоившиеся на новом месте, являются очевидным источником информации и содействия для новоприбывших. В некоторых странах — например,

в Канаде, — власти активно старались противодействовать этой тенденции, требуя от иммигрантов селиться там, где им будет указано. Великобритания тоже пыталась проводить такую политику, направив некоторое число сомалийских иммигрантов в Глазго. Через несколько недель один из них был убит расистами, и от такой политики по понятным причинам отказались. Но в отсутствие каких-либо сдерживающих мер иммигранты, прибывающие в Великобританию, чем дальше, тем сильнее концентрируются в нескольких английских городах — в первую очередь в Лондоне. Согласно переписи 2011 года, коренные британцы стали меньшинством в их собственной столице. Более того, иммигранты крайне неравномерно распределены даже в самих этих городах. Согласно индексу сегрегации, из 36 мигрантских кластеров в Европе наибольшая концентрация мигрантов наблюдается в бангладешской общине в Брэдфорде. В Лондоне мигранты скапливаются во внутренних районах города, в то время как коренное население перебирается на окраины, образуя так называемую структуру пончика. Но и во внутреннем Лондоне мигранты концентрируются в определенных местах. Например, из данных британской переписи 2011 года следует, что на протяжении последних десяти лет самым быстрорастущим округом в стране являлся расположенный во внутреннем Лондоне Тауэр-Хамлетс, население которого выросло на 26%. Главным образом этот рост происходил за счет иммигрантов из Бангладеш: почти половина всех бангладешцев в Лондоне живет в одном этом округе, и наоборот, к бангладешцам сейчас относится более половины детей в Тауэр-Хамлетс.

Кроме того, сепаратизм, хотя и не так легко поддающийся количественной оценке, наблюда-

ется и в сфере культурных практик. Этот процесс затрагивает далеко не все иммигрантские группы и, возможно, в большей степени связан с распространением исламского фундаментализма, нежели с политикой стран, принимающих мигрантов. Например, французские иммигранты-мусульмане во втором поколении по сравнению со своими родителями реже позволяют своим детям питаться в школьных столовых³¹. В Великобритании бангладешские женщины все шире практикуют ношение паранджи, в то время как в самом Бангладеш это не принято: в данном случае очевидно, что иммигранты не цепляются за обычаи своего родного общества, а лишь стараются отличаться от коренного населения. В Великобритании этот культурный сепаратизм привел к предложению — высказанному не кем иным, как архиепископом Кентерберийским — о том, чтобы парламент ввел в стране параллельную юридическую систему, основывающуюся на законах шариата. Если такое случится, это станет чистым примером того, как мигранты приносят с собой свои институты.

В одном шаге от юридического сепаратизма находится политический сепаратизм, находящий опору в географическом и культурном сепаратизме. Одним из проявлений такого сепаратизма является воспроизведение политических организаций из стран — источников миграции в странах, принимающих мигрантов. Например, на работе местного самоуправления в Тауэр-Хамлетс явно отражается вражда между двумя ведущими политическими партиями Бангладеш: Лигой Авами и Бангладешской национальной партией. В то время как функционирование этих бангладешских политических

31. Kerel (2011).

партий в британской политике в целом скрыто от глаз общественности, можно привести и более известный пример: в 2005 году британские мусульмане создали свою собственную политическую партию — «Уважение». К настоящему моменту она победила уже на двух довыборах в парламент: в Тауэр-Хамлетс и в Брэдфорде — местах, где наблюдается очень высокая доля иммигрантов-мусульман. «Уважение» — откровенно мусульманская и азиатская партия, объединяющая избирателей на основе их самоидентификации. Кроме того, она находится в крайней оппозиции к традиционным политическим партиям. В Великобритании избиратели могут голосовать как лично, так и по почте. В Брэдфорде партия «Уважение» получила три четверти голосов, поданных по почте. Почтовое голосование, как и невооруженная полиция, — полезный атрибут цивилизованного общества, но при этом он опирается на неявные договоренности. Почтовое голосование в принципе может нарушать принцип тайного голосования. В таких семьях, где глава семьи обладает значительной властью над прочими домоладцами, заполнение избирательных бюллетеней, отправляемых по почте, не всегда может быть названо свободным волеизъявлением. Разумеется, эта критика относится и к семьям коренных жителей, имеющим иерархическую структуру; однако в настоящее время такая структура представляет собой очевидное культурное отличие, отделяющее многие иммигрантские семьи от нормы, действующей в семьях коренных жителей.

В настоящее время местное самоуправление Тауэр-Хамлетс ведет борьбу за то, чтобы этот округ получил статус города, дающий более обширные полномочия. С учетом географического распределения иммигрантов дальнейшая тенденция к политиче-

скому сепаратизму, вероятно, приведет к тому, что в некоторых городах установится власть политических партий с доминированием иммигрантов. Это в какой-то степени будет соответствовать насаждению институтов бедных обществ в богатых обществах на уровне городов. В какой-то степени можно назвать ироничным то, что видный исследователь экономического роста Пол Ромер выдвинул в точности противоположное предложение. Он разделяет мнение о том, что уровень благосостояния в конечном счете определяется институтами, но предлагает простое на первый взгляд решение: *города хартии*³². В таких городах, созданных на территории, предоставленной властями бедной страны на условиях долгосрочной аренды, будут действовать законы какой-либо развитой страны. Например, Бангладеш может согласиться на то, чтобы какой-либо клочок его территории управлялся по законам Сингапура, или, если на то пошло, Великобритании. Как предсказывает Ромер, установив таким образом правление закона, мы добьемся того, что на эту территорию хлынут инвестиции и люди. Ирония предложения Ромера, вывернутого наизнанку — насаждения институтов из стран — источников миграции в странах, принимающих ее, — состоит в том, что если Ромер прав, то мигранты, возможно, сами того не сознавая, бегут от дисфункциональных институтов, которые они как переселенцы явно хотят принести с собой.

Несмотря на значительный успех партии «Уважение» в Великобритании, большинство иммигрантов не обособляются от местных политических организаций. Тем не менее иммигранты зачастую выказывают весьма четкие политические предпо-

32. Romer (2010).

чтения. На общебританских выборах 2010 года консерваторы получили от коренных избирателей чуть более четырех голосов на каждые три голоса, поданные за находившуюся у власти Лейбористскую партию. Напротив, среди этнических меньшинств лейбористы получили почти в пять раз больше голосов, чем консерваторы³³. Такая же однозначная избирательная позиция свойственна иммигрантам по всей Европе. В Америке иммигранты не проявляют столь же явных предпочтений, но все же именно они сказали решающее слово на выборах 2012 года. Вряд ли кто-то был удивлен тем, что несколько угрожающие заявления Митта Ромни о политике «добровольной репатриации» оттолкнули от него многих испаноязычных избирателей.

Разумным критерием политической интеграции иммигрантов является степень соответствия между их политическими предпочтениями и предпочтениями коренного населения. Высокий уровень такого соответствия не только подтверждает факт интеграции, но и дает возможность не беспокоиться за судьбу традиционного демократического процесса. Демократия основывается на смене партий у руля власти, и потому голоса избирателей должны примерно поровну разделяться между основными партиями. Если же, напротив, все иммигранты поддерживают одну-единственную партию и при этом представляют собой серьезную силу на выборах, то баланс власти между политическими партиями может быть сохранен лишь в том случае, если коренное население подает непропорционально много голосов против партии, пользующейся поддержкой иммигрантов. Но эта ситуация влечет за собой два нежелательных последствия.

33. Heath et al. (2011).

Первое из них состоит в том, что неизбежно агрессивная и оскорбительная риторика политического состязания почти наверняка приведет к тому, что проблема иммиграции получит нежелательную окраску: одна партия, зависящая от голосов иммигрантов, будет считаться проиммигрантской, а другая партия, в первую очередь получающая голоса коренного населения, получит репутацию антииммигрантской. Вторым последствием служит то, что в условиях, когда у власти будет находиться то одна, то другая партия, периоды, во время которых иммигранты фактически останутся без представительства в правительстве, будут сменяться периодами, когда партия, поддерживаемая большинством коренных жителей, лишится власти из-за ярко выраженных политических предпочтений иммигрантов. Подобный сценарий не является гипотетическим: именно такая ситуация в последнее время складывается на выборах мэра Лондона, поскольку стратегии политических партий отражают географическое распределение иммигрантов и коренного населения, имеющее форму пончика. Ярко выраженное распределение голосов иммигрантов не является неизбежной чертой миграции и не возникает по чьей-либо «вине», но его явно следует избегать. Поскольку крайне однобокие политические предпочтения иммигрантов приводят к таким нежелательным последствиям, это служит серьезной причиной для того, чтобы политические партии придерживались одной и той же иммиграционной политики. Иммиграция — одна из тех политических сфер, в которых предпочтителен единый подход, основанный на совместном анализе имеющихся фактов. Разумеется, из слов о едином подходе не следует, что традиционные партии должны игнорировать этот вопрос.

Абсорбция и отношение коренного населения к мигрантам

Мигрантов из бедных стран в большинстве случаев не ждут в богатых странах с распростертыми объятиями. Им приходится сталкиваться с расизмом и трудовой дискриминацией — поведением, которое не красит их хозяев и может быть обуздано посредством соответствующей политики. Темой данного раздела станет такой показатель, как темп абсорбции — скорость, с которой мигранты вливаются в ряды коренного населения. Очевидно, что подобное отношение к мигрантам может стать серьезным препятствием для этого процесса. Социальная исключенность не способствует становлению единой идентичности.

Но помимо того очевидного соображения, что ксенофобия со стороны коренного населения едва ли способствует абсорбции, о чем еще нам могут сказать общественные науки? В одной потенциально важной недавней работе делается вывод о том, что свою роль играет и общее отношение к мигрантам со стороны коренного населения, которое можно назвать уровнем доверия³⁴. Чем выше уровень доверия, проявляемого коренным населением — не только к мигрантам, но и друг к другу, — тем легче мигрантам интегрироваться в основное общество. И это едва ли удивительно: иммигрантам проще выработать в себе привязанность к своему новому обществу — «связующий капитал», о котором говорит Патнэм, — если коренное население доверяет им.

Но если это верно, то в нашей модели появляется еще один механизм обратной связи. Патнэм об-

34. Herreros and Criado (2009), p. 335.

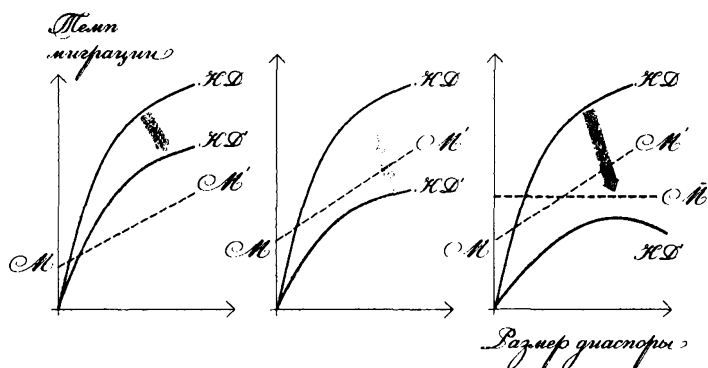

РИС. 3.2. Уровень доверия
и темп абсорбции диаспоры

наружил, что разнообразие снижает уровень доверия среди коренного населения — люди замыкаются в себе. Или, с точки зрения рассматриваемой нами проблемы, чем крупнее неабсорбированная диаспора, тем ниже уровень доверия к ней. Но теперь мы должны учесть обратное влияние этого снижения доверия на темп абсорбции диаспоры. Это влияние выражается в том, что чем крупнее диаспора, тем ниже темп ее абсорбции. Темпу абсорбции соответствует крутизна *кривой диаспоры*; чем выше темп абсорбции, тем круче она идет. При снижении темпа абсорбции она смещается по направлению часовой стрелки. Три возможных исхода изображены на рис. 3.2.

Первый график соответствует ситуации при наличии крупной диаспоры и высокого темпа миграции. На втором графике показана ситуация, в которой естественное равновесие недостижимо: в отсутствие контроля над миграцией размер диаспоры и темп миграции будут возрастать до беско-

нечности. На третьем графике мы видим ситуацию, в которой влияние размера диаспоры на уровень доверия, а доверия — на темп абсорбции, достаточно сильны для того, чтобы по достижении диаспорой определенного размера число людей, абсорбируемых из нее, начало снижаться. Если такое происходит, то темп миграции не сможет превысить некоего максимального значения. Если контроль над миграцией допускает более высокий предельный темп миграции, то увеличение диаспоры будет продолжаться неограниченно долго.

Абсорбция и политика принимающей стороны

Политика, осуществляемая страной, принимающей мигрантов, в известной степени влияет на настроения как коренного населения, так и мигрантов. Там, где официально проводится политика мультикультурализма, понимаемого как сохранение особой мигрантской культуры, власти признают и поощряют существование социальных связей между иммигрантами, определяемых их культурой. В результате возможно сосредоточение диаспоры в нескольких городах и преобладание учащихся, принадлежащих к диаспоре, в некоторых школах этих городов. Идею о том, чтобы способствовать созданию моноэтнических школ для детей иммигрантов, прогрессивные деятели, в 1960-е годы выступавшие за совместное обучение американских чернокожих и белых детей, восприняли бы с ужасом и недоверием.

Однако в то время как мультикультурная политика допускает и даже поощряет сохранение иммигрантскими группами своих культурных и со-

циальных отличий, по отношению к коренному населению государство вынуждено проводить совершенно иную политику. Вполне обоснованный страх перед потенциальной и реальной дискриминацией иммигрантов делает необходимым решительное официальное сопротивление возникновению аналогичных связей среди коренного населения. До начала иммиграции социальные связи, существующие в стране, не могут охватывать никого, кроме коренного населения. Антидискриминационная политика фактически запрещает такие связи: понятно, что они не могут не становиться инклюзивными.

В недавней работе Рууда Коопманса делается вывод о том, что политический выбор действительно влияет на темп интеграции³⁵. Мультикультурная политика замедляет интеграцию. Она влечет за собой такие измеряемые последствия, как слабое знание иммигрантами национального языка, которое, как мы знаем, снижает готовность к сотрудничеству при предоставлении общественных благ, а также повышенная географическая сегрегация. Кроме того, Коопманс обнаружил, что интеграцию замедляет и щедрое социальное обеспечение, искушая мигрантов к тому, чтобы оставаться на нижних ступенях социальной лестницы. Разумеется, оно искушает и коренных жителей, но мигранты более податливы к этому искушению, потому что они привыкли к радикально более низкому уровню жизни. Даже скромные социальные выплаты выглядят в их глазах привлекательными, и потому стимул к тому, чтобы найти работу и зарабатывать еще больше, действует на них слабее. Мультикультурализм и щедрое социальное обеспечение замед-

35. Koopmans (2010).

ляют интеграцию мигрантов и дома, и на работе. По данным Коопманса, и тот и другой эффект проявляются в весьма заметных масштабах.

Социальные связи в пределах группы — которые Роберт Патнэм называет «объединяющим» социальным капиталом — налаживать проще, чем связи между группами — «связующий» социальный капитал. Кроме того, социальные связи проще налаживать в маленьких группах, чем в больших. Поэтому сочетание мультикультурализма и антидискриминационных законов может привести к непреднамеренному парадоксу: иммигранты могут оказаться в более удобном положении для накопления объединяющего социального капитала, чем коренное население. Иммигрантам не только разрешают создавать сплоченные общины, сохраняющие их родную культуру — их даже поощряют к этому. Собственно, к одной «общине» сейчас обычно причисляют всех людей, эмигрировавших из одной и той же страны: говорят о «бангладешской общине», «сомалийской общине» и т. п. И напротив, закон требует преобразования всех социальных связей коренного населения из объединяющего в связующий социальный капитал. В результате, несмотря на мучительное социальное испытание, которым становится сам процесс миграции, типичный иммигрант принадлежит к более плотной социальной сети, чем типичный коренной житель. Возможно, именно это дает Патнэму основания говорить о разобщенности коренного населения. Сегодня люди в меньшей степени объединены в социальные сети — по его выражению, они «уходят в оборону». Сочетание политики мультикультурного сепаратизма по отношению к мигрантам и антидискриминационных законов по отношению к коренному населению нарушает золотое правило

этики. Одна из этих групп не может рассчитывать на то, что к ней будут относиться так же, как к другой группе. Но при этом вполне очевидно, что коренному населению нельзя позволить сохранение эксклюзивных связей: в данном случае на первом месте стоит интеграционная повестка дня.

Отсутствие единого подхода иллюстрируется контрастом между французской и британской политикой по отношению к иммигрантским культурным практикам, нашедшим выражение в вопросе о парандже. Ношение паранджи вполне буквально разрушает взаимное внимание. Во Франции преобладало мнение о том, что паранджа несовместима с братством, и потому ее ношение было запрещено. Этот запрет поддерживали и коммунисты, и правый истеблишмент. Иное дело — Британия: если отдельные политики, принадлежащие к самым разным частям политического спектра, сетовали на все более широкое распространение паранджи, то все без исключения партии считали, что на кону стоит вопрос о свободе от государственного вмешательства. Однако, как показывает французское решение, свободу разрушать братство не обязательно следует причислять к правам человека. Следствием того, что политики двух этих стран сделали разный выбор, стало то, что в Великобритании паранджу носят все чаще, а во Франции ее нигде не увидишь, хотя британские мусульмане намного малочисленнее французских.

Еще раз обратимся к нашей модели для того, чтобы выяснить, во что в конечном счете выльется выбор между интеграционистской и мультикультурной политикой, если миграции и дальше будет позволено ускоряться. Этот выбор влияет на темп абсорбции: интеграционистская политика вызывает его рост, а мультикультурная — сни-

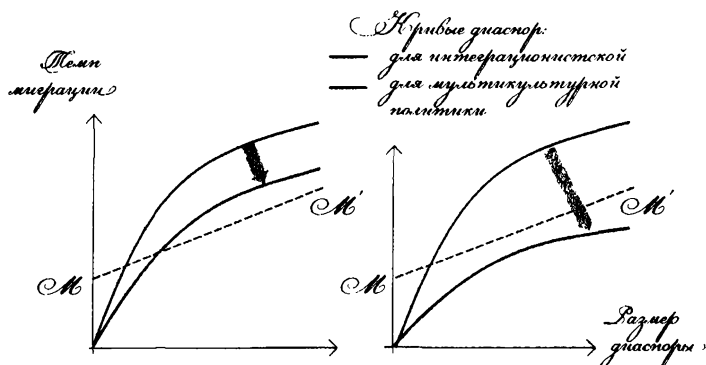

РИС. 3.3. Интеграционистская
и мультикультурная политика
в состоянии равновесия

жение. Чем ниже темп абсорбции, тем менее крутой будет кривая диаспоры. Замедление абсорбции может иметь два разных итога, которые изображены на рис. 3.3. На левом графике мультикультурная политика, замедляя абсорбцию, в конце концов приведет к увеличению диаспоры и ускорению миграции. На правом графике изображен другой вариант: замедление абсорбции устраняет возможность равновесия. В отсутствие контроля за миграцией размер диаспоры и темп миграции будут возрастать до бесконечности.

Возможно, вы уже начинаете осознавать, как легко просчитаться при проведении миграционной политики. Но сперва нам следует рассмотреть экономические последствия миграции для коренного населения.

ГЛАВА 4

Экономические последствия миграции

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ наука дает два четких предсказания о влиянии иммиграции на коренное население. Эти предсказания по неизбежности оказываются чрезмерно упрощенными, а порой и совершенно ошибочными, но прежде чем переходить к сложным вещам, было бы разумно начать с простых.

Экономическое благосостояние коренных домохозяйств отчасти обеспечивается частными доходами, а отчасти — государственными услугами. Что касается дохода, то согласно основным принципам экономики следует ожидать, что трудовая иммиграция приведет к снижению заработной платы и росту отдачи от капитала. В результате положение местных трудящихся ухудшится, а местных владельцев капитала — улучшится. Что касается предоставляемых государством услуг, то имеющееся количество общественного капитала — школы, больницы, дороги — будет распределено среди большего количества людей, и потому объем услуг на душу населения сократится. Чем беднее люди, тем более заметную роль в обеспечении их доходов играет работа при сокращении роли капитала и тем больше их благосостояние зависит от государственных услуг. Таким образом, из основных принципов экономики вытекает вывод о том, что иммиграция обогащает состоятельных коренных жителей, делая бедное коренное на-

селение еще более бедным. В утрированном виде этот и без того свехупрощенный анализ сводится к представлению о том, что средним классам присутствие иммигрантов, сплошь и рядом работающих уборщиками и нянями, идет на пользу, в отличие от рабочего класса, проигрывающего из-за конкуренции с людьми, готовыми трудиться за меньшие деньги, и вынужденного конкурировать с семьями иммигрантов за получение социальных услуг.

Иммиграция и заработки

Настало время обратиться к фактам. К счастью, в нашем распоряжении имеется новое и чрезвычайно надежное исследование, посвященное влиянию иммиграции на заработную плату в Великобритании в период массовой иммиграции¹. В рамках этой работы изучалось не только усредненное влияние иммиграции на заработки, но и вызванные ею изменения во всем спектре от высокой до низкой зарплаты. Выяснилось, что в нижней части этого спектра иммиграция действительно привела к снижению заработков, как и можно было ожидать, исходя из элементарных экономических принципов. Однако в остальных частях спектра заработная плата выросла. Более того, этот прирост был более значительным и обширным, чем сокращение заработков: большинство местных трудящихся выиграло от миграции. В то время как снижение заработков в нижней части спектра не противоречит элементарным принципам экономики, прирост зарплаты на более высоких уровнях спектра можно объяснить только с помощью соображений, не учи-

1. Dustmann et al. (2012).

тываемых при простейшем анализе. Сами исследователи предполагают, что текучесть рабочей силы, возросшая благодаря наплыву иммигрантов, повысила эффективность рынка труда: иммигранты концентрировались в городах и нишах, обладавших наибольшим потенциалом к созданию новых рабочих мест, — иными словами, в расширяющейся экономике услуг юго-восточной Англии. Благодаря присутствию иммигрантов, облегчившему развитие этого сектора, предприниматели сумели добиться роста производительности труда, что, в свою очередь, позволило повысить заработную плату.

Другая новая работа о влиянии иммиграции на рынок труда основывается на данных из разных стран Европы². И в ней мы тоже находим вывод о том, что иммиграция привела к росту заработков коренного трудящегося населения. Однако механизм, обеспечивший такой результат, поучителен сам по себе: в среднем по Европе иммигранты имеют более высокую квалификацию, чем коренное население, хотя отчасти это объясняется просто нехваткой квалифицированных работников в Европе. Квалифицированный труд дополняет неквалифицированный вместо того, чтобы конкурировать с ним, и тем самым повышает производительность последнего. Разумеется, этот эффект проявляется лишь в случае достаточно выборочной иммиграции, повышающей общий уровень навыков.

Стандартный вопрос, который задают экономисты при наличии победителей и проигравших, сводится к тому, могут ли победители позволить себе компенсировать проигравшим все их убытки и все равно остаться в выигрыше. В том, что касается влияния миграции на заработную плату, преуспе-

2. Docquier et al. (2010).

вающие местные домохозяйства приобретают намного больше, чем теряют самые бедные, и поэтому могут себе позволить платить им компенсацию. Однако в реальности важен вопрос не о том, возможна ли компенсация, а о том, действительно ли она выплачивается. Это возвращает нас к разговору о взаимном внимании и готовности удачливых помогать менее удачливым. В то время как миграция увеличивает потребность в такой помощи, она может снизить желание оказывать ее.

Таким образом, наиболее вероятное влияние уже произошедшей миграции на заработки сводится к тому, что большинство местных трудящихся выигрывает от нее, за исключением беднейших, остающихся в проигрыше. В то время как это влияние оправдывает миграцию, оно все же проявляется в весьма скромных масштабах. Влияние миграции на заработки местных трудящихся ничтожно по сравнению с тем шумом, который поднимают по этому поводу. Однако эмпирические исследования позволяют анализировать последствия миграции лишь в рамках наблюдаемых фактов. Они мало что могут нам сказать о том, что произойдет в случае дальнейшего ускорения миграции. Давая ответ на этот вопрос, благоразумия ради стоит вернуться к элементарным принципам экономики, с которых мы начали, и сказать, что заработки большинства трудящихся из числа коренных жителей существенно снизятся и останутся пониженными на протяжении многих лет.

Миграция и жилищные условия

В богатых странах важнейшим активом является жилье, на которое приходится около половины всех материальных активов. Поэтому в дополнение

к влиянию миграции на заработки потенциально важным с точки зрения экономического благосостояния коренного населения является и ее влияние на доступ к жилью. Очевидно, что миграция посредством различных механизмов увеличивает давление на жилой фонд.

В потенциале самым важным моментом является конкуренция между изначально бедными и семейными мигрантами и местной беднотой за получение социального жилья. Поскольку мигранты в массе своей более бедны и имеют более крупные семьи, чем коренное население, то они испытывают нетипично высокую потребность в социальном жилье, однако удовлетворить эту потребность возможно лишь за счет бедного коренного населения. В то время как влияние миграции на заработки местной низкооплачиваемой рабочей силы ничтожно, конкуренция за социальное жилье сказывается намного заметнее: мигранты не только бедны, но и скапливаются в небольшом числе бедных кварталов. Даже миграция прежних лет, вероятно, имела своим следствием весьма значительный эффект вытеснения, а дальнейшее ускорение миграции в потенциале может еще больше снизить доступность социального жилья для бедных слоев коренного населения.

Имеют ли мигранты однозначное право на получение социального жилья — вопрос этически запутанный и являющийся темой активных политических дебатов. В то время как мигранты живут в нужде по сравнению с коренным населением принимающего их общества, они уже испытали значительное повышение своего уровня жизни по сравнению с условиями существования в их родном обществе. Дополнительное удовлетворение их потребностей, выражающееся в предоставлении со-

циального жилья, требует жертв со стороны коренных жителей, которые сами испытывают нужду по стандартам своего общества. Социальное жилье — не единственное нормированное общественное благо: источником особенно острого конфликта является также школа. Дети тех иммигрантов, которые не говорят на местном языке, нуждаются в повышенном внимании со стороны учителей, но такое же внимание требуется и неуспевающим детям из бедных коренных семей. Точечное выделение бюджетных средств может в известной степени решить этот вопрос, но на практике перед учителями встает жесткий выбор, связанный с определением приоритетов. Утилитаристы-универсалисты тем не менее указывают, что поскольку мигранты нуждаются сильнее, чем те коренные жители, которых они лишают социальных благ, то всеобщее благосостояние все равно повысится. Однако их оппоненты остаются при убеждении в том, что, поскольку мигрантам и без того повезло резко увеличить свои личные доходы, то нет никаких оснований для того, чтобы передавать в их распоряжение непропорционально большую долю социального жилья.

Принцип равного внимания к мигрантам и коренным жителям можно применять как к группам, так и к индивидуумам. Если определенной доле коренного населения обеспечен нормированный доступ к социальному жилью, то согласно принципу равного внимания к группам мигрантам должна быть выделена такая же доля жилья, вне зависимости от личных свойств претендентов. И в некоторых местах действительно сложилась такая практика. Импульсом к ней отчасти послужило чувство справедливости в понимании местного коренного населения, а отчасти — практическая потребность в интеграции.

Принцип группового равноправия можно оспорить с этической точки зрения: для того чтобы каждый отдельный иммигрант не был человеком второго сорта, он должен иметь точно те же права, какие есть у всех коренных жителей. Если мигранты нуждаются сильнее, чем коренное население, то критерий потребности действительно должен обеспечить им расширенный доступ к социальному жилью, имеющемуся в ограниченном количестве. Однако аргументация о недопустимости второсортности сама по себе уязвима при ее применении на индивидуальном уровне. Как указывалось в главе 3, предоставление таких общественных благ, как социальное жилье, обеспечивается посредством бесчисленного множества игр, основанных на сотрудничестве. Хотя гражданство — понятие юридическое, нравственную силу ему придает соблюдение условия о взаимном внимании. Гражданство не сводится ни к праву на получение благ от государства, ни к обязательству уважать закон: в первую очередь человека делает гражданином определенное отношение к другим людям. Для того чтобы продолжалось предоставление общественных благ, необходимо, чтобы мигранты и коренное население относились друг к другу с тем же взаимным вниманием, с которым относятся друг к другу коренные жители. Если сохранение культурной обособленности понимается как личное право, несмотря на его потенциальную угрозу для предоставления общественных благ, то мы получим конфликт между этим правом на своеобразие и личным правом на социальное жилье, предоставление которого возможно благодаря местной культуре. Оказывается, что вопрос о том, можно ли считать этот принцип групповых прав разумным с этической точки зрения, весьма немаловажен, и мы еще вернемся к нему в главе 6.

Помимо конкуренции за социальное жилье, мигранты, вставая на ноги, вступают в конкуренцию и на рынке частного жилья, которая ведет к росту цен и арендной платы. Согласно недавней оценке, сделанной для Великобритании Бюро бюджетной ответственности, цены на жилье из-за миграции выросли примерно на 10%. Опять же, этот эффект выглядит более значительным, чем влияние миграции на заработную плату. Поскольку непропорционально большую долю владельцев жилья составляют пожилые и богатые люди, то повышение цен на жилье вследствие миграции подразумевает серьезный рост нагрузки на менее обеспеченные слои. Более того, вследствие высокой географической концентрации мигрантов одни регионы будут затронуты гораздо сильнее, чем другие. Вызванный миграцией рост цен на жилье, почти не ощутимый на большей части страны, выливается в очень серьезное удорожание жилья в Лондоне, на юго-востоке страны и в некоторых других кластерах массовой иммиграции, давая 10-процентный прирост цен в масштабах страны. Любопытно, что этот резкий разрыв в ценах на жилье между севером и югом затрудняет переезд из других регионов Великобритании на юго-восток. Иммиграция повышает возможности фирм из развивающихся регионов по найму служащих, но в то же время непреднамеренно снижает внутреннюю мобильность местной рабочей силы. Так возникает еще один механизм, снижающий благосостояние коренного населения: оно лишается возможности переходить на более высокооплачиваемые должности в развивающихся регионах.

Если миграция в целом производит такое экономическое воздействие на коренное население, то в таком случае действительно непросто понять, по-

чему экономисты в большинстве своем оценивают миграцию весьма положительно. Возможно, мы упускаем из виду какие-то важные моменты? Сейчас мы рассмотрим некоторые из этих моментов — включая выдвигавшиеся другими авторами, а также такие, которым, на мой взгляд, до сих пор уделялось незаслуженно мало внимания.

Исключительность иммигрантов и ее последствия

Миграцию нередко оправдывают аргументом о том, что ее положительное воздействие сказывается лишь в долгосрочном плане. Речь идет о том, что мигранты проявляют непропорционально большую изобретательность или по крайней мере в достаточной степени отличаются от местного населения для того, чтобы нестандартно мыслить, — и потому их прибытие ускоряет общий темп инноваций. При этом часто ссылаются на тот факт, что в США на долю иммигрантов и их детей приходится непропорционально большая доля запатентованных изобретений. Короче говоря, иммигранты — в большинстве своем люди исключительные. Это важный аргумент: благодаря иммиграции инновативных людей темпы развития могут возрасти в непропорционально большой степени по отношению к числу иммигрантов. Однако за американским опытом может стоять не столько исключительная природа мигрантов вообще, сколько исключительная природа самой Америки как магнита для предпринимателей-новаторов. Более того, если в мигранты сами собой отбираются люди исключительные, то выигрыш, получаемый богатыми странами, компенсируется потерями, которые несут бедные стра-

ны — источники иммиграции. Перекачка талантов из бедных стран в богатые не обязательно должна служить причиной для глобального ликования. Наконец, отметим, что даже если мигрантам присуща непропорционально высокая инновативность, дело может быть не в том, что инновативные люди более склонны к миграции, а в том, что сам опыт иммиграции делает людей более инновативными. Например, некоторые факты говорят о том, что билингвизм положительно сказывается на мыслительных способностях³.

Долгосрочное влияние миграции на экономический рост измерить сложно. Сама по себе иммигрантская исключительность, похоже, сохраняется лишь в среднесрочном плане: с течением времени потомки мигрантов смешиваются с окружающим населением. Таким образом, одним очевидным долгосрочным эффектом миграции является рост населения. При высоком уровне доходов не существует практически никакой связи между численностью населения страны и ее доходом, поэтому нам так или иначе не стоит ожидать серьезного долгосрочного влияния миграции на экономику. Люксембург, Сингапур, Норвегия и Дания, имея небольшое население, входят в число мировых лидеров по объему дохода на душу населения. Таким образом, полезно ли большое население для страны или вредно, зависит в первую очередь от соотношения между численностью ее населения и площадью территории, пригодной для использования в экономике. В число явно недонаселенных стран входит Австралия: всего 30 миллионов человек на целый материк. Макс Корден, выдающийся австралийский экономист, убедительно доказывает, что Австралии по-

3. Grosjean (2011).

шел бы на пользу значительный прирост населения⁴. На другом конце спектра находятся Англия и Нидерланды — самые густонаселенные страны в Европе и одни из самых густонаселенных в мире. При такой высокой плотности населения открытые пространства становятся здесь редкостью. По мере роста населения они не только более интенсивно используются, но и сокращаются вследствие роста потребности в жилье и инфраструктуре, и потому значительная чистая миграция вряд ли способна принести этим странам долгосрочную чистую прибыль и в конечном счете не сможет продолжаться неограниченно долго⁵.

Присущая иммигрантам склонность добиваться успеха в среднесрочном плане способствует экономическому росту и потому выгодна для коренного населения. Но, как и в случае с миграцией вообще даже непропорционально большие успехи мигрантов при достижении некоего предела способны превратиться в проблему. Успехи иммигрантов могут деморализовать наименее преуспевающие слои коренного населения, вместо того чтобы вдохновлять их. В Америке дети иммигрантов в среднем лучше образованны и больше зарабатывают, чем дети коренного населения⁶. В Великобритании хронической социальной проблемой является отсутствие устремлений у детей из рабочих семей — черта, полностью противоположная свойственной иммигрантам нацеленности на успех. Как первая, так и вторая наклонность сплошь и рядом оказываются самоисполняющимися. Десятилетия разрушенных надежд привели к тому, что среди низших слоев

4. Corden (2003).

5. Nickell (2009).

6. Card (2005).

коренных британцев возобладали фатализм: не пытайтесь ничего изменить — и вы избежите разочарования. Сравнение с преуспевающими мигрантами лишь укрепляет уверенность в неизбежности провала. Даже те дети иммигрантов, у которых в семье говорят не по-английски, сейчас показывают более высокие результаты, чем дети из нижней половины коренного рабочего класса. Деморализацию может усугублять конкуренция: те дети рабочих, которые сопротивляются давлению со стороны общества, ожидающего, что и они станут неудачниками, по сути состязаются за пространство на эскалаторах — роль которых выполняют колледжи и программы профессиональной подготовки — с детьми мигрантов, стремящихся к успеху. Более того, проблемы, встающие перед детьми иммигрантов — незнание языка и дискриминация, — являются конкретными и могут быть решены посредством достаточно активной политики; собственно говоря, они уже решаются. Однако при этом возникает опасность пренебрежения более расплывчатой и сложной проблемой отсутствия стремлений у некоторых слоев коренного населения.

Гиперуспехи мигрантов могут вызывать проблемы даже в той среде, где успех — дело обычное. Восточноазиатские «матери-тигрицы» прославились тем, что добиваются от своих детей выдающихся достижений. Методы, которые при этом используются, носят неоднозначный характер — есть мнение, что в жертву успехам приносятся нормальные детские радости: игры и фантазии. Поэтому иммиграция выходцев из Восточной Азии в общество, практикующее менее эффективные методы воспитания, вполне предсказуемо приведет к тому, что самые лакомые места в учебных заведениях достанутся данному слою иммигрантов. Например,

в Сиднее, главном городе Австралии, школа, традиционно считавшаяся лучшей в городе, сейчас примерно на 90% заполнена детьми из восточноазиатских семей. Азиатские дети составляют около 70% учащихся в лучших государственных школах Нью-Йорка — таких, как *Stuyvesant* и *Bronx Science*. Умные дети из числа коренного населения вытесняются из этих школ. Разумеется, подрастающее поколение австралийцев и американцев, скорее всего, окажется умнее, чем оно стало бы при отсутствии этой конкуренции со стороны энергичных иммигрантов. В некотором важном смысле австралийцы и американцы в целом выиграют от этой демонстрации талантов. Тем не менее мы также вправе отметить, что «сверкающие призы» успеха достанутся меньшему числу детей из коренных семей. Что ждет для себя коренное население в этой ситуации: чистую прибыль или чистый убыток, — в принципе вопрос открытый. Можно отметить такой малоизвестный факт, что многие североамериканские университеты де-факто вводят у себя квоты на прием восточных азиатов. Некоторые британские частные школы судя по всему прибегают к расовой дискриминации противоположного характера: между ними идет такая серьезная конкуренция за рейтинг, зависящий от выпускных оценок, что брать на обучение непропорционально большую долю восточноазиатских учеников становится заманчиво легким путем к успеху. Децентрализованная скрытая дискриминация со стороны университетов и школ, несомненно, неэтична, хотя она представляет собой естественный ответ на пробелы в государственной политике. В свою очередь, эти пробелы являются следствием табу на публичное обсуждение вопроса.

Тот же самый процесс происходит и в Канаде, но в более серьезных масштабах, а масштаб здесь

имеет значение. Восточные азиаты сейчас занимают около половины мест в канадских университетах по таким предметам, как право. Таким образом, вполне вероятно, что в следующем поколении около половины канадских судей будет иметь восточноазиатское происхождение. Станет ли такой состав судейского корпуса проблемой для местного населения, зависит от того, насколько хорошо восточные азиаты интегрированы в канадское общество. С одной стороны, вполне возможно, что восточные азиаты просто станут канадцами: и то, что половина судей в Канаде окажется выходцами из Восточной Азии, будет столь же несущественно, как если бы половина из них была левшами. Но с другой стороны, можно предположить, что в условиях активно насаждаемого мультикультурализма восточные азиаты превратятся в замкнутую, сплоченную общину, практикующую эндогамные браки и обладающую своей собственной культурой со своеобразными ценностями и убеждениями. В таком случае у коренного населения будут вполне понятные основания для беспокойства по поводу того, что такая большая доля судебных дел разбирается людьми, сохраняющими иную культуру.

Еще один аспект, в котором проявляется исключительность иммигрантов, — это их активы. В то время как большинство мигрантов из бедных стран изначально обладают меньшими активами по сравнению с коренным населением и потому конкурируют с ним за социальное жилье, капитал становится одним из критериев для выдачи въездных виз. В результате распределение средств среди мигрантов приобретает двойной перекося: среди них не только больше бедных, чем среди коренного населения, но и больше богатых. Популярный довод,

которым обосновывается политика выдачи виз богатым людям, сводится к тому, что привезенный ими дополнительный капитал даст прирост производительности и заработной платы. Экономистам следует скептически относиться к этому аргументу. Капитал свободно перетекает из одной богатой страны в другую, и потому дополнительный капитал, привезенный мигрантами, с большой вероятностью будет компенсирован оттоком, восстанавливающим равновесие на финансовых рынках. Но поскольку непосредственный приток капитала вполне очевиден, в то время как компенсирующий отток скрыт от глаз общественности, политики все шире используют богатство как критерий допуска в страну. Однако прибытие состоятельных иммигрантов сказывается на жилищном рынке: богатые люди покупают дорогую собственность. Например, в Лондоне около 70% элитного жилья сейчас куплено мигрантами. Это может отразиться на обществе. Фред Хирш выдвинул концепцию «позиционных благ»: это такие блага, которые наделяют их обладателей социальным престижем, но имеются в ограниченном количестве⁷. Он был обеспокоен тем, что рост процветания порождает разочарование у тех людей, которые не могут себе позволить приобретение подобных благ, несмотря на рост доходов. Если Хирш прав, то на первый взгляд полезное для страны, хотя и унизительно звучащее заявление о намерении отобрать у других стран их богачей может оказаться весьма спорным шагом.

В то время как иммиграция сверхбогачей, возможно, не столь желательна, как многие думают, антииммиграционное лобби старается сыграть на другом аспекте, наделяющем иммигрантов исклю-

7. Hirsch (1977).

чительностью, — на их преступных наклонностях. Данные о преступности среди мигрантов страдают поразительной неполнотой, однако их приближенной заменой может служить доля иностранцев среди заключенных. По всей Европе в силу разных причин иностранцы, как правило, составляют непропорционально большую часть населения тюрем. Весьма типична в этом отношении Франция, где на долю иностранцев приходится около 6% общего населения страны и 21% заключенных. За пределами Европы эта тенденция проявляется не повсеместно: в США мигранты отличаются значительно более *низким* уровнем преступности по сравнению с коренным населением. Я обсуждал эту ситуацию с руководителем исследовательского подразделения британского Министерства внутренних дел, и мы пришли к выводу о том, что такой результат, по-видимому, обусловлен четырьмя факторами. Первый из них — та культура, которую мигранты привозят с собой из своего родного общества⁸. Профессор Сэмпсон, социолог из Гарварда, объясняет пониженную преступность мигрантов в США рядом характерных социальных черт мексиканцев. Он сравнивает их крепкие семейные структуры, трудовую этику и религиозность, снижающие склонность к преступлениям, с американской культурой 1950-х годов. Поскольку разные группы иммигрантов резко различаются своей культурой, это влияние определяется не масштабами миграции, а ее структурой. Вторым фактором являются законные возможности, имеющиеся у мигрантов в принимающей их стране. Если они не обладают особыми навыками и сталкиваются с дискриминацией на рынке труда, то с большей вероятностью выбе-

8. Sampson (2008).

рут преступный образ жизни. Таким образом, создаст ли этот фактор прочную связь между миграцией и преступностью, зависит как от состава мигрантов с точки зрения их квалификации, так и от политики на рынке труда. Третий фактор носит демографический характер: большинство преступлений совершается молодыми лицами мужского пола, и потому если политика властей в первую очередь благоприятствует иммиграции молодых мужчин, то мигранты составят непропорционально большую долю заключенных. Четвертым фактором служат социальные связи с другими членами общества. В силу антисоциальности преступного образа жизни его легче примирить с самоуважением: чем слабее связи с потенциальными жертвами, тем ниже уровень взаимного внимания.

Если сложить воздействие миграции на доходы коренного населения применительно к различным временным горизонтам, то мы получим, что краткосрочное воздействие миграции будет разным в зависимости от того, кем вы являетесь. По-видимому, вполне разумным будет предположение, что на нижних ступенях лестницы дохода коренные трудящиеся сталкиваются с некоторым снижением заработной платы, уменьшением мобильности и довольно значительным сокращением доступа к социальному жилью, однако большинство трудящихся оказываются в выигрыше. В среднесрочном плане присущая иммигрантам склонность добиваться успеха ведет к росту доходов, но может лишить коренное население сверкающих призов. В долгосрочном плане любое экономическое влияние иммиграции будет ничтожным. Единственным очевидным долгосрочным результатом миграции является сокращение открытого пространства, приходящегося на одного человека.

Стоит ли заменять иммигрантами стареющее население

Широкое распространение — особенно в Европе — получил и такой аргумент в пользу миграции, как демографический⁹. Существует идея о том, что «Иммигранты нужны нам, потому что мы стареем». Некоторые общества в результате крайне некомпетентной социальной политики получили неблагоприятный демографический профиль коренного населения. Одним из наиболее вопиющих примеров служит Россия, где постсоветская катастрофа, связанная с неудачно проведенным экономическим переходом, привела к резкому снижению рождаемости и росту смертности. Население России сокращалось и только сейчас начинает восстанавливать прежнюю численность. Следствием этих процессов станет фаза, в течение которой уровень иждивенчества — число иждивенцев, приходящихся на одного человека трудоспособного возраста, — весьма резко вырастет. Для устранения этого дисбаланса Россия может прибегнуть к такому способу, как поощрение иммиграции трудящихся молодого возраста. Такая же проблема, хотя и в менее драматической форме, стоит в Италии и Китае. Прибытие иммигрантов на постоянное место жительства представляет собой довольно решительный способ исправить временный демографический дисбаланс. Существуют и альтернативные варианты — такие как эмиграция части пожилых людей: например, многие норвежские пенсионеры сейчас переселяются в Южную Европу. Кроме того, общество может потратить часть своих активов — так же, как делают люди, вышед-

9. Goldin et al. (2011).

шие на пенсию. За счет такой траты общество сможет импортировать больше товаров, чем оно экспортировало. В свою очередь, это освободит трудящихся, которые вместо участия в производстве смогут обслуживать потребности пожилых людей. Подобное расходование активов вполне посильно для России, имеющей огромные валютные резервы и колоссальные запасы природных ресурсов.

Однако один лишь тот факт, что общество стареет, — еще не причина для привлечения лишних рабочих рук. Одним из самых вдохновляющих результатов взаимодействия между наукой и публичной политикой является быстрое повышение глобальной ожидаемой продолжительности жизни — примерно на два года за каждое десятилетие. Моя ожидаемая продолжительность жизни примерно на восемь лет превышает ожидаемую продолжительность жизни моего отца, родившегося на сорок лет раньше меня. Вследствие присущей СМИ тенденции к пессимизму они порой усматривают в этом какую-то проблему: нас якобы ожидает засилье дряхлых стариков. Но в реальности срок активной жизни увеличивается почти так же быстро, как и общий срок жизни. Единственная причина, по которой старение населения может создать проблему, связана с политическими промахами. Устанавливая пенсионный возраст и размер пенсии (в большинстве своем это происходило в середине XX века), политики бездумно называли конкретную цифру — скажем, шестьдесят пять или шестьдесят лет, — вместо того чтобы привязывать пенсионный возраст к средней ожидаемой продолжительности жизни. За каждые десять лет к ожидаемой продолжительности жизни прибавляются еще два года, вследствие чего период жизни на пенсии по умолчанию удлиняется. В результате те редкие случаи, когда политики собираются с ду-

хом и пытаются поднять пенсионный возраст с целью компенсировать прирост ожидаемой продолжительности жизни, вызывают у разочарованного населения приступы ярости. При столь стремительном росте ожидаемой продолжительности жизни мы не можем себе позволить сохранять прежние сроки выхода на пенсию. По мере того как общество становится богаче, оно может постепенно снизить пенсионный возраст по отношению к ожидаемой продолжительности жизни, однако этот возраст не следует привязывать к какой-то конкретной цифре.

Но почему бы не исправить эти промахи, допущенные властями при установлении пенсионного возраста, привлечением молодых иммигрантов? Потому что такой стратегии хватит ненадолго. Наплыв мигрантов трудоспособного возраста обеспечивает обществу лишь временный прирост налоговых сборов, в то время как ожидаемая продолжительность жизни по-прежнему возрастает. Экономисты предлагают недвусмысленный способ борьбы с преходящим характером прироста доходов: их следует приберечь. Например, правительство могло бы использовать временное увеличение поступлений, обеспеченное прибытием молодых мигрантов, для сокращения государственной задолженности. Что ему категорически не следует делать, так это принимать на себя новые постоянные обязательства по части расходов — таких как выплата пенсий. Однако именно к этому сводится аргумент о том, что «Нам нужны иммигранты, чтобы компенсировать старение населения».

Более того, демографическая аргументация предполагает, что мигранты снижают численность иждивенцев по отношению к трудящимся: будучи молодыми, они входят в состав рабочей силы и потому уравнивают рост числа коренных жителей

пенсионного возраста. Но у трудящихся мигрантов тоже есть дети и родители. Одним из показателей, резко отделяющих бедные общества от богатых, служит желательное количество детей в семье: как правило, мигранты из бедных обществ, еще не усвоившие норм богатого общества, заводят непропорционально много детей. Привозят ли мигранты своих родителей-иждивенцев в принимающую их страну, зависит главным образом от миграционной политики в этой стране. В Великобритании к 1997 году стремление мигрантов из бедных стран привозить с собой родственников-иждивенцев приняло такие масштабы, что доля работающих мигрантов сократилась до 12%. Учитывая детей и родителей, мы никак не можем допустить, что мигранты хотя бы временно снижают уровень иждивенчества. В ряде недавних статей датского профессора экономики Торбена Андерсена исследуется возможное влияние иммиграции на устойчивость щедрой системы социального обеспечения скандинавского типа. Андерсен приходит к выводу о том, что миграция не только не помогает сохранять такую систему, но и может ее подорвать из-за сочетания роста уровня иждивенчества и невысокой квалификации мигрантов¹⁰.

Могут ли иммигранты восполнить нехватку квалифицированного труда

Другая потенциальная польза иммиграции заключается в восполнении нехватки квалифицированного труда. Время от времени случается так, что коренного населения не хватает для заполнения отдельных профессиональных ниш, и эта проблема

10. Andersen (2012).

быстрее всего решается с помощью выборочного привлечения иммигрантов. В 1990-е годы немецкие власти обнаружили, что в стране сложилась нехватка специалистов в сфере информационных технологий, и попытались исправить ситуацию путем поощрения временной иммиграции квалифицированных жителей азиатских стран. В 1950-е годы французы столкнулись с нехваткой строительных рабочих и приглашали их из Северной Африки. В 1970-е годы Великобритания, испытывавшая нехватку медсестер, набирала их в странах Британского Содружества наций. В течение длительного времени Британская медицинская ассоциация, фактически представлявшая собой профсоюз британских врачей, стремилась ограничивать их численность (официально с целью сохранения высоких стандартов профессии, но в реальности, вероятно, стремясь создать дефицит, который оправдывал бы высокую стоимость медицинских услуг). В результате британские врачи входят в число наиболее высокооплачиваемых в Европе. В ответ британская служба здравоохранения стала брать на работу врачей-иммигрантов. Ни одно общество не способно предвидеть, какие специалисты ему потребуются. Однако, как свидетельствует случай с британскими врачами, предохранительный клапан иммиграции в долгосрочном плане может ослабить стимул к тому, чтобы обратиться к скрытым корням проблемы, лежащим в сфере профессиональной подготовки.

Насколько мне известно, не существует никаких внятных исследований, посвященных влиянию иммиграции на подготовку местной рабочей силы. Вспомним, что в Европе коренные трудящиеся выигрывают от наличия квалифицированных иммигрантов: неквалифицированное местное население может работать рядом с квалифицированными им-

мигрантами. Но если такая ситуация приносит непосредственную выгоду неквалифицированным местным жителям, то косвенно она может наносить им ущерб. Подготовка молодых квалифицированных кадров опирается на готовность фирм вкладывать средства в их обучение. Поскольку оно является весьма затратным, а подготовленные специалисты могут перейти к другим работодателям, то наиболее выгодным для каждой отдельной фирмы будет переманивать тех, кто уже получил подготовку за счет других фирм. Но так как подобное переманивание — это игра с нулевой суммой, то отраслевые ассоциации иногда пытаются организовать общую подготовку квалифицированных работников, регулируя участие в ней мерами социального давления. Все фирмы в отрасли смиряются с необходимостью вносить свою лепту в профессиональную подготовку. Однако любые результаты, зависящие от сотрудничества, в потенциале весьма непрочны. Любое потрясение способно разрушить налаженный механизм. Таким потрясением может стать наплыв квалифицированных иммигрантов, дестабилизирующий отраслевую систему подготовки. В ситуации подобного наплыва наем работников, уже имеющих квалификацию, временно перестает быть игрой с нулевой суммой, потому что их не нужно переманивать у других фирм. Даже если программа подготовки потерпит крах, фирмы в совокупности все равно могут оказаться в плюсе, потому что они получили квалифицированных работников, не тратясь на их обучение. Но молодое коренное население проигрывает, потому что фирмы больше не желают вкладывать средства в его подготовку.

Никто не выяснял возможную эмпирическую значимость этого эффекта, но не исключено, что от него пострадала Великобритания. Здесь разру-

шилась система профессиональной подготовки, производившейся силами фирм: особенно заметным был отказ от многих разновидностей стажировки. Этот кризис профессионального обучения в целом совпал с ростом иммиграции: в ее пиковые годы 80% новых рабочих мест заполнялись иммигрантами, но было ли это причиной кризиса, его следствием или случайным совпадением — вопрос открытый. Так или иначе, утраченные отраслевые системы стажировки с трудом поддаются восстановлению из-за высоких издержек координации.

То, что хорошо для бизнеса, не обязательно хорошо для коренного населения. В краткосрочном плане бизнес заинтересован в политике открытых дверей: ему дешевле нанимать мигрантов, уже имеющих квалификацию, чем обучать местную молодежь, а чем шире открыта дверь, тем больше наплыв талантов. Напротив, коренное население заинтересовано в том, чтобы заставить фирмы, стремящиеся извлечь выгоду из социальной модели страны, вести профессиональную подготовку местной молодежи и нанимать местную рабочую силу. О том, что подобная политика не обязательно изгоняет бизнес из страны, свидетельствует пример Германии. Однако несовпадение интересов бизнеса с интересами граждан должно вызывать у людей скептическое отношение к заявлениям деловых кругов в сфере миграционной политики. Едва ли не еженедельно я вижу в газетах письма за подписью тех или иных корпоративных менеджеров, яростно выступающих против ограничений на миграцию. Если они нуждаются в квалифицированных работниках, то почему же не занимаются их подготовкой? Их громогласные заявления представляют собой лишь смягченный вариант высокомерного «То, что хорошо для *General Motors*, хорошо и для страны».

Вызывает ли иммиграция эмиграцию

Британская политика в сфере миграции в настоящее время формулируется в смысле нетто-перемещений людей: ее итоги оцениваются как разница между иммиграцией и эмиграцией. С точки зрения некоторых долгосрочных целей это правильный подход. Если задача состоит в том, чтобы сохранять количество открытого пространства на душу населения, то *нетто*-миграцию следует свести к уровню, более-менее соответствующему нулевому — в зависимости от уровня рождаемости. Но в других случаях эмиграцию и иммиграцию необходимо рассматривать по отдельности. В большинстве богатых стран эмиграция как таковая не составляет предмета заботы для политиков. Однако в последнее время появились факты, свидетельствующие о том, что эмиграция из европейских стран весьма невыгодна для остающегося населения¹¹. Эмигранты обычно имеют более высокую квалификацию, чем население в целом, и их привлекают такие страны с высокими зарплатами и быстрорастущей экономикой, как США и Австралия. Есть ли какие-либо основания для того, чтобы считать, что иммиграция ускоряет эмиграцию?

В стандартной упрощенной экономической модели миграции система баллов, на основе которой определяется, кто именно имеет право на миграцию, создает прямую связь между иммиграцией и эмиграцией. Напомним, что типичной чертой системы баллов являются привилегии, обеспечиваемые родственными связями с диаспорой. Соответ-

11. Docquier et al. (2010).

ственно, глобальная миграция прежних эпох существенно облегчает европейцам доступ в США, Канаду, Австралию и Новую Зеландию по сравнению с гражданами бедных стран. Чтобы понять, как работает эта система, представим себе мир, состоящий всего из трех стран. С тем чтобы в них было легче разобраться, я дам им названия реально существующих стран, но это сделано чисто для удобства: вся рассматриваемая ситуация не имеет никакого отношения к действительности. Страны А (Австралия) и Б (Бельгия) — идентичные друг другу экономики с высоким уровнем зарплаты, в то время как страна В (Вьетнам) — экономика с низкими заработками. Австралия разрешает миграцию бельгийских граждан, но только не граждан из Вьетнама. Затем Бельгия начинает проводить политику открытых дверей для граждан Вьетнама. В результате граждане Вьетнама перебираются в Бельгию, что приводит к небольшому снижению зарплаток в этой стране. Его недостаточно для того, чтобы предотвратить дальнейшую миграцию из Вьетнама: она по-прежнему сулит огромные выгоды. Но теперь у бельгийских граждан появляется экономический стимул к миграции в Австралию. Механизмом, в этой простой модели вызывающим эмиграцию из Бельгии, служит сокращение заработной платы, которое, как мы знаем, не сопровождается в сколько-нибудь заметной степени реальной миграцией. Однако, то, что не сокращаются заработки, не означает, что не снижается уровень жизни. Например, по мере роста городского населения повышение зарплаток компенсируется усиливающейся скученностью. Более половины нынешнего населения Лондона — иммигранты, однако сейчас в Лондоне живет столько же людей, сколько жило в 1950-е годы, когда в подавляющем большинстве его населяли коренные бри-

танцы. Вряд ли в отсутствие миграции население Лондона сократилось бы вдвое, и потому единственное разумное объяснение состоит в том, что иммиграция выдавливает коренное население из Лондона. Почему эти люди уезжают? Многие из них просто переселились во внешние пригороды¹². Однако и в Великобритании, и в Нидерландах в настоящее время наблюдается активная эмиграция, совпадающая с активной иммиграцией. Существует ли причинно-следственная связь между двумя этими явлениями, никем не выяснялось.

Механизмом, посредством которого иммиграция вызывает эмиграцию коренного населения, может служить экономический цикл бумов и спадов. Международные потоки капитала и труда усиливают бумы, и потому непреднамеренно усиливают и последующие спады. В 1990-х годах приток капитала в Восточную Азию привел к спаду 1998 года — восточноазиатскому кризису. Аналогичным образом, политика содействия миграции усилила бумы 1997–2007 годов в США, Ирландии, Великобритании и Испании. В тот момент такие политики, как Гордон Браун, утверждали, что они покончили с циклами бумов и спадов. В реальности же они только усугубили эти циклы, увеличив продолжительность бумов: благодаря иммиграции чрезмерные расходы в государственной и частной сфере не так быстро приводили к инфляции, которая прежде вынуждала власти принимать меры к обузданию бумов. Итогом стал грандиозный спад 2008 года. Иммиграция не является причиной чередования бумов и спадов, но, как и в случае международных потоков капитала, она усиливает эти циклы,

12. См. анализ, опирающийся на данные британской переписи 2012 года, в: Goodhart (2013).

тем самым углубляя спад. В период спада наем новых работников прекращается, следствием чего становится очень высокий уровень безработицы среди молодых людей, выходящих на рынок труда. Например, в Испании безработица среди молодежи сейчас составляет около 50%. Невозможно создать такой механизм, который бы вынуждал занятых мигрантов отдавать свои рабочие места новым трудящимся из числа коренного населения. В условиях безработицы местная молодежь может принять вполне разумное решение об эмиграции. Захотят ли оставшиеся без работы иммигранты вернуться в свою родную страну, определяется разрывом в доходах между ней и принимающей их страной, а также степенью легкости перемещения. Большинство находящихся в Испании иммигрантов прибыли из Африки, где доходы были намного ниже, а въезд в Испанию нередко оказывался достаточно трудным для того, чтобы желание вернуться домой стало непреодолимым. Поэтому даже несколько лет жизни в Испании без работы может выглядеть более привлекательным вариантом, чем возвращение на родину. Напротив, большинство иммигрантов, въехавших в Ирландию в годы бума, имело восточноевропейское происхождение. Разрыв в доходах был в данном случае меньше, а сама миграция — более простым делом, и поэтому во время ирландского спада многие мигранты вернулись домой, облегчив адаптацию трудового рынка к новым условиям. Тем не менее в 2011 году в Ирландии наблюдался самый высокий уровень эмиграции коренного населения с XIX века. В Португалии спад настолько обострил проблему занятости местной молодежи, что правительство стало официально оказывать активное содействие эмиграции. Иммиграция в годы бума

непредумышленно вызвала эмиграцию коренного населения в годы спада.

Но даже если миграция действительно приводит к эмиграции, имеет ли это значение? С точки зрения любой индивидуалистической позиции, как утилитарной, так и либертарианской, подобное добровольное переселение коренного населения не представляет собой никакой проблемы. В самом деле, если в результате иммиграции дорожает жилье, принадлежащее британским гражданам, и это позволяет им переезжать в Испанию, то в выигрыше будут все. Самым оптимальным решением стало бы устранение всех препятствий к иммиграции, а вторым по оптимальности — учет национальных различий, позволяющий расселить людей по земному шару в соответствии с имеющимся у них легальным доступом к высокооплачиваемым рабочим местам. Если от такого вывода вам становится неуютно, то, вероятно, дело в том, что вы усматриваете некую ценность в концепции нации, относясь к ней не просто как к механизму предоставления возможностей для каждого отдельного индивидуума. Если не считать вышеупомянутых экономических последствий эмиграции, она не существенна в той мере, в которой не приводит к принципиальному изменению состава населения. Но если связь между иммиграцией и эмиграцией станет мощной вращающейся дверью, трансформирующей население, то она, несомненно, вызовет всеобщую озабоченность. Если Чад покинут все жители, это станет глобальной культурной утратой, так же, как если бы все исландцы перебрались в Норвегию, а Исландию заселили бы китайцы. К вопросу о том, почему в рамках разумных этических представлений это можно было бы небезосновательно рассматривать как потерю, мы вернемся в части 5.

Гастарбайтерская экономика

Итак, мы рассмотрели ряд различных экономических последствий миграции. Представления о том, что иммиграция снижает заработки местного населения и что она является экономической необходимостью, неверны. Истина состоит в том, что экономическое воздействие умеренной миграции на коренное население в кратко- и среднесрочном плане носит маргинальный характер и, вероятнее всего, в целом дает скромный положительный итог. Любые долгосрочные эффекты миграции незначительны. Напротив, устойчивая ускоренная миграция, скорее всего, снизит уровень жизни у большей части коренного населения, как воздействуя на заработную плату, так и вызывая необходимость делиться дефицитным общественным капиталом. Таким образом, контроль над миграцией важен для защиты уровня жизни, а умеренная миграция дает скромную выгоду. Однако если общество по примеру японцев хочет остаться однородным, то оно может себе позволить не открывать своих дверей мигрантам, так как экономические издержки такого решения будут достаточно небольшими. В конце концов, та же Япония и без всякой миграции остается одним из богатейших обществ мира. Иными словами, факты говорят о том, что экономические соображения — не слишком значимый критерий при выборе иммиграционной политики.

Но какими же критериями нам руководствоваться, если не экономическими? Очевидно, источником более неопределенных, потенциально неблагоприятных последствий в плане экономического благополучия может стать социальное воздействие миграции, разбиравшееся в главе 3. Суще-

ствуется один-единственный способ, позволяющий устранить практически все социальные последствия миграции, оставив только ее экономические последствия: следует предотвратить какую-либо интеграцию иммигрантов в общество иначе, чем в качестве рабочих, или, как говорят немцы, «гастарбайтеров», то есть «гостей-рабочих». Подлинная программа привлечения гастарбайтеров обеспечивает доступ к рынку зарубежной рабочей силы, и этим дело ограничивается.

Некоторые общества, в первую очередь ближневосточные, осуществляют весьма масштабные гастарбайтерские программы. Поскольку эти общества невелики и богаты, то выгоды такой миграционной политики для коренного населения весьма значительны: работают за него другие, а состав общества при этом не изменяется. Благодаря такой модели Дубай превратился в экономику, основанную на предоставлении дорогих услуг: в настоящее время нефть дает лишь 2% его доходов. На иммигрантов приходится невероятно высокая доля населения Дубая: 95%. Можно подумать, что ни одно общество в мире не выдержит такого наплыва чужаков, но в Дубае иммигранты даже в таком количестве не представляют угрозы, потому что они не могут получить ни местного гражданства, ни даже хотя бы права на постоянное проживание. Пребывание гастарбайтеров в эмирате обусловлено наличием у них трудового контракта и их поведением. Их заработок никак не связан с уровнем заработной платы, установленным для граждан эмирата, и отражает всего лишь сложившуюся на глобальных рынках цену на рабочую силу данной квалификации. Визит в Дубай служит жестким и неуютным напоминанием о глобальном неравенстве именно потому, что местная модель

бизнеса задумана так, чтобы привлекать в страну и крайнее богатство, и крайнюю бедность. Сверхбогатые живут здесь в роскошных отелях, а сверхбедные приезжают, чтобы работать в этих отелях. Однако несмотря на то, что Дубай эксплуатирует возможности, созданные глобальным неравенством, не он породил это неравенство. Напротив, Дубай помогает бедным, обеспечивая их работой.

В сущности, восторженное отношение экономистов к миграции — это восторженное отношение к гастарбайтерской модели. Как правило, гастарбайтерские программы получают со стороны экономистов неявную поддержку, выражающуюся в игнорировании всех прочих последствий миграции. Однако профессор Алан Уинтерс, выдающийся экономист, специализирующийся на миграции, проявил достаточно интеллектуальной отваги для того, чтобы открыто защищать гастарбайтерскую модель. Конкретно он предлагает, чтобы все страны с высоким уровнем зарплат поощряли массовую временную иммиграцию неквалифицированных трудящихся из бедных стран¹³. В экономическом плане мы вряд ли найдем в этом рецепте хоть один изъян: он, несомненно, даст глобальную экономическую выгоду и пойдет на пользу почти всем, кто будет вовлечен в его выполнение. Мы сможем воссоздать мир господ и слуг: в мансарде у каждого домохозяев, принадлежащих к среднему классу, поселится угодливая горничная из нижнего миллиарда. Тем не менее это предложение неосуществимо по этическим причинам. Замкнутые, авторитарные общества Персидского залива способны недрогнувшей рукой проводить резкую грань между правами коренного населения и правами иммигрантов. Для

13. Walmsley et al. (2005).

них не составляет труда и принудительная депортация иммигрантов, у которых завершился срок действия трудового контракта. Однако открытым, либеральным обществам Запада такая политика недоступна. Иммигрантов, уже прибывших в страну, депортировать чрезвычайно сложно: собственно, за исключением США, «сложно» следует понимать как «невозможно». В США администрация Обамы регулярно депортирует из страны порядка 400 тыс. человек в год. Напротив, в Европе случаи депортации редки, сопряжены с длительными юридическими процедурами и вызывают к себе неоднозначное отношение. Даже первые гастарбайтеры, прибывшие из Турции в Германию в 1950-е годы — как считалось, на время, — так и не уехали назад. Иммигранты, прибывающие в демократические страны с высокими заработками, становятся здесь не только частью рабочей силы, но и *частью общества*. Разумнее всего примириться с этим очевидным фактом и учитывать его последствия в общем балансе выгод и издержек, которые иммиграция приносит коренному населению.

ГЛАВА 5

Ошибки миграционной политики

ПОСЛЕ продолжительного экскурса в такие темы, как влияние миграции на коренное население в принимающих ее обществах, на тех, кто остался на родине, и на самих мигрантов, мы достигли этапа, на котором удобно сделать передышку. Рассмотрев социальные и экономические последствия миграции для населения стран, принимающих мигрантов, мы можем обратиться к вопросу миграционной политики с тем, чтобы дать ей предварительную оценку.

Сопоставление экономических и социальных последствий

Разумная оценка изложенных в предыдущих главах фактов, которая была бы свободна от почти непреодолимого желания рассмотреть их сквозь призму тех или иных моральных предубеждений, сводится к тому, что умеренная иммиграция влечет за собой преимущественно благоприятные экономические последствия для коренного населения и неоднозначные социальные последствия. Возрастание культурного разнообразия компенсируется неблагоприятным воздействием разнородности на взаимное внимание и потенциальным ослаблением функциональной социальной модели диаспорами, сохраняю-

щими верность дисфункциональным социальным моделям. Совсем другое дело — устойчивая ускоренная миграция: ее воздействие на коренное население, скорее всего, будет неблагоприятным как в экономическом, так и в социальном плане. Здесь в игру вступают фундаментальные экономические силы, известные нам по элементарным моделям: уровень заработной платы снизится, а общественный капитал будет распределяться среди большего числа людей. Социальная выгода, связанная с ростом разнообразия, наверняка окажется подвержена снижению отдачи, в то время как социальные издержки, порождаемые различиями и дисфункциональными социальными моделями, вероятно, возрастут. Для большей конкретности можно привести в пример иммиграцию из бедной страны с откровенно и крайне дисфункциональной социальной моделью — а именно из Сомали. Первые десять тысяч сомалийских иммигрантов, по-видимому, принесут любому принимающему их обществу разве что приятный прирост культурного разнообразия. Но такая иммиграция, в результате которой культурно обособленная сомалийская диаспора вырастет в размерах с одного миллиона до двух миллионов человек, уже почти не даст дополнительного прироста в разнообразии, в то же время ослабив взаимное внимание и сделав достаточно влиятельной плохую социальную модель.

Поэтому определенный контроль над миграцией необходим, но его цель — не в прекращении миграции, а в предотвращении ее ускорения. Поскольку моя аудитория разделится на промиграционный и антимиграционный лагеря, я предчувствую, что эта временная оценка уже приводит фундаменталистов в ярость. Однако существует ли какой-нибудь способ сопоставить друг с другом те последствия, о которых шла речь?

Промиграционный лагерь на данном этапе ответит заявлением о том, что было бы возмутительно пожертвовать важными и серьезными экономическими выгодами, а также радостями разнообразия из страха перед какими-то надуманными социальными потрясениями. Аналогичным образом антимиграционный лагерь заявит, что нельзя рисковать разрушением ткани нашего общества ради нескольких эфемерных долларов. Но если миграция влечет за собой столь различные последствия, каким образом оценить ее чистый итог?

Один подход состоит в том, чтобы определить, какое из последствий сильнее скажется в долгосрочном плане. Если в краткосрочном плане преобладают в основном издержки, а в долгосрочном — выгоды, то к миграции следует относиться как к инвестиции и введение ограничений на миграцию окажется близорукой политикой. Но действительно ли последствия миграции соответствуют этой схеме? В долгосрочном плане единственным результатом миграции станет увеличение населения. По-видимому, для таких редконаселенных стран, как Австралия и Канада, это обернется благом; таким густонаселенным, как Нидерланды и Англия, это, вероятно, не принесет ничего хорошего. Напротив, самые очевидные экономические выгоды миграции проявляются в краткосрочном плане. Наплыв молодой рабочей силы временно снижает уровень иждивенчества, а экономика может развиваться полным ходом, не испытывая инфляции, как это было в 1997–2007 годах. Не исключены и некоторые среднесрочные выгоды, связанные с исключительностью иммигрантов — свойственной им высокой инновативностью; однако факты говорят о том, что эта черта не носит всеобщего характера и может определяться спецификой родной страны ми-

грантов и страны, принимающей их. Потенциальные социальные издержки — уменьшение склонности к сотрудничеству и щедрости вследствие роста разнообразия, а также возникновение диаспор, привязанных к дисфункциональным социальным моделям, — носят среднесрочный характер. Привычки общения в краткосрочном плане устойчивы к росту разнообразия. В долгосрочном плане население перемешивается и изначальная общительность может быть восстановлена. Позволяет ли эта схема решить конфликт между экономическими выгодами и социальными издержками? Думаю, что для редконаселенных стран позволяет: поскольку с большой вероятностью возобладают долгосрочные последствия, то для таких стран было бы дальновидно поощрять миграцию. Но в других странах политика открытых дверей может стать ошибкой: результатом окажется неустойчивый экономический бум, за которым придут сложные и длительные социальные проблемы.

Другой способ выяснить, как экономические выгоды соотносятся с социальными издержками, — каким-либо образом сопоставить их, используя единый показатель. Одним из самых многообещающих последних достижений в общественных науках было осознание того, что доход — не слишком удачный критерий для оценки качества жизни. Некоторые экономисты во главе с Ричардом Лэйярдом отныне определяют основную задачу публичной политики как максимизацию счастья. Лэйярд был назначен официальным советником британского премьер-министра Дэвида Кэмерона, правительство которого учредило официальный критерий, позволяющий отслеживать изменение уровня счастья, уже не приравняемого к величине дохода. Счастье не единственная цель в жизни, но одна из важнейших. Многие прочие цели, которыми пытаются заменить счастье, —

чувство собственного достоинства, свершения, безмятежность, уважение — представляют собой не столько альтернативы счастью, сколько пути его достижения.

В потенциале показатель счастья позволит нам привести экономические и социальные последствия к единому знаменателю, пригодному для использования в политических целях. К счастью, в нашем распоряжении есть исследование, в котором измеряется чистое влияние миграции на счастье коренного населения в обществах, принимающих мигрантов, — речь идет о работе Роберта Патнэма. Несмотря на то что основное внимание Патнэм уделяет влиянию миграции на доверие и социальный капитал, в то же время он оценивает и воздействие миграции на счастье.

Хотя Патнэм не измеряет экономический эффект миграции, мы можем с достаточными на то основаниями считать его позитивным. Нет никаких причин думать, что те местности, о которых идет речь в работе Патнэма, столкнулись с экономическими последствиями миграции, не соответствующими обычному шаблону: крупные выгоды для мигрантов и небольшая выгода для большей части коренного населения. Однако Патнэм обнаружил, что уровень счастья в первую очередь зависит от социальных издержек: чем выше концентрация иммигрантов в общине, тем менее счастливо коренное население при прочих равных показателях. То, что неблагоприятное социальное воздействие одержит верх над благоприятными экономическими последствиями миграции, не должно удивлять исследователей счастья. Им известно, что по превышении относительно низкого порога дальнейший рост дохода не приводит к серьезному устойчивому приросту счастья. Более того, экономические выгоды миграции для коренного населения, скорее всего, будут скромными. Исследования гово-

рят о том, что в плане счастья социальные отношения являются намного более важным фактором, чем небольшие изменения величины дохода, а «уход в оборону», по сути, означает распад этих отношений.

Впрочем, не стоит делать далеко идущие выводы из одной-единственной работы. К сожалению, при изучении литературы мне не удалось обнаружить других строгих исследований, в которых бы оценивалось воздействие миграции на счастье коренного населения. Этот вакуум необходимо заполнить. С учетом текущего неадекватного состояния знаний все, что мы можем сказать наверняка, — что чрезмерно восторженное отношение представителей общественных наук к политике открытых дверей в сфере миграции может быть неосторожным. На данный момент представляется, что миграция оказала скромное и неоднозначное влияние на общее благосостояние коренного населения стран, принимающих мигрантов. При умеренном темпе миграции ее экономические и социальные последствия носят позитивный характер, но при дальнейшем росте этого темпа они, скорее всего, превратятся в негативные. Почему именно ускорение миграции пользуется такой большой поддержкой — в частности, со стороны экономистов, — на данном этапе анализа остается загадкой: не может же быть, чтобы причиной являлось влияние миграции на коренное население. Вероятную основу для такого отношения мы увидим в следующей главе.

Политическая экономия паники

Какую миграционную политику выбирают власти стран, принимающих мигрантов, и какую политику они будут выбирать в дальнейшем? Среди политических мер, доступных для этих властей, наи-

большие споры вызывает введение количественных ограничений на темп миграции. Однако в потенциале большее значение имеют другие меры. Политика определенного типа может влиять на состав мигрантов с точки зрения уровня их навыков, соотношения между трудящимися и иждивенцами, а также относительной влиятельности социальных моделей, привычных для мигрантов. Кроме того, некоторые политические меры могут отразиться на темпе абсорбции диаспоры общим населением страны. Такая политика значительно важнее количественных ограничений. Чтобы убедиться в этом, попробуем на примере нашей рабочей модели проследить, во что могут вылиться миграция и миграционная политика при отсутствии серьезного анализа их последствий.

Четыре фазы этого процесса показаны на рис. 5.1. В первой фазе не существует никаких ограничений на миграцию, и потому она естественным образом возрастает в соответствии с *функцией миграции*, изображенной стрелками. Стремление мигрировать настолько велико, что функция миграции не пересекает *кривую диаспоры* и естественное равновесие недостижимо. Непрерывное ускорение миграции становится серьезной политической проблемой, и потому этот первоначальный период можно называть *фазой беспокойства*. В конце концов правительство вводит количественные ограничения, из-за которых темп миграции не может превысить значения M^* .

В результате мы вступаем во вторую фазу, которую назовем *фазой паники*. В то время как введение ограничения на темп миграции предотвращает ее дальнейшее ускорение, это обстоятельство само по себе не способно обеспечить равновесный размер диаспоры. По мере роста диаспоры сокра-

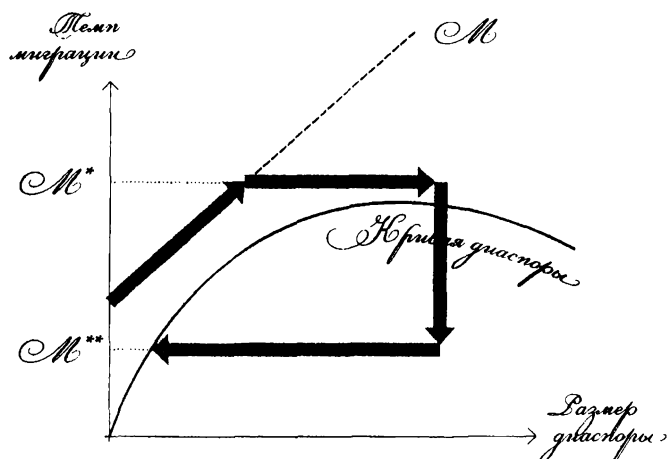

РИС. 5.1. Политическая экономика паники: количественные ограничения на миграцию

щение ее взаимодействия с коренным населением, расширение культурной дистанции между ним и мигрантами, а также последствия снижения доверия совместно сокращают темп абсорбции в такой степени, что по превышении некоего предела кривая диаспоры начинает выгибаться дугой. В этом политическом сценарии уровень, на котором застыл темп миграции, M^* , не совместим со стабильной диаспорой. Поэтому в фазе паники, несмотря на сохранение прежнего темпа миграции, неабсорбированная диаспора продолжает возрастать в размерах: это показано стрелками, идущими вдоль горизонтальной линии, соответствующей предельному темпу миграции. По мере дальнейшего роста неабсорбированной диаспоры возрастание социальных издержек — таких как снижение доверия

в среде коренного населения или конкуренция за социальные услуги между диаспорой и коренным населением — в какой-то момент вызовет усиление политического давления. В данном сценарии единственной мерой, к которой прибегает правительство, являются количественные ограничения на темп диаспоры. Соответственно, правительство вводит еще более жесткие ограничения.

Это подводит нас к третьей фазе, которую можно назвать *фазой бедствия*. Такое название уместно по той причине, что до тех пор, пока темп миграции не снизится до значения, лежащего под *кривой диаспоры*, вне зависимости от величины этого темпа неабсорбированная диаспора продолжит увеличиваться, вызывая нарастание социальных издержек и политического давления. Этот процесс изображен стрелками, спускающимися от уровня M^* к уровню M^{**} , на котором темп миграции снижается настолько, что диаспора начинает сокращаться.

Так мы приходим к финальной фазе *абсорбции диаспоры*. В течение этой фазы, которая может занять много десятилетий, миграция подвергается серьезным ограничениям, а диаспора постепенно абсорбируется местным населением, благодаря чему вновь налаживается социальное доверие, позволяя восстановить хрупкое равновесие, на котором держится сотрудничество.

Такой сценарий миграции нельзя назвать особо вдохновляющим. Темп миграции подвергается огромным изменениям, из очень высокого превращаясь в очень низкий. Сомнительно, чтобы это было желательным с какой-либо точки зрения. Кроме того, сильно изменяется и размер диаспоры, причем в течение продолжительного периода она может быть такой крупной, что это повлечет за собой

серьезные социальные издержки для коренного населения.

Но как бы мало ни радовал нас этот сценарий, он отнюдь не является неизбежным. Мы вернемся к нему в последней главе, начав с точно таких же объективных обстоятельств — с той же функции миграции и той же кривой диаспоры, — и покажем, что иная политика может привести к намного более благоприятным результатам.

Однако сперва перейдем от интересов коренного населения богатых стран, принимающих мигрантов, к интересам самим этих мигрантов. Всюду, где не практикуется гастарбайтерский подход к миграции, мигранты становятся членами своего нового общества. Как это сказывается на их жизни?

Часть III
*Мигранты:
сожаления
или благодарность?*

Мигранты: победители

В ЭКОНОМИЧЕСКОМ плане миграция чрезвычайно выгодна для мигрантов и в то же время она ввергает их в огромные убытки. Если бы личные экономические интересы являлись единственным фактором, определяющим поведение, то люди из бедных стран лезли бы из кожи вон, чтобы эмигрировать в богатые страны, но оказавшись там, они бы голосовали за политические партии, выступающие за ужесточение ограничений на миграцию. Этот вывод, к которому нас приводит экономический анализ влияния миграции на жизнь мигрантов, выглядит достаточно неожиданным и потому заслуживает поэтапного разбора.

Почему миграция выгодна мигрантам

Первый этап не содержит в себе ничего удивительного: миграция более чем выгодна мигрантам. Источником этой выгоды служит переселение из стран, где трудящимся платят мало, туда, где им платят много. Масштаб различий в заработках между богатыми и бедными странами поражает воображение: собственно говоря, он отражает общий разрыв в доходах между богатым миром Организации экономического сотрудничества и развития и бедным миром нижнего миллиарда. Разница в за-

работках не дает нам оснований утверждать, что мигрант, переезжающий из страны с низкими зарплатами в страну с высокими зарплатами, будет больше зарабатывать. Неэкономистам трудно примириться с фактом, против которого не станет возражать ни один экономист: в первом приближении различия в зарплате отражают различия в производительности труда — иначе говоря, людям платят более-менее столько, сколько стоит их труд. Разумеется, всем нам хорошо известны вопиющие случаи, когда это правило не соблюдается: одним людям платят намного больше того, сколько они стоят, а другим — намного меньше. Но если наниматели будут допускать крупные систематические ошибки при определении соответствия между зарплатами и производительностью труда, то они разорятся. Поэтому ключевым вопросом служит не то, *действительно ли* трудящиеся в странах с высокими зарплатами работают намного производительнее, чем трудящиеся в странах с низкими зарплатами, а то, *почему* так обстоит дело.

С точки зрения логики существуют лишь два объяснения: разрыв в производительности труда обусловлен либо свойствами рабочей силы, либо свойствами соответствующих стран. Экономисты, изучив этот вопрос, выяснили, что в основном разрыв вызван различиями между странами, а не различиями между населяющими их людьми. Как они пришли к такому выводу?

Есть несколько хитрых способов выяснить значение свойств рабочей силы. Один из них — сравнение аналогичных рабочих мест в странах, принимающих миграцию, и в странах, служащих ее источником. Такое сравнение демонстрирует огромную разницу в зарплатах: например, одна и та же работа может оплачиваться в Гаити в десять раз хуже,

чем в США¹. Можно также сравнить иммигрантов с местными рабочими в принимающих их странах. Иммигранты проявляют почти такую же производительность труда, что и местные рабочие. Но даже это не вполне убедительное доказательство: ведь не исключено, что эмиграцию выбрали как раз те люди, которые у себя на родине отличались самой высокой производительностью труда. Опровергнуть это возражение не так-то просто. Фокус состоит в том, чтобы найти такую реальную ситуацию, в которой миграция носила бы случайный характер. Может показаться, что мы хотим невозможного, однако в буквальном смысле слова случайный характер выдачи некоторых типов виз дает достаточно хорошее приближение к статистическому идеалу. Например, в США ежегодно проводится лотерея с призовым фондом в 50 тыс. виз, привлекающая около 14 млн участников. Таким образом, немногие счастливицы, которые получают визу и наверняка не станут от нее отказываться, вряд ли будут чем-то отличаться от невезучего большинства. Новая Зеландия проводит аналогичную лотерею для желающих эмигрировать с островов Тонга. Может быть, эти счастливицы отличались нетипично высокой производительностью труда у себя на родине? Однако авторы, изучавшие этот вопрос, дают на него отрицательный ответ. То, что у мигрантов резко возрастает производительность труда, по большей части никак не связано с их личными качествами². Наконец, различия в производительности труда между странами мира можно объяснить исключительно с точки зрения различий между самими этими странами. И здесь мы приходим

1. Clemens et al. (2009).

2. McKenzie and Yang (2010); Clemens (2010).

к тому же выводу: различия в уровне дохода между богатыми и бедными странами в основном (хотя и не на 100%) вызываются различиями в производительности труда, обусловленными свойствами этих стран, а не свойствами отдельных трудящихся. Этот вывод совместим с объяснением разрыва в доходах, предложенным в главе 2: все дело в разнице между социальными моделями.

Впрочем, отчасти различия в производительности труда сохраняются, даже когда иммигранты и местные трудящиеся имеют один и тот же уровень образования. Как правило, иммигрантам в конце концов достается работа, немного не дотягивающая до того, на что они могли бы рассчитывать исходя из формально полученного ими образования. Возможно, здесь сказывается чистая дискриминация, но может быть, дело и в скрытых различиях в уровне квалификации. Однако даже если эти различия существуют, они дают скромное снижение заработков по сравнению с разницей в уровне заработной платы между бедными и богатыми странами.

То, что разрыв в доходах между богатым миром и нижним миллиардом в первую очередь объясняется особенностями стран, а не особенностями рабочей силы, имеет очень важные последствия. Например, мы можем оценить, во что обойдется нижнему миллиарду попытка догнать развитый мир. Фактически речь идет о том, что эти общества должны изменить свои ключевые характеристики. Одного лишь обучения трудящихся требуемым навыкам будет недостаточно. Как указывалось в главе 2, обществам, служащим источниками эмиграции, придется пересмотреть свои социальные модели. Отсюда вытекает неуютное следствие: нежелательно, чтобы мигранты приносили в принимающую их страну привычную им социальную модель. Понимают ли

это мигранты или нет, но импульсом к эмиграции для них послужило стремление избавиться от тех аспектов их родных стран, которые обрекают людей на низкую производительность труда. В силу тех же самых соображений эмиграция может оказать фундаментальное влияние на страны, служащие ее источником, лишь вынудив их к изменению своих социальных моделей.

Другим следствием того обстоятельства, что различия в доходах вызываются особенностями соответствующих стран, служит то, что мигранты будут искать ту страну, в которой им выгоднее всего обосноваться. В исследовании, проведенном мною совместно с Анке Хеффлер, мы составили большую таблицу глобальных потоков миграции, указав все возможные страны, в которые может направляться эмиграция из каждой страны, являющейся ее источником. Оказалось, что темп миграции из родной страны мигрантов в любую конкретную страну, принимающую их, зависит не только от разрыва в доходах между ними, но и от различий в доходе между этой принимающей страной и всеми другими странами, которые могут стать целью миграции.

За поиском самого выгодного места проживания стоят не только различия в среднем доходе между возможными странами — мишенями миграции, но и ожидания мигрантов в отношении участия в распределении доходов. Те мигранты, которые рассчитывают на доход ниже среднего, должны отдавать предпочтение странам с высоким уровнем перераспределительного налогообложения, а для тех, кто рассчитывает получать доход выше среднего, предпочтительными будут страны, допускающие более значительное неравенство. Мигрантам предстоит сделать выбор не только в отношении предпочтительной зарплаты, но и в отношении

предпочтительной системы налогов и социального обеспечения. Впервые это было осознано в качестве теоретической возможности: мигранты с низкой квалификацией должны предпочесть страны с высоким уровнем равенства, а мигранты с высокой квалификацией отдадут предпочтение странам, которым свойственно неравенство³. Но сравнительно недавно это теоретическое предсказание получило определенную эмпирическую поддержку: распределение навыков среди мигрантов, прибывших в Европу и Америку, соответствует данному прогнозу⁴. Европа — общество более равноправное, обладающее самой щедрой системой социального обеспечения в мире, и потому особенно привлекательное для мигрантов с более низким уровнем навыков, хотя такой состав мигрантов может объясняться и другими факторами.

Последним следствием является то, что производительность труда можно повысить десятикратно, просто перебравшись из дисфункционального общества в более функциональное. В такой степени производительность труда невозможно поднять никакими другими способами. В глобальном плане вся колоссальная машина научно-технического прогресса не позволяет производительности труда повышаться быстрее чем на пару процентных пунктов в год. На протяжении двух последних десятилетий поразительное исключение из этого правила представлял собой Китай: в совокупности он тоже добился примерно десятикратного роста производительности. Но это достижение не имело исторических прецедентов и требовало невероятной готовности к временному отказу от потребления: не-

3. Borjas (1989).

4. Van Tubergen (2004).

смотря на изначальную бедность Китая, в течение последних двух десятилетий половина его дохода откладывалась и инвестировалась. И тем не менее просто сесть на самолет, любой трудящийся может повторить этот прирост в производительности, стоивший Китаю таких усилий. Именно поэтому усиленная миграция так восхищает экономистов: мировая экономика еще никогда не подходила так близко к получению «бесплатного завтрака».

Кто вправе претендовать на выгоды от миграции

Кому следует отдать этот «бесплатный завтрак»? Иными словами, кто вправе рассчитывать на прибыль, которую принесет прирост производительности, вызванный миграцией? В рыночной экономике рост производительности труда по умолчанию обогащает трудящихся: им платят в соответствии с их производительностью. Таким образом, в отсутствие политического вмешательства выгоды от миграции достанутся мигрантам. В то время как экономическая теория, связывающая доход с производительностью, не *требует*, а только *предсказывает*, она все же обладает определенной моральной силой. Люди в известной степени явно питают убеждение в том, что плоды трудов по большей части должны принадлежать трудящимся. Однако широкое распространение получил и принцип, требующий облагать доход налогами в пользу других людей, и потому мигранты не имеют исключительного права на всю прибыль от прироста производительности. Разумеется, на них, как и на коренное население принявшей их страны, будет распространяться действие ее налоговой системы, но в ее рам-

ках иммигранты не имеют какого-либо особого статуса. Существуют ли этические основания для того, чтобы требовать от иммигрантов более существенного вклада, а если да, то в чью пользу?

Самая серьезная из подобных претензий выдвигалась от имени родных стран мигрантов. Профессор Джагдиш Бхагвати, чрезвычайно influential экономист из Колумбийского университета, в свое время эмигрировавший из Индии, уже давно предлагает взимать с работающих мигрантов специальный дополнительный налог и передавать собранные таким образом средства в те страны, откуда прибыли эти мигранты. По крайней мере на первый взгляд это предложение очень привлекательно в этическом плане: мигранты получают колоссальный прирост доходов, резко повышающий их уровень жизни и потому дающий им возможность помочь своим намного более бедным согражданам, оставшимся в их родной стране. С утилитарно-универсалистской точки зрения такое перераспределение дохода чрезвычайно полезно: так как мигрантам живется существенно лучше, чем тем, кто остался дома, оно снижает общественную полезность мигрантов в намного меньшей степени, чем повышает общественную полезность получателей этих средств. Разумеется, в рамках этих утилитарно-универсалистских представлений с помощью такой же аргументации можно обосновать и крупный налог в пользу бедных обществ, взимаемый с коренного населения богатых стран.

Но если утилитарные этические рамки для вас не слишком убедительны, то обосновать специальный налог на мигрантов будет несколько сложнее. Такой налог можно рассматривать как компенсацию за образование, полученное мигрантами у себя на родине. Однако расходы на него невели-

ки по сравнению с приростом производительности: не факт, что они оправдают достаточно высокий налог. Более того, мигранты могут небезосновательно возразить, что к миграции, оказавшейся необходимой для того, чтобы реализовать ту производительность труда, на которую они были способны, их вынудила элита, чрезвычайно дурно управлявшая обществом в их родной стране. Таким образом, элита, контролирующая общество, не вправе претендовать на средства, полученные в результате налогообложения эмигрантов.

Кроме того, мигрант может заявить, что он в достаточной мере заботится о своем родном обществе и посылает домой деньги, но в силу своего недоверия к элите адресует их своим родственникам. У нас нет недостатка в фактах, подтверждающих такое поведение: типичный мигрант пересылает в родную страну порядка 1000 долларов в год. Если мы заставим мигрантов платить существенные налоги властям их родных стран, то общая сумма этих переводов, скорее всего, снизится: налоги не только уменьшат доход мигрантов, но и дадут им повод для того, чтобы умерить свою щедрость по отношению к родственникам. Точно так же государственные социальные выплаты влекут за собой сокращение частной благотворительности⁵.

В то время как претензии родной страны мигрантов на часть прибыли от прироста производительности, обеспеченного миграцией, менее обоснованны, чем может показаться на первый взгляд, страна, принимающая мигрантов, имеет больше оснований для аналогичных претензий. В конце концов, за этим приростом производительности стоит более эффективная социальная модель.

5. Cox and Jimenez (1992).

Она представляет собой разновидность общественного капитала, будучи производственным активом, накапливавшимся в течение долгого времени, — более абстрактным, чем дорожная сеть, но не менее важным. Накопление этого общественно-го капитала финансировалось коренным населением. Вполне возможно, что это финансирование осуществлялось в неочевидной форме. Современные экономисты считают инклюзивные политические институты важным фактором экономического развития, но обычно они возникали в ходе политической борьбы. Современная производительность труда опирается на фундамент прежних уличных демонстраций и акций протеста, подорвавших власть эгоистичных элит, присваивавших плоды чужого труда. Поэтому экономическая выгода миграции в конечном счете обеспечивается общественным капиталом, накопленным коренным населением. Однако в рыночной экономике получателями этой выгоды являются мигранты, а не коренное население. Но так происходит из-за того, что источником этой выгоды служит *общественное благо*, предоставляемое таким способом, который не позволяет ему распоряжаться. Мигранты даром получают прибыль с капитала, накопленного ценой столь больших жертв.

Тем не менее можно выдвинуть очень серьезные аргументы против обложения мигрантов специальным налогом. Все подобные налоги — достаются ли они стране, принимающей мигрантов, или их родной стране, — снижают чистый доход мигрантов по сравнению с доходом коренного населения в принимающем их обществе. Если чистый доход мигрантов снижается, им становится труднее вести образ жизни своего нового общества, так как этого не позволяет их уровень жизни. Налого-

обложение мигрантов — самый верный способ превратить их в граждан второго сорта, что еще сильнее затруднит их интеграцию. В некоторых странах иммигранты, даже не платя никаких специальных налогов, по большей части оказываются на дне общества, куда их приводят более слабый уровень образования по сравнению с коренным населением, отсутствие неявных знаний, вносящих вклад в производительность, и дискриминация. Там, где это происходит, подобное явление справедливо рассматривается как социальная проблема, на решение которой необходимо выделять крупные средства. Одной рукой облагать мигрантов налогом, а другой рукой пытаться исправить результаты этого шага — такую политику нельзя назвать последовательной.

Более того, если поступления от налога на иммигрантов достаются коренному населению, это, как ни странно, может усилить враждебность коренного населения по отношению к иммигрантам. В реальности такой налог вводится не для компенсации потерь, понесенных коренным населением. Он представляет собой прибыль от общественного капитала. Однако политические силы, испытывающие животную враждебность к иммигрантам, несомненно, станут интерпретировать этот налог как признание элитой вреда, причиняемого иммиграцией. Соответственно, этот налог будет объявлен подачкой со стороны элиты — символическим возмещением ущерба, нанесенного гражданам страны. Иными словами, такой подход может непреднамеренно узаконить массовое заблуждение, согласно которому иммиграция экономически убыточна для коренного населения.

Подоплекой всех этих рассуждений служит то, что «бесплатный завтрак», обеспечиваемый резким приростом производительности при переселе-

нии мигрантов из дисфункционального общества в функциональное, по-прежнему будет доставать мигрантам. От миграции в первую очередь выигрывают сами мигранты.

Миграция как инвестиция

Отсюда вытекает, что если этот выигрыш настолько велик, то это делает миграцию очень привлекательной для жителей бедных стран. Разумеется, самым прямым доказательством этой мысли является сама миграция: как отмечалось в главе 2, миграция из бедных стран в богатые резко нарастает. Более того, лишь очень немногие мигранты настолько сожалеют о принятом ими решении, что готовы вернуться на родину.

В то время как сам факт миграции служит вполне разумным доказательством того, что за ним стояло осознанное желание такого шага, то из того, что некто остался дома, еще не следует, что он не выражал желания эмигрировать. Миграция сталкивается со множеством препятствий как финансового, так и юридического характера.

Многие люди просто не могут себе позволить переселение в другую страну, представляющее собой разновидность инвестиции. Подобно всем инвестициям, она предполагает первоначальные убытки, за которыми со временем должна последовать прибыль. Издержки миграции могут достигать значительных размеров, особенно при их сравнении с уровнем дохода в бедных странах. Типичный доход в беднейших странах мира не превышает 2000 долларов в год, и потому даже покупка билета на международный рейс требует многих лет экономии. Однако наилучшее время для миграции —

когда ты еще молод. Молодые люди не так сильно связаны наличием иждивенцев, и впереди их ждет более длинная трудовая жизнь, позволяющая окупить сделанную инвестицию. С другой стороны, молодым людям гораздо сложнее найти средства для этой инвестиции.

Миграция не только предполагает высокие первоначальные издержки и лишь их постепенное возмещение; само это возмещение может не состояться. Как правило, мигрант не знает наверняка, получит ли он работу, и если его решение окажется ошибочным, исправить его будет очень дорого. Помимо практических издержек, связанных с возвращением домой и поисками работы, есть еще психологические издержки: публичное признание неудачи в условиях, когда считается, что многие другие мигранты добились успеха. Представьте себя сыном, без гроша возвращающимся в родной квартал, где другие семьи похваляются успехами своих сыновей. Там, где издержки провала велики, весьма вероятно стремление избежать риска: люди не идут на риск даже тогда, когда он кажется не слишком значительным.

В богатых странах затратные и рискованные инвестиции не обязательно финансировать из своих личных средств: инвестор может найти самые разные источники финансирования. Однако в беднейших странах финансовые институты не обслуживают простых людей. Единственным источником финансирования остается семья. Так возникают два важных аспекта: отбор по критерию дохода и семейные решения.

На первый взгляд может показаться, что с наибольшей вероятностью мигрантами станут самые бедные люди: в конце концов, движущая сила миграции — это разница в доходах между родной страной мигрантов и страной, принимающей их, а такая

разница максимальна в случае беднейших потенциальных мигрантов. Но в то время как разница в доходах определяет последующее возмещение расходов, способность к осуществлению инвестиции определяется первоначальным уровнем доходов. Совместно эти противоположные факторы приводят к тому, что взаимоотношение между доходом и склонностью к миграции приобретает форму перевернутой U. Самые бедные хотели бы мигрировать, но не могут этого себе позволить; самым богатым миграция доступна, но не слишком выгодна, в то время как люди со средним доходом имеют и серьезный стимул к миграции, и необходимые для этого средства. Миграция помогает людям изменить их жизнь, но эти люди не входят в число беднейших. Отбор с точки зрения дохода важен тем, что от него зависит, кто именно отправится в эмиграцию (люди со средним достатком) и в каких странах будет наблюдаться самый высокий темп эмиграции. Например, в Сахеле — беднейшем регионе мира — темп эмиграции несопоставим с царящей там крайней нищетой. Такие бедные люди, как его жители, не в состоянии финансировать издержки эмиграции, которая в данном случае является особенно затратной из-за того, что Сахель не имеет выхода к морю. Финансовые сдержки приводят к видимому парадоксу: рост доходов в бедной стране фактически может привести к росту эмиграции из нее.

Молодые люди, как правило, не способны финансировать свою собственную эмиграцию. Очевидным источником средств для них служит семья, но та, скорее всего, будет ожидать чего-то взамен. И такие ожидания нельзя назвать необоснованными. Родителям приходится идти на жертвы ради того, чтобы их дети получили образование. Мало

какой сын ответит пресловутым: «Мама, всю свою жизнь ты надрывалась ради меня, а теперь пойдй поработай на себя»⁶. Более того, с утратой пары молодых рабочих рук в семье останется меньше добытчиков. Самое очевидное потенциальное возмещение — денежные переводы. Суть сделки: сейчас мы оплатим твою миграцию, а ты в дальнейшем будешь присылать нам долю своих заработков. Подобная сделка выглядит привлекательно, но ее выполнение может оказаться проблематичным. Она не имеет юридической силы, будучи всего лишь обещанием. Хуже того, от этого обещания не стоит многого ожидать — как выражаются экономисты, оно является «несогласованным во времени». Экономисты живут в довольно жутком мире, в котором люди руководствуются только рациональными соображениями личной выгоды. К счастью, наш реальный мир зачастую бывает более великодушным — отсюда и взаимное внимание, — однако отмахиваться от проявлений грубого рационального эгоизма было бы серьезной ошибкой. К сожалению, если молодой будущий мигрант поступит разумно, обещая присылать деньги в обмен на оплату его билета, не менее разумным для него будет и нарушить это обещание после того, как билет окажется у него в кармане. Международная миграция позволяет мигрантам вырваться из-под власти семьи в их родной стране, и потому принудить к выполнению обещания сложнее, чем дать само это обещание. Очевидно, в первую очередь здесь важно доверие. Роль его островков играют семьи — особенно в бедных обществах, где общий уровень доверия низок. Но даже при этом те мигранты, которые не отказываются от своих обязательств, порой готовы

6. Старая йоркширская шутка.

регулярно сигнализировать оставшимся на родине семьям о том, что они трудятся не покладая рук. Возможно, этим объясняется один из нынешних парадоксов, выявляющихся при анализе денежных переводов: как правило, мигранты предпочитают регулярно переводить родным небольшие суммы⁷. С наивной экономической точки зрения небольшие регулярные выплаты — глупость. Издержки трансакций, связанные с денежными переводами, включают их фиксированную стоимость, делающую мелкие переводы крайне невыгодными. Мигранты поступали бы намного расчетливее, если бы копили деньги и время от времени высылали сразу крупную сумму. Похоже, что единственный игрок, которому выгоден нынешний обычай мелких и частых переводов, — платежная система *Western Union*. Но не исключено, что такое поведение может объясняться желанием мигрантов мелкими и частыми переводами сигнализировать оставшейся на родине семье, что они не забывают о ней. Такие переводы производят впечатление, что мигрант постоянно пытается хоть как-то поддержать родных. Напротив, в тех случаях, когда семья получает лишь нечастые крупные переводы (впрочем, в сумме составляющие ту же самую величину), это может быть воспринято как признак того, что дела у мигранта идут отлично, но он лишь изредка вспоминает о своих обязательствах.

Если семья финансирует издержки миграции и получает прибыль в виде последующих денежных переводов, то вполне возможно, что решение о миграции в реальности принимает не сам мигрант, а его семья, и многочисленные работы, посвященные миграции, подтверждают такое предположе-

7. Yang (2011).

ние⁸. Фактически это не индивидуумы решают изменить страну проживания, а семьи решают стать интернациональными. Семьи в бедных странах представляют собой зеркальное отражение компаний из богатых стран. В то время как мультинациональные компании преимущественно прописаны в богатых странах, мультинациональные семьи преимущественно прописаны в бедных странах. Домохозяйства из богатых стран посредством компаний отправляют свой избыточный капитал в бедные страны; домохозяйства из бедных стран посредством семей отправляют свою избыточную рабочую силу в богатые страны.

Пожалуйста, откройте нам дверь!

Необходимость финансировать миграцию — лишь одно из затруднений, встающих на ее пути. Сплошь и рядом люди хотят мигрировать и в состоянии заплатить за это, но им препятствуют миграционные ограничения в той стране, в которую они бы предпочли перебраться. Собственно, как отмечалось в главе 2, в ответ на ускорение миграции все богатые страны сейчас в том или в ином виде вводят ограничения на иммиграцию. Перед лицом этих ограничений у потенциальных мигрантов имеется три варианта действий (помимо решения остаться дома). Одни стараются отвечать предъявляемым к ним требованиям. Другие идут на обман, пытаясь получить разрешение на миграцию, несмотря на то, что не имеют на это права. В крайнем случае делается попытка преодолеть физические препятствия, встающие перед теми, кто не имеет раз-

8. Agesa and Kim (2001).

решения на миграцию. Попробуем поставить себя на место потенциальных мигрантов и обдумаем эти варианты.

Ограничения, накладываемые на миграцию, серьезно различаются от страны к стране. В большинстве стран от мигрантов требуется некий минимальный образовательный уровень, а в некоторых странах к нему прибавляются профессиональные навыки. Это делается по той причине, что коренному населению стран, принимающих мигрантов, высокообразованные мигранты более выгодны, чем необразованные. Во-первых, в этом случае снижается острота последствий миграции в плане перераспределения доходов, поскольку образованные мигранты с меньшей вероятностью вступят в открытую конкуренцию с самыми низкооплачиваемыми местными трудящимися. Первыми образовательный ценз для мигрантов ввели Австралия и Канада — возможно по той причине, что из-за откровенно иммигрантского характера этих обществ их главные политические партии не в состоянии уклониться от обсуждения тонкостей иммиграционной политики. Благодаря активным дебатам в этой сфере миграционная политика этих стран последовательно учитывает интересы коренного населения. Вследствие этого обстоятельства Австралия и Канада предъявляют самые высокие образовательные требования к мигрантам. Следующими идут США: опять же, возможно, из-за того, что иммигранты составляют плоть и кровь Америки, тема иммиграции обсуждается здесь с несколько большей откровенностью. Наименее требовательна к мигрантам в плане образования Европа. В этом, несомненно, отражается отсутствие аргументированных политических дебатов по данному вопросу, о чем шла речь в главе 1. В настоящее вре-

мя европейские требования к мигрантам ужесточаются, но за этим в большей степени может стоять необходимость в демонстративных мерах, нежели взвешенные соображения.

Непреднамеренным результатом этих ограничений служит рост спроса на образование в бедных странах: знания становятся пропуском на выезд из страны. Возможно, местная молодежь даже не всегда испытывает осознанную потребность в миграции, однако образование представляет собой разновидность страховки. Это особенно важно для этнических меньшинств, сталкивающихся с дискриминацией в своей родной стране: образование обеспечивает им защиту. Пример такого поведения дает индийское этническое меньшинство на Фиджи. После длительного периода мирного сосуществования переворот, произведенный армейскими офицерами из числа коренных фиджийцев, повлек за собой период антииндийской риторики и дискриминации, вынудивший многих людей к отъезду. С тех пор несмотря на то, что переходное правительство лишилось власти и ситуация в стране нормализовалась, индийцы активно инвестируют средства в образование, чтобы при необходимости иметь возможность получить австралийскую визу. В результате индийская община на Фиджи отличается значительно более высоким уровнем образования по сравнению с остальным коренным населением. Подобная реакция на возможность миграции влечет за собой весьма важные последствия для стран, служащих источником миграции, о чем мы еще поговорим в части 4.

В то время как требования в отношении образования приобретают все большее распространение, страны, принимающие мигрантов, устанавливают и прочие, самые разнообразные условия. Наиболее

важные из них касаются семейных связей: мигрантам разрешается воссоединиться с их родственниками, получившими местное гражданство. Но семейные связи не высечены в камне: они создаются путем браков. Собственно, общеизвестной истиной (по крайней мере, в странах — источниках миграции) является то, что неженатый мигрант, проживающий в богатой стране, нуждается в жене. Семья потенциального мигранта может принять решение о преодолении препятствий к миграции путем брака — особенно в контексте договорных браков, когда будущую невесту выбирают родные жениха. В тех случаях, когда брак заключается исключительно с целью получить разрешение на въезд в конкретную страну, он представляет собой очевидное злоупотребление этим правом. Но если родители традиционно выбирают брачных партнеров для своих детей на основе финансового критерия, то выбор мигрантов в качестве брачных партнеров является понятным и даже неизбежным. Поэтому предсказуемым последствием ограничений на миграцию служит стремление родителей в бедных странах дать своим детям хорошее образование и отправлять удачные фотоснимки своего не состоящего в браке потомства мигрантам, уже пустившим корни на новом месте.

Следующим способом попасть в богатую страну служит обман — получение разрешения на легальную миграцию нелегальными средствами. Наиболее простой путь сделать это — подкупить местных консульских служащих данной страны. Большинство этих служащих относительно молоды, получают не особенно высокую зарплату и вынуждены временно жить в другой стране, где им неизбежно приходится водить знакомство с кем-то из местных жителей. К тому же их работа едва ли приносит

им особое моральное удовлетворение: она заключается в том, чтобы сдерживать напор множества соискателей и в то же время выдавать вожаделенные визы немногим счастливицам, которым удалось соответствовать огромному количеству запутанных, явно произвольных и непрерывно меняющихся правил. В этой ситуации не стоит удивляться тому, что кто-то из чиновников начнет брать подношения за свои услуги. При этом он может успокаивать свою совесть самыми разными соображениями: правила несправедливы; люди, платящие за визы, крайне нуждаются в них; полученное вознаграждение всего лишь компенсирует угрозу наказания. Следствием очевидных сложностей, связанных с управлением визовой системой, служит существование во многих местах «текущей цены» на незаконно выдаваемые визы. В силу огромной выгоды, которую дает миграция, эта «текущая цена» обычно составляет несколько тысяч долларов⁹.

Другой вариант обмана — выдать себя за представителя той или иной категории, имеющей право на въезд. Например, в начале 1980-х годов Швеция очень щедро выдавала гражданство беженцам из Эритреи — эфиопской провинции, охваченной гражданской войной. Однако по мере роста их численности эта политика становилась все менее щедрой. В ответ некоторые эритрейские иммигранты, уже получившие шведское гражданство, стали ссужать свои паспорта похожим на них друзьям и родственникам: в те дни, когда еще не существовало систем биораспознавания, шведские иммиграционные чиновники не решались сомневаться в личности предъявителя паспорта на основе одной лишь фотографии. Тогда шведские должностные

9. Mousy and Arcand (2011).

лица придумали иной способ отбора: эритрейцы, ставшие шведскими гражданами, не могли не научиться хотя бы самым основам шведского языка, в то время как предъявители подложных паспортов не знали по-шведски ни слова. Но подобно тому, как желающие эмигрировать могут получить образование или вступить в брак, дающий право на въезд в выбранную страну, так же они могут научиться шведскому: в разгар гражданской войны и голода отчаявшиеся эритрейцы учили шведский язык с тем, чтобы прикидываться шведскими гражданами. Есть и другой способ — объявить себя беженцем. Жестокие репрессии, являющиеся характерной чертой многих бедных стран, создают очевидную потребность в убежище. В свою очередь, готовность предоставлять это убежище порождает возможность обмана. Ложные претензии на право убежища вдвойне порицаемы, поскольку они подрывают легитимность важного гуманитарного института, но подобные этические соображения могут быть совершенно чужды отчаявшимся людям. Число претендентов на убежище, скорее всего, на порядок превышает численность законных получателей такого убежища, что дает представление о том, как сложно опровергнуть заявления о притеснениях со стороны властей. Более того, суды в странах, принимающих мигрантов, готовы считать режим в стране — источнике миграции нерепрессивным лишь в том случае, если он отвечает почти неприлично высоким стандартам управления: например, лишь четыре из 54 африканских стран соответствуют критериям, при соблюдении которых британские суды разрешают принудительную депортацию их граждан на родину.

Последний вариант является и затратным, и рискованным: это попытка нелегального проникнове-

ния в страну, служащую целью миграции. Преодоление сложных пограничных заграждений требует особых знаний, что привело к возникновению особой разновидности контрабандистов. Подобно коррумпированным служащим консульств, за несколько тысяч долларов они могут продать место на лодке, тайник в кузове грузовика или право присоединиться к партии, переправляемой через границу. Однако главное отличие от незаконно приобретаемой визы заключается в риске. Во-первых, очевиден риск тюрьмы. Люди, пойманные при попытке нелегально проникнуть в Австралию, в настоящее время содержатся в местах заключения, находящихся за пределами материка, и могут пробыть в них очень долго. Мигранты, нелегально проникающие в США, депортируются в огромных количествах: в 2011 году их число достигло поразительной величины в 400 тысяч человек. Ценой задержания являются унижение, более или менее продолжительный период заключения и пропажа затраченных средств. Во-вторых, само это предприятие связано с физическим риском: лодки тонут, а спрятанные в тайнике могут задохнуться или замерзнуть насмерть. Но самый главный и в потенциале самый серьезный риск исходит от самих людей, осуществляющих переправку мигрантов. Эта услуга по самой своей природе никем не контролируется, осуществляется преступниками и носит одноразовый характер. Заплатив деньги вперед, потенциальные мигранты не получают никаких гарантий того, что их не обманут. Нелегальным мигрантам, не имеющим достаточных средств, могут предложить сделку, предполагающую окончательный расчет лишь после успешного перехода через границу. Но контрабандистам, идущим на такой вариант, следует иметь в своем распоряжении меха-

низм, позволяющий взыскивать причитающийся им долг: по сути, нелегальные иммигранты становятся их временными рабами. Среди немногочисленных возможных вариантов насильственного получения денег от поработанных людей самым очевидным является проституция: нелегальные иммигрантки, мечтавшие стать секретаршами, в итоге становятся секс-рабынями. После того как в распоряжении контрабандистов появляется такой механизм принуждения, с какой стати им останавливаться на получении обговоренной суммы? Рабы с большой вероятностью останутся рабами до тех пор, пока не сбегут или не умрут. Но даже если нелегальным иммигрантам удастся избежать порабощения контрабандистами, по прибытии на место у них окажется немного вариантов. Они нуждаются в средствах, чтобы выжить, но не могут их заработать легальным путем. Поэтому нелегальные иммигранты либо попадают в руки нанимателей, уклоняющихся от уплаты налогов, либо вынуждены искать экстралегальный источник заработка, обычно связанный с криминалом. Меры, принимаемые по борьбе с нелегальной миграцией, бездарны даже по жалким стандартам общей миграционной политики. Более удачные способы решения этой проблемы будут предложены в последней главе.

Миграция как спасательный круг

С точки зрения потенциального мигранта самый лучший ответ на двойную потребность в крупных средствах, необходимых для оплаты миграции, и в надежном способе преодоления юридических ограничений — это родственники, уже перебравшиеся за границу. Диаспоры играют исключитель-

но важную роль при определении направления и масштабов миграции. Они содействуют миграции множеством различных способов.

Поскольку семейные связи значительно облегчают получение визы, наличие диаспоры создает возможность для легального прибытия новых мигрантов. Неудивительно, что оставшиеся на родине семьи вставших на ноги мигрантов сплошь и рядом дают на них, требуя содействия при решении юридических вопросов. Это гораздо проще сделать в стране, являющейся целью миграции, чем в ее местном консульстве, осаждаемом просителями. Более того, мигранты, получившие гражданство, приобретают право голоса и потому могут обратиться к своим местным политическим представителям, чтобы те ходатайствовали за их родных перед соответствующими чиновниками. Например, в британских избирательных округах с высокой долей иммигрантов до 95% посетителей, приходящих на прием к депутатам парламента, просят решить вопрос об иммиграции их родственников.

Кроме того, диаспора может стать источником информации об имеющихся местных возможностях. Например, в ходе недавнего экспериментального исследования домохозяйствам в Нигере были розданы сотовые телефоны с целью выяснить, повлияют ли они на последующую миграцию. Благодаря тому, что трудящиеся получили более надежную связь со своими родственниками и друзьями на зарубежных рынках рабочей силы, эмиграция существенно возросла¹⁰. При этом сведения, поступающие от родственников за границей, могут быть непреднамеренно приукрашенными из-за присущей мигрантам склонности к преувеличению своих

10. Aker et al. (2011).

успехов. Диаспора предоставляет не только информацию о возможностях, но и сами эти возможности: многие мигранты заводят мелкие предприятия, являющиеся естественным последствием чаяний, связанных с миграцией, и дискриминации, нередко ожидающей мигрантов на рынке труда. Новоприбывшие родственники могут получить временную работу на этих предприятиях, даже если те не очень прибыльны, поскольку их владельцам легко обойти законы о минимальной заработной плате. Помимо предоставления информации и возможностей, диаспора непосредственно снижает издержки миграции: в поисках работы мигранты могут жить у своих родственников, уже освоившихся на новом месте.

Но, быть может, самое главное — то, что диаспора может отчасти взять на себя затраты, связанные с миграцией. Вставшим на ноги мигрантам зачастую легче оплатить проезд: они зарабатывают намного больше, чем их еще не эмигрировавшие родственники. Если эти деньги выдаются на условиях займа, то их проще взыскать с должников: старые мигранты могут лично следить за успехами новоприбывших и способны сильно затруднить жизнь неплательщикам. Такие сделки являются более «согласованными во времени». Даже если деньги на переезд предоставлены семьей, оставшейся в родной стране, диаспора с ее социальной сетью может оказать на новых мигрантов давление и заставить их расплатиться, тем самым делая финансовые вложения в миграцию менее рискованными.

Совместно все эти силы наделяют диаспору решающей ролью. В результате иммигранты по большей части концентрируются в нескольких городах, как отмечалось в главе 3. Диаспора не только влияет на выбор новыми иммигрантами места жительства, но и представляет собой наиболее важный фак-

тор, определяющий масштабы миграции. Именно это отражается в нашей рабочей модели. Накопившееся в стране количество мигрантов способствует их дальнейшему притоку, и потому миграции свойственна тенденция к ускорению. Первый мигрант вынужден преодолевать намного более сложные и многочисленные препятствия по сравнению с миллионным. Вместе с моей коллегой Анке Хеффлер мы попытались оценить типичное влияние диаспоры на миграцию из бедных стран в богатые. Полученные нами результаты, будучи всего лишь предварительными, тем не менее показывают, почему миграция, опирающаяся на диаспору, будет быстро ускоряться¹¹. Десять лишних членов диаспоры, попавших в страну в начале десятилетия, привлекут в нее в течение этого десятилетия семьдесят лишних мигрантов. Соответственно, в начале следующего десятилетия в стране будет находиться уже семнадцать лишних членов диаспоры, которые за десять лет привлекут двенадцать лишних мигрантов. Такой процесс, продолжаясь с 1960 по 2000 год, приведет к тому, что если в начале этого срока ряды диаспоры пополнят 10 человек, то к 2000 году это число вырастет до 83.

Однако в настоящее время экономистов больше всего интересует не то, что диаспора увеличивает темп миграции, а то, что *она изменяет ее со-*

11. Поскольку наша работа носит лишь предварительный характер, она еще не прошла научного реферирования. Поэтому к ее результатам следует относиться с достаточной осторожностью. Наш анализ учитывает миграцию из всех бедных и среднедоходных стран, по которым имеются данные, во все страны ОЭСР, и охватывает период с 1960 по 2000 год: Paul Collier and Anke Hoeffler, 2013, «An Empirical Analysis of Global Migration,» mimeo, Centre for the Study of African Economies, Oxford University.

став. С точки зрения коренного населения в страну лучше приглашать высокообразованных трудящихся, чем малообразованных трудящихся и иждивенцев. Именно с этой целью были разработаны системы баллов, применяемые при выдаче виз. Но диаспора позволяет мигрантам преодолеть систему баллов. Влияние диаспоры настолько сильно, что всякий раз, когда наличие семейных связей дает право на въезд в страну, значение образования и навыков сильно снижается¹². Эти выводы, полученные в ходе недавних исследований, указывают на возможность острого конфликта между подходом к миграции, основанным на личных правах мигрантов, и тем, который основывается на правах и интересах коренного населения.

Современная иммиграционная политика, как правило, усугубляет присущую миграции тенденцию к ускорению и подрывает балльную систему, поскольку программы воссоединения семей ставят в привилегированное положение родственников уже въехавших в страну иммигрантов. Но действительно ли мигрант, получивший право на иммиграцию, вправе предоставлять такое же право другим? А если это так, то не вправе ли и эти другие надеяться правом на миграцию следующих претендентов? Очевидно, если это право структурировано таким образом, то система баллов становится пустым звуком: обладатели родственных связей перебегут дорогу образованным.

Так мы подходим к самому важному этическому вопросу из рассматриваемых в нашей книге. Мы уже ознакомились с различием между групповыми и индивидуальными правами в контексте социального жилья. Поскольку мигранты живут в большей

12. Beine et al. (2011).

нужде, чем коренное население, то личные права сделают их обладателями большей доли социального жилья по сравнению с коренным населением, в то время как в соответствии с групповыми правами они могут претендовать лишь на одинаковую с ними долю. Однако проблема социального жилья меркнет в сравнении с правом приглашать родственников. Лишь незначительное меньшинство коренного населения нуждается в праве выписать из-за границы супругов или других родственников: именно поэтому мы и говорим о праве. Что же касается диаспоры, то приглашать в страну зарубежных родственников готова значительная ее часть. Соответственно, если наделить мигрантов этим же личным правом, уже имеющимся у коренного населения, то в составе миграции будет наблюдаться резкий перекося в сторону иждивенцев. Так возникают серьезные практические, а возможно, и законные юридические основания к тому, чтобы осуществлять равноправие на групповом уровне: коллективное пользование такими дефицитными социальными благами, как социальное жилье, а также право приглашать родственников должны быть доступны мигрантам в таком же объеме, что и коренному населению.

Распределение социального жилья иногда уже основывается на принципе группового равенства, в зависимости от методов, практикуемых местными властями. Напротив, за распределением права на приглашение родственников в настоящее время обычно не стоят какие-либо четкие принципы. Однако механика применения принципа группового равенства к праву на воссоединение с родными очень проста. Некоторые страны уже распределяют отдельные разновидности въездных виз посредством лотерей с квотированием числа участников.

Такие лотереи получили международное распространение в качестве стандартного способа примирить принцип справедливого доступа с достижением установленных целей. Иногда иммиграционная политика организуется таким образом, что каждый конкретный иммигрант получает неограниченное право на приглашение родственников. Но при всей щедрости такой политики не она одна совместима с этическим подходом. Ограничение права диаспоры на приглашение родственников и будущих родственников в первую очередь направлено на контроль не за объемами миграции, а за ее составом. Системы баллов могут быть эффективными лишь в том случае, если личные права членов диаспоры ограничены задачами, установленными системой.

Желания и реальность

Итак, мы выяснили, что миграция из бедных стран в богатые приносит колоссальную прибыль, обеспечиваемую приростом производительности, и что эта прибыль достается мигрантам. На пути к достижению этой цели стоят два главных препятствия: издержки, связанные с финансированием миграции, и необходимость преодолевать бесчисленные юридические ограничения при получении визы. Наличие диаспоры снижает оба этих барьера, и потому по мере того, как миграция приводит к увеличению количества мигрантов, все больше людей оказываются в состоянии пожинать ее плоды: ежегодный приток мигрантов имеет тенденцию к возрастанию. Другие изменения в мировой экономике также в большинстве своем способствуют миграции: технический прогресс существенно уменьшил стоимость проезда, цена телефонных звонков резко сни-

зились, что сильно облегчило мигрантам сохранение связей с родной страной, а рост доходов в очень бедных странах делает миграцию доступной для все большего числа людей при одновременном сохранении огромного абсолютного разрыва в доходах. Остается большой голый факт — колоссальный прирост производительности, обогащающий мигрантов, перед которыми стоят серьезные препятствия.

Существование этих препятствий приводит нас к следующему выводу: в том, что касается миграции, реальность сильно уступает желаниям. Стандартным инструментом для оценки последних служит опрос Института Гэллапа, охватывающий большую выборку жителей всех регионов мира. В целом около 40% населения бедных стран утверждает, что эмигрировали бы в богатые страны, если бы у них была такая возможность¹³. И даже эта цифра, возможно, не вполне отражает того, что наблюдалось бы в отсутствие финансовых и юридических барьеров. Представьте себе, что страну действительно покидает 40% ее населения. Итогом такой миграции станет колоссальная диаспора, наверняка сосредоточенная в нескольких богатых городах. Эти города, население которых имеет радикально более высокий доход, чем столица родной страны мигрантов, с большой вероятностью станут новым культурным ядром общества: молодых людей, оставшихся дома, будут манить к себе другие края.

Экономисты вправе с недоверием относиться к пожеланиям, фиксируемым такими исследованиями, как опрос Гэллапа. Пожелания не обязательно выливаются в реальные поступки. Поэтому представляют интерес редко возникающие естественные ситуации, когда относительно бедное об-

13. Цит. по: Clemens (2011).

щество получает неограниченный доступ в богатую страну. В такой ситуации находится Северный Кипр, имеющий уровень экономического развития, аналогичный турецкому, и поэтому представляющий собой очень бедную страну по европейским стандартам. Однако вследствие сложной политической истории турки-киприоты обладают привилегией на миграцию в Великобританию. Пользуются ли они этой привилегией? Вспомним, что в соответствии с экономической теорией миграции равновесие в таком случае будет невозможно. Поскольку Северный Кипр — страна со средним уровнем дохода, в максимальной степени способствующим миграции, и поскольку она находится относительно недалеко от страны, являющейся целью миграции, то в Великобритании должны быстро нарастать кластеры турецко-киприотской диаспоры, которые, в свою очередь, будут стимулировать миграцию до тех пор, пока Северный Кипр не лишится большей части своего населения. Это очень смелое предсказание, не принимающее во внимание многие потенциально противодействующие факторы. Выдерживает ли оно сравнение с реальностью? К сожалению, британская иммиграционная статистика весьма ущербна, но в 1945 году в Великобритании, по-видимому, насчитывалось всего лишь около 2000 турок-киприотов. Текущий размер британской общины турок-киприотов составляет, по различным оценкам, от 130 тыс. до 300 тыс. человек (последняя цифра — официальная оценка британского Министерства внутренних дел). Между тем число турок-киприотов, живущих на Кипре, сократилось со 102 тыс. человек, по данным переписи 1960 года, приблизительно до 85 тыс. человек в 2001 году. Таким образом, сейчас в Великобритании проживает примерно вдвое больше турок-киприотов,

чем на Кипре. В то время как Кипр не то чтобы совершенно опустел, фигурирующую в опросе Гэлл-па цифру в 40% людей, желающих эмигрировать, нельзя назвать преувеличением. Однако Северный Кипр не утратил всего своего населения: напротив, он сам испытывает массовый наплыв иммигрантов из самой Турции и коренные турки-киприоты стали на Северном Кипре меньшинством.

Факты, свидетельствующие о том, что если бы не различные преграды, бедные общества давно бы обезлюдели, заставляют нас сделать вывод: к лучшему или к худшему, но эти преграды играют важную роль. С точки зрения коренного населения стран, представляющих собой потенциальную цель миграции, сохранение некоторых барьеров, имеющих тенденцию к постепенному повышению, компенсирующему склонность миграции к ускорению, вероятно, следует лишь приветствовать. Только эти барьеры и препятствуют массовому наплыву мигрантов, который, вероятно, приведет к снижению зарплаток и поставит под угрозу взаимное внимание. С точки зрения людей, остающихся в родной стране, массовый и продолжительный исход также вызовет серьезные последствия, о которых пойдет речь в части 4. Однако с позиций утилитарно-универсалистской и либертарианской этики препятствия к миграции представляют собой безусловное бедствие. Они лишают несколько сотен миллионов бедных людей возможности колоссально увеличить свои заработки. Утилитаристы оплакивают снижение благосостояния, которого можно было бы избежать; либертарианцы оплакивают ограничение свободы.

Мигранты: проигравшие

НАСТАЛО время задаться неожиданным вопросом: почему миграция так невыгодна для мигрантов? Ответ состоит в том, что уже мигрировавшие терпят убытки — по крайней мере в экономическом смысле — от последующей миграции. Причина этих убытков заключается в том, что аргумент о конкуренции мигрантов с местной низкооплачиваемой рабочей силой, изученный нами и в основном опровергнутый в главе 4, содержит в себе крупицу истины. Мигранты обычно не вступают в непосредственную конкуренцию с трудящимися из числа коренного населения, поскольку вследствие сочетания неявных знаний, накопленного опыта и дискриминации те имеют серьезные преимущества перед мигрантами. Последние непосредственно конкурируют не с низкоквалифицированными коренными жителями, а друг с другом.

Открытая конкуренция со стороны мигрантов не грозит коренному населению — даже тем его представителям, которые имеют аналогичный уровень образования¹. Преимущества коренных жителей могут состоять в хорошем знании языка или в знакомстве с неявными социальными договоренностями, которые делают их труд более произво-

1. Docquier et al. (2010).

дительным. Кроме того, трудящиеся-иммигранты могут сталкиваться с дискриминацией со стороны нанимателей. В любом случае иммигранты представляют собой отдельную категорию трудящихся. Поэтому дальнейшая иммиграция влечет за собой сокращение заработков у ранее прибывших иммигрантов. Собственно говоря, к этому сводится единственное четко выявленное *существенное* влияние иммиграции на заработки. Как отмечалось в главе 4, последствия иммиграции для заработной платы коренных жителей варьируются от ее незначительного сокращения до скромного прироста. Если бы политику в сфере иммиграции диктовало только влияние последней на заработки, то единственной группой, заинтересованной в ужесточении этой политики, оказались бы сами иммигранты.

Личное поведение иммигрантов явно противоречит этой заинтересованности: как правило, иммигранты посвящают значительные усилия попыткам получить визы для своих родственников. Но два этих интереса нельзя назвать несовместимыми. Иммигрант, организующий воссоединение с родственниками, вознаграждается за это поддержкой со стороны близких людей, ростом престижа и душевным спокойствием, проистекающим из выполнения взятых на себя обязательств. Что же касается роста конкуренции на рынках труда, вызванного прибытием новых мигрантов, то от него страдают прочие иммигранты. По сути, ужесточение иммиграционных ограничений стало бы общественным благом для существующей иммигрантской общины в целом, в то время как каждый отдельный иммигрант заинтересован в том, чтобы помочь иммигрировать своим родственникам.

Заинтересованность уже прибывших в страну иммигрантов в более жестких ограничениях на ми-

грацию, возможно, имеет и другие социальные причины. По мере роста иммигрантской общины в ней может снижаться социальное доверие. Кроме того, размер иммигрантской общины влияет и на отношение коренного населения к иммигрантам: вопреки надеждам на то, что рост числа контактов повышает уровень терпимости, в реальности, судя по всему, происходит обратное. Чем меньше иммигрантов, тем терпимее к ним относится коренное население. Таким образом, нетерпимость как общественное зло, от которого страдает иммигрантская община в целом, непреднамеренно усугубляется индивидуальным поведением всех тех, кто стремится пополнить ряды мигрантов. Рост нетерпимости как следствие этого поведения не принимается во внимание отдельными мигрантами, но может серьезно отразиться на всех мигрантах, вместе взятых.

Так мы приходим к парадоксу миграции. Отдельные мигранты получают огромную выгоду от миграции, обеспечивающей резкий прирост производительности. Однако мигранты в целом заинтересованы именно в том, что является наиболее пагубным в индивидуальном плане: в создании препятствий к миграции.

Мигрантам достается львиная доля прибыли от прироста производительности, вызванного миграцией, и этим очень щедро окупаются первоначальные затраты на переселение. Но не связано ли пребывание в культурно чужеродном окружении с дальнейшими издержками? Как и в случае с чистым воздействием миграции на коренное население, при наличии соответствующих данных мы можем обратиться к такому совокупному критерию экономических выгод и социальных издержек, как счастье. Не все согласны с тем, что счастье — хороший показатель благосостояния. Исследования го-

ворят о том, что при превышении некоего скромного порога дальнейший прирост дохода не порождает устойчивого роста счастья, хотя и дает временный эффект: выигрыш в лотерею приносит ощущение счастья, однако через несколько месяцев это чувство угасает. Если применить эту концепцию к миграции, то получится, что типичный мигрант, попавший из бедной страны в богатую, испытывает чрезмерный прирост дохода, резко превышающий порог счастья. Согласно экономике счастья, первые несколько тысяч долларов приводят к росту счастья, но дальнейшее возрастание доходов уже не оказывает такого эффекта. По превышении этого порога дальнейший рост счастья вызывается социальными факторами: брак, дети, друзья — вот из чего складывается счастье, а не из размера жалованья. Миграция однозначно влияет на эти социальные факторы, но лишь негативным образом. Семьи разделяются; мигранту приходится жить в культурно чужеродном окружении. Он может слушать радиопередачи из родной страны, окружить себя друзьями из диаспоры и ежегодно ездить домой, но каждый лишний день пребывания вдали от родины может делать его все менее счастливым. Счастье, признаваемое как пригодный к использованию показатель качества жизни, удобно для нас тем, что оно учитывает как рост доходов, так и немонетарные психологические издержки, представляя собой чистый итог действия противоположных сил.

Однако счастье не единственная альтернатива доходу как мера благосостояния. Некоторые экономисты предпочитают такой подход, как «шкала жизни»: опрашиваемых просят оценить свою жизнь по десятибалльной шкале, нижняя отметка которой соответствует самой плохой жизни, какую только можно себе представить, а верхняя — самой

хорошей². Такая оценка благосостояния, которую дают сами опрашиваемые, более последовательно повышается по мере роста дохода, и потому совсем не обязателен вывод о том, что прирост дохода, обеспечиваемый миграцией, избыточен в плане повышения благосостояния.

В принципе, и счастье, и «шкалу жизни» можно использовать при рассмотрении вопроса о том, повышает ли миграция благосостояние мигрантов. Существуют многочисленные научные исследования, посвященные оценке этих показателей, но к сожалению, методы, применяемые в этих исследованиях, не отвечают строгим требованиям в смысле надежности результатов. Например, в нескольких работах показано, что мигранты в большинстве своем менее счастливы, чем коренное население принимающих их стран. Но далее нам предлагается поверить, что эти люди могли бы быть более счастливыми, если бы они остались на родине, — хотя нет никаких причин полагать, что до миграции они были столь же счастливы, как и население тех стран, в которые они переселились. Мне известны лишь два исследования, в которых применяются методы, позволяющие избежать подобных ловушек. Обе эти работы являются совсем свежими и еще не опубликованными, из чего следует, что они еще не прошли строгий процесс научного реферирования. Однако, насколько я могу судить, на данный момент у нас нет других научных результатов, полученных с использованием достаточно надежных международных данных по этому интригующему вопросу.

В первой из этих работ изучается миграция из Тонга в Новую Зеландию³. Материал для этого ис-

2. Deaton et al. (2009).

3. Stillman et al. (2012).

следования дала учрежденная новозеландским правительством система въезда в страну, известная как «Тихоокеанская визовая категория» (*Pacific Access Category*). Главная особенность этой системы состоит в том, что она представляет собой лотерею: выдача виз претендентам из Тонга производится случайным образом. Это обстоятельство чрезвычайно удобно для исследователей. Сочетая его с некоторыми хитрыми процедурами, они смогли избежать ловушек, в которые попадали авторы других работ. Поскольку выигрыш в лотерее является следствием случайности, то победители в лотерее как группа не должны слишком отличаться от проигравших. Соответственно, мы можем сравнить положение победителей, воспользовавшихся своими визами, с положением проигравших, после чего выявленные между ними различия могут быть с достаточными основаниями приписаны факту миграции победителей. Тонга — довольно типичная бедная страна, имеющая ежегодный доход примерно в 3700 долларов на душу населения, в то время как в Новой Зеландии эта величина превышает 27 тыс. долларов. Таким образом, победившие в миграционной лотерее метафорически являются победителями и в финансовой лотерее. Неудивительно, что это подтверждается и цифрами: в течение четырех лет после прибытия на новое место доход победителей в лотерее вырастает почти на 400%. Однако данная работа интересна тем, что результаты миграции в ней тщательно оцениваются и с точки зрения счастья, и с точки зрения «шкалы жизни». Через год после переезда ни тот ни другой показатель не демонстрируют существенных изменений. Через четыре года влияние миграции по-прежнему не сказывается на оценке по «шкале жизни», однако ми-

гранты становятся заметно менее счастливыми — на 0,8 балла по пятибалльной шкале⁴.

Перед тем как переходить к следствиям, вытекающим из этого исследования, позволю себе упомянуть другую работу, посвященную индийцам, перебирающимся из сел в города. В этой работе также изучается, каким образом изменяется благосостояние мигрантов по сравнению с почти идентичной группой людей, оставшихся дома⁵. С этой целью произведенная мигрантами оценка своего нынешнего и прежнего благосостояния сопоставляется с тем, как оценивают свое благосостояние их родные, не покинувшие родного села. Выборка составлена таким образом, что в эту группу попадают те, чья жизнь с момента миграции их домохозяев не изменилась. При всей безупречности такого подхода, вполне уместного при изучении миграции в пределах Индии, его отнюдь нельзя назвать идеальным инструментом для исследования международной миграции, влекущей за собой более серьезные изменения в плане дохода и культурного окружения. Однако он может в известной степени указать на то, каких последствий нам следует ожидать. Как и в случае миграции из Тонга в Новую Зеландию, переселение из индийских сел в города сопровождается существенным увеличением дохода. Потребление в среднем возрастает примерно на 22%. Разумеется, это намного меньше того приращения, которое дает международная

4. Стиллмен и его коллеги задействовали ряд других, нестандартных, психологических показателей — таких как «душевное спокойствие», — и с их учетом выяснилось, что миграция благотворно воздействует на душевное состояние.

5. Dercon et al. (2013).

миграция, но даже 22-процентная прибавка к ничтожным доходам сельских жителей должна вести к росту благосостояния людей, оцениваемого по «шкале жизни», которая использовалась в данной работе. Миграция обоих типов связана с определенным отрывом от прежней социальной среды, но подобно тому, как переезд из деревни в город, находящийся в той же самой бедной стране, дает намного меньший прирост дохода, чем переезд из той же самой деревни в город, расположенный в богатой стране, так и социальный отрыв в первом случае будет не столь заметным. Индиец, переселяющийся из деревни в город, испытывает шок от столкновения с городской жизнью и расставания с семьей, но его не ждет существование среди чужеродной культуры. Соответственно, если не утверждать, что данный случай может быть экстраполирован на международную миграцию, его можно использовать в качестве промежуточного пункта. Как и при изучении тонганской миграции, данная работа приходит к тому, что мигранты помещают себя на «шкале жизни» не выше, чем их родственники, оставшиеся дома. За рост дохода они расплачиваются культурным отрывом, выражающимся в сильной ностальгии по своей прежней сельской жизни. Таким образом, эта миграция влечет за собой значительные скрытые издержки, компенсирующие несомненный прирост дохода.

Насколько я могу судить, на данный момент это все, что нам дают тщательные исследования, посвященные влиянию миграции из бедной в более зажиточную среду на качество жизни. Как и в случае с влиянием миграции на счастье коренного населения, с учетом значения данного вопроса этого для нас абсолютно недостаточно. Характерно, что данные работы не дают нам возможности сделать

какие-либо уверенные выводы. С другой стороны, они не позволяют нам и отмахнуться от этих выводов просто потому, что те противоречат нашим предрассудкам. Вспомним важный призыв, прозвучавший у Джонатана Хайдта и Дэниэла Канемана: не позволяйте своим моральным пристрастиям брать верх над аккуратными и продуманными рассуждениями.

Осторожный вывод, к которому нас приводят эти исследования, сводится к тому, что мигранты несут серьезные психологические издержки, в целом соизмеримые с получаемой ими экономической выгодой. Может показаться, что из этого вывода вытекают далеко идущие следствия. Обеспечиваемый миграцией громадный прирост производительности, так восхищающий экономистов и достающийся мигрантам, по-видимому, не выливается в повышение благосостояния. Миграция не дает ожидаемых «бесплатных завтраков», или, точнее, эти «бесплатные завтраки» оборачиваются несварением. Но эти следствия сами по себе нуждаются в оговорках. Даже если выяснится, что психологические издержки миграции в целом соответствуют этим предварительным исследованиям, в конечном счете миграция все же может повышать благосостояние. В случае миграции из села в город в пределах одной страны разумно предположить, что дети мигрантов вырастут, не испытывая той ностальгии, от которой страдают их родители: ведь для них родиной будет город. Второе и последующие поколения мигрантов не только будут иметь более высокий доход, чем в том случае, если бы их предки остались в деревне; поскольку сами они не несут психологических издержек, компенсирующих рост дохода, то вдобавок они будут более счастливы, чем были бы в том случае, если бы

их родители не решились на переселение. Таким образом, миграция из села в город соответствует представлению XIX века о том, что мигранты меняют место жительства не ради себя, а ради своих детей. Урбанизация необходима для создания условий, дающих возможность массового избавления от нищеты. Пусть мигранты несут колоссальные психологические издержки, сводящие на нет весь прирост дохода, но эти издержки представляют собой неизбежную цену прогресса и потому имеют статус инвестиции.

Однако в случае международной миграции из бедных стран в богатые как прирост дохода, так и культурный отрыв оказываются на порядок выше, чем в случае миграции из села в город. Сколько поколений мигрантов несет психологические издержки, зависит от того, ощущают ли следующие поколения мигрантов новое место жительства своей родиной или по-прежнему испытывают чувство оторванности. В то время как издержки миграции из села в город почти наверняка станут уделом лишь первого поколения мигрантов, в некоторых ситуациях потомки мигрантов могут по-прежнему ощущать отчужденность. В наихудшем варианте дальнейшие психологические издержки будут компенсировать выгоды миграции в течение нескольких поколений: в этом случае миграция станет не инвестицией, а ошибкой.

Часть IV
Оставшиеся дома

Политические последствия миграции

ЦЕЛЬЮ моих исследований в первую очередь служили страны, по большей части оставшиеся в стороне от роста глобального процветания — речь идет о странах нижнего миллиарда. Первоначальной мотивацией к написанию данной книги служило стремление ответить на вопрос, какое значение имеет миграция для этих стран — то есть каким образом она сказывается не на самих мигрантах, а на тех, кого они покидают. При любом подсчете общих выгод и издержек миграции мы должны уделить серьезное внимание ее влиянию на тот миллиард человек, которые остаются жить в странах, десятилетиями не дававших серьезных надежд на избавление от бедности.

Чудо экономического процветания в первую очередь связано с *социальными моделями*: теми удачными сочетаниями институтов, идей, норм и организаций, которые начиная с XVIII века избавили сперва Великобританию, а затем и многие другие страны от бедности, преследовавшей их тысячелетиями. В конечном счете влияние миграции на условия существования нижнего миллиарда зависит от того, как она воздействует на социальные модели, преобладающие в этих странах. Принципиальным аспектом социальной модели, как недавно подчеркивали Асемоглу и Робинсон (Acemoglu and Robinson 2011), является переход политической власти от хищниче-

ских элит к более инклюзивному правительству, наделяющий влиянием более производительные слои. Таким образом, в первой главе данной части книги речь пойдет о влиянии миграции на политику родных стран мигрантов, а не о более популярной проблеме «утечки мозгов» и возмещения издержек, которая будет рассмотрена в следующей главе.

Порождает ли миграция повышенные требования к управлению страной

На Фиджи эмигрантами становятся в первую очередь представители индийского этнического меньшинства. В этом проявляется один из типичных политических эффектов миграции: меньшинства более склонны к эмиграции, чем большинство. В свою очередь, он сказывается на политической экономии родной страны мигрантов в нескольких важных отношениях. Если люди могут спастись от дискриминации и гонений, то это может уменьшить привлекательность подобной порочной, но заманчивой стратегии в глазах репрессивных властей. Предоставляя меньшинствам альтернативу, возможность миграции тем самым повышает их способность к торгу и снижает необходимость отъезда. Однако некоторые правительства действительно стремятся к тому, чтобы изгнать меньшинства из страны, и в этом случае миграция может стимулировать их к проведению дискриминационной политики. Помимо влияния на политику властей по отношению к меньшинствам, эмиграция меньшинств постепенно изменяет состав общества. Как это влияет на остающихся, зависит от того, каким образом общество отвечает на проблему разнообразия. Та же миграция, которая повышает социальное разнообразие,

разие в странах, принимающих мигрантов, снижает его в их родных странах. Таким образом, какими бы ни были следствия роста разнообразия в принимающих обществах, в родных странах мигрантов они наверняка окажутся противоположными.

В то время как непропорционально активная эмиграция меньшинств может повлечь за собой политические издержки или выгоды для остающихся, более важные следствия, скорее всего, будут определяться политическим поведением диаспоры. Пусть диаспора является скрытым активом, но власти многих стран, служащих источником диаспор, относятся к их существованию как к скрытой угрозе. Диаспора представляет собой питательную почву для политической оппозиции: диссиденты могут найти там убежище, диаспора может собирать деньги на поддержку оппозиционных партий, а ее идеи и подаваемый ею пример могут приобретать большое влияние.

Многим диаспорам действительно следовало бы создавать угрозу для властей их родных стран. В конце концов многие страны остаются чрезвычайно бедными главным образом потому, что в них отсутствуют функционирующие демократические институты, включая подотчетность перед электоратом, уважение к правам меньшинств и личности, правление закона, а также систему сдержек и противовесов, препятствующую установлению авторитарной власти. Многие государства, имеющие видимость настоящей демократии, включая проведение состязательных выборов и наличие политических партий, в реальности являются ее имитацией. В результате эти страны не могут избавиться от дурного управления. Пожив в богатой стране, мигранты начинают понимать, как выглядит приличная власть, видят, что в их родной стране такой власти нет, и начинают выступать за перемены. На мой взгляд,

главная проблема миграции сводится к тому, насколько эффективны эти выступления. Однако поставить этот вопрос легче, чем ответить на него.

Сущность этой проблемы уловил Альберт Хиршман в своей знаменитой работе, посвященной анализу экономического развития. По его мнению, тем, кто страдает от дурного управления, остается «либо возвышать голос, либо уезжать»¹. У них имеются две возможности — протестовать или убраться. Миграция представляет собой крайнее выражение последнего варианта, и потому она непосредственно ослабляет голос протеста — внутренние проявления оппозиции дурному управлению. Однако в то же самое время политически ангажированная диаспора может сделать этот притихший голос более громким.

Когда речь заходит о прямых последствиях отъезда из страны, обычно считается, что эмиграция талантливой молодежи становится для дурных режимов предохранительным клапаном: те, кто остается, по самой своей природе более склонны к покорности. Пусть диаспора рвет и мечет, но дурной режим во многих случаях может спокойно игнорировать ее или даже выставлять козлом отпущения. Возможный пример предохранительного клапана нам дает Зимбабве: около миллиона зимбабвийцев сбежало в ЮАР из-за невыносимой ситуации, сложившейся в стране по вине режима Мугабе. Находясь в ЮАР, эти люди не имеют серьезных возможностей для влияния ни на политическую ситуацию в Зимбабве, ни на отношение правительства и народа ЮАР к президенту Мугабе. Вполне возможно, что если бы они остались в Зимбабве, то справиться с исходящими от них многочисленными и громкими

1. Hirschman (1990).

изъявлениями крайнего недовольства стало бы непосильной задачей для репрессивных сил режима.

Поэтому совершенствование управления играет принципиально важную роль в плане надежд оставшихся в стране людей на процветание. Миграция оказывает как положительное, так и отрицательное воздействие на управление государством, и потому надежная оценка всех плюсов и минусов имеет решающее значение при рассмотрении общего вопроса о влиянии миграции на родную страну мигрантов. Обратившись к обширной формально-экономической литературе, посвященной миграции, я с изумлением обнаружил, что эта конкретная тема представляет собой в буквальном смысле *terra incognita*, и потому мною были предприняты серьезные изыскания в попытке найти достоверные результаты исследований. Должен признаться, что теперь мне ясно, почему серьезные специалисты избегают этого вопроса: с учетом имеющихся у нас данных ответ на него представляется почти невозможным.

Суть проблемы вкратце сводится к следующему. Управление государством — достаточно скользкое понятие. Разумом мы способны отличить хорошее управление от дурного, однако более мелкие градации с трудом поддаются измерению. Несмотря на существование нескольких баз данных, призванных помочь в оценке различных аспектов управления, среди этих данных почти нет длительных временных последовательностей, которые бы имели широкий географический охват. Более того, миграция может самым разным образом воздействовать на управление странами, являющимися ее источниками, и потому недостаточно изучить лишь один или два из этих типов воздействия; они важны в своей совокупности. Однако самую острую проблему составляет вопрос о том, где здесь кури-

ца, а где — яйцо. В то время как миграция может влиять на качество управления, качество управления влияет на миграцию самым несомненным образом. Дурно управляемая страна наверняка превратится в мощный источник эмиграции: люди, лишенные права голоса на выборах, голосуют ногами. Дополнительную путаницу порождает то обстоятельство, что многие свойства общества влияют и на миграцию, и на управление им. Бедность становится причиной для эмиграции, и она же затрудняет управление страной. Поэтому простая эмпирическая связь между миграцией и управлением не поддается интерпретации. Миграция ли вызывает деградацию управления, дурное ли управление выгоняет людей из страны или же причиной того и другого служит бедность? Экономисты нередко сталкиваются с такими ситуациями, и в принципе данная задача имеет решение. Однако оно может быть получено лишь в том случае, если нам удастся найти какой-либо фактор, однозначно влияющий на миграцию, но не связанный с управлением. К сожалению, на управление в потенциале способно влиять столь многое, что на практике этот подход еще не дал ни одного убедительного результата.

Впрочем, недавно исследователи сделали первый шаг. Изучать проблему можно как на макро-, так и на микроуровне. Макроанализ предполагает рассмотрение данных на уровне страны с целью сравнения ситуации в разных странах и в разные моменты времени. Микроанализ требует проведения хитрых экспериментов, в рамках которых простые люди участвуют в изучении конкретных путей возможного влияния миграции. В конечном счете рассматриваемые нами вопросы относятся к макроуровню, но наиболее надежным подходом в настоящее время служит микроанализ.

Макроанализ до сих пор пребывает в младенчестве и, возможно, уже не выйдет из него. С давних пор для оценки управления используется степень демократичности страны, ежегодно измеряемая во многих странах. Степень демократичности лишь очень приближенно соотносится с качеством управления: люди, находящиеся у власти, нередко бывают способны манипулировать выборами таким образом, который позволяет им без всякого риска придать своему режиму видимость легитимности. Бывает и так, что избирателям просто не из кого выбирать, настолько все политики страны развращены коррупцией. Китай, в котором не проводятся выборы, управляется лучше, чем Демократическая Республика Конго, которая, несмотря на свое название и состязательные выборы, страдает от коррумпированного и неэффективного управления. Тем не менее при прочих равных условиях чем больше демократии, тем, как правило, лучше. Анализ демократии явно страдает от тех же проблем, что и прочие аспекты управления. Однако согласно наилучшим из имеющихся у нас образцов макроанализа чистый эффект миграции носит неоднозначный характер, находясь в зависимости от ее состава и масштаба «утечки мозгов»². Миграция неквалифицированной рабочей силы явно делает страну несколько более демократичной. Но при этом тенденции, присущие миграционной политике богатых стран, делают более злободневным вопросом миграцию квалифицированных трудящихся. К несчастью, эмиграция квалифицированной рабочей силы в потенциале способна обернуться двумя взаимно противоположными последствиями в плане борьбы за демократию. Несмотря на то что мигра-

2. Docquier et al. (2011); Beine and Sekkat (2011).

ция влечет за собой возникновение диаспоры, оказывающей внешнее давление на режим, она может привести к тому, что в стране не останется образованных людей. А это важно, потому что чем больше доля образованного населения, тем больший вес имеет движение за демократию. Там, где преобладает «утечка мозгов» — а к сожалению, именно это происходит в большинстве небольших бедных стран, — она приводит к ослаблению внутреннего давления на власть со стороны образованного населения, несмотря на внешнее давление, оказываемое мигрантами, требующими политических реформ. Исследователи пока что не смогли решить эту дилемму: макроподход оставляет нас в потемках.

Микроанализ тоже еще не вышел из колыбели, но он развивается. Насколько мне известно, авторами первых серьезных экспериментов в этой области стали мои коллеги Педро Висенте и Катя Батиста. Петро, изучая вопрос об управлении, в качестве места для проведения полевых исследований выбрал два маленьких островных государства, прежде являвшихся португальскими колониями, — Кабо-Верде и Сан-Томе. Некоторые интересные работы Педро освещались мной в «Ограбленной планете». Между тем его жена Катя изучала влияние миграции на рынки труда. Я предложил им объединить усилия и совместно исследовать влияние миграции на управление. Собственно, Кабо-Верде можно считать идеальным местом для соответствующего полевого эксперимента, поскольку эта страна отличается самыми высокими в Африке темпами миграции. Педро и Катя воспользовались моим советом, получив очень поучительные результаты³. Идея состояла в том, чтобы выяснить, приводит ли

3. Batista and Vicente (2011).

знакомство с демократическими идеями, происходящее благодаря миграции, к усилению движения за политическую подотчетность. Исследования показали, что такие идеи, дающие людям шанс высказаться в пользу более достойной власти, делают домохозяйства, в которых имеются мигранты, более склонными к участию в этом движении. Можно возразить, что опыт такого маленького островного государства, как Кабо-Верде, еще ни о чем не говорит, но то же самое вовлечение населения в политику под воздействием мигрантов недавно было продемонстрировано на примере Мексики⁴. Как мигранты влияют на политическое поведение своих семей, оставшихся на родине? В этом нет ничего таинственного, но исследователи в настоящее время изучают этот процесс. Во время сенегальских выборов 2012 года был проведен опрос сенегальских иммигрантов, проживающих в США и во Франции. Выяснилось, что посредством ежедневных или еженедельных телефонных звонков большинство этих иммигрантов призывали своих родственников принять участие в голосовании, а почти половина давала советы о том, за кого голосовать⁵.

В то время как Педро и Катя изучали влияние со стороны мигрантов, находящихся за рубежом, другими авторами исследовалась роль мигрантов, вернувшихся в родную страну. В этом отношении к особенно убедительным выводам пришли мои коллеги Лиза Шове и Марион Мерсье. Они рассматривали данный вопрос на примере Мали⁶. Эта страна может показаться образцом небольшого отдаленного государства, однако в 2012 году по причине ряда

4. Pérez-Armendariz and Crow (2010).

5. Dedieu et al. (2012).

6. Chauvet and Mercier (2012).

все более катастрофических событий в ее политической жизни она попала на первые страницы международной прессы. В последние дни перед крахом своего режима полковник Каддафи взял на службу наемников из числа северомалийских кочевников. В Ливии скопилось огромное количество современного оружия, более чем достойного своей цены, и эти наемники смогли разграбить его запасы после падения режима. В качестве наемников они не испытывали особого желания сражаться за Каддафи, однако в Мали они ощущали много давних обид, усугублявшихся сепаратистскими чаяниями, — и это превосходное оружие пришлось им очень кстати. Между повстанцами и властью стояла только малийская армия. Она находилась под демократическим контролем: власть в Мали принадлежала устоявшемуся демократическому режиму. Более того, он был настолько демократическим, что действующий президент решил уйти в отставку; таким образом, вторжение повстанцев совпало с кануном выборов и бездействием со стороны президента. Спонсоры предъявляли Мали стандартное требование сократить военные расходы, и в то время как в распоряжении повстанцев имелась вся военная техника, какую только удалось заполучить опьяненному властью, разбогатевшему на нефти военному диктатору, малийская армия находилась в плачевном состоянии. Армия требовала от президента увеличить военный бюджет, но президент не спешил идти ей навстречу. Перед лицом неминуемого военного поражения армия взбунтовалась и свергла правительство. Поскольку международное сообщество немедленно подвергло Мали остракизму, военная ситуация от этого не улучшилась, но страна оказалась ввергнута в политический хаос: юг Мали наводнили беженцы, спасавшиеся от повстанцев. Вожди пере-

ворота были готовы поделиться властью, но с кем? Между тем повстанческое движение взяли под свой контроль проникшие в него боевики из «Аль-Каиды», почуявшие многообещающую возможность создать на территории страны террористический анклав. Сейчас, когда я пишу эти строки, французское правительство по просьбе малийского режима активно вмешалось в события и требует от путчистов, чтобы они вернули власть гражданскому правительству. Таким образом, малийская политика неожиданно оказалась в центре мирового внимания.

Лиза и Марион попытались выяснить, повлияло ли соприкосновение эмигрантов с политикой на их участие в политической жизни и электоральное поведение после возвращения на родину; или, выражаясь конкретно, участвовали ли эти люди в выборах? В ходе исследования были выявлены три момента, различающиеся с точки зрения их практического значения. Первый, наименее важный: эмигранты, вернувшиеся на родину, проявляют существенно большую склонность к голосованию, чем те, кто не был в эмиграции. Более важно то, что последние подражают поведению бывших эмигрантов. Те, кто живет рядом с бывшими эмигрантами, тоже более склонны к участию в выборах. Отметим, что эти люди не просто заявляли в ходе опроса о том, что ходили на выборы. Экономисты с подозрением относятся к информации, исходящей от опрашиваемых, поскольку она может страдать необъективностью. Но в данном случае более высокую явку избирателей подтверждало и число поданных голосов. И, наконец, самый замечательный момент: поведению вернувшихся эмигрантов в наибольшей степени подражали малообразованные. И это действительно внушает оптимизм. Вернувшиеся эмигранты не только привезли на родину новые нормы демократическо-

го участия, которым они обучились в богатых странах, но и стали катализатором изменений в среде малообразованных людей, до которых обычно труднее всего достучаться. Но не является ли Мали исключением? Точно такой же результат был получен в ходе совсем свежего исследования, проведенного в Молдавии⁷. Кроме того, в новейших работах показывается, что свою роль играет и то, где именно мигранты ознакомились с иностранными политическими нормами. Чем лучше управляется и чем более демократично общество, принимающее мигрантов, тем более заметно заимствование демократических норм: Франция и США более эффективны в качестве рассадников демократии, чем Россия и Африка.

Эти свежие факты в какой-то мере дают нам материал для ответа на потенциально самый важный вопрос, связанный с миграцией. Несмотря на ту пользу, которую получают от нее сами мигранты, она сможет сыграть по-настоящему важную роль в борьбе с глобальной бедностью, если ускорит преобразования в родных странах мигрантов. В свою очередь, эти преобразования в принципе представляют собой политический и социальный, а не экономический процесс. Поэтому потенциальная способность миграции влиять на политический процесс в родных странах мигрантов действительно весьма важна. Данные исследования являются лишь первым шагом. Политические ценности входят составной частью в более обширный набор ценностей, связанных с отношениями между членами общества, который, как отмечалось в части 2, весьма различается между странами, принимающими миграцию, и странами, служащими ее источниками. В среднем социальные нормы богатых стран в большей сте-

7. Mahmoud et al. (2012).

пени способствуют процветанию, и потому в этом узком, но важном смысле слова их можно назвать более совершенными. В конце концов мигрантов манит перспектива более высокого дохода. Но можно ли сказать, что функциональные социальные нормы проникают в родные страны мигрантов точно так же, как нормы демократического политического участия? В новой работе, посвященной предпочтениям в плане фертильности, делается именно этот вывод. Желаемый размер семьи представляет собой одно из резких социальных различий между богатыми и бедными обществами. Опыт жизни в богатом обществе не только приводит к сокращению предпочтительного размера семьи у самих мигрантов, но и порождает аналогичные настроения у них на родине⁸. Несомненно, для этого полезного процесса насаждения норм требуется, чтобы сами мигранты усваивали новые нормы благодаря достаточной интеграции в принимающее их общество.

Но даже если может показаться, что дурная власть вполне заслуженно подвергается нападкам со стороны недовольной диаспоры, не всякое давление, оказываемое диаспорой, приносит пользу. Собственно, власти нередко относятся к диаспорам как к рассаднику экстремистской политической оппозиции, подливающей топлива в огонь конфликта. Эти страхи не то чтобы являются совершенно необоснованными: непропорционально большую долю диаспоры составляют этнические меньшинства, подвергавшиеся гонениям на родине и не забывшие прежних обид. В худшем случае диаспора может в значительной мере утратить контакт с текущими реалиями в своей родной стране, но по-прежнему лелеять недовольство ситуацией прежних дней,

8. Beine et al. (forthcoming).

выстраивая на нем уникальную идентичность в обществе, давшем ей прибежище. В такой ситуации диаспора зачастую оказывает финансовое и иное содействие самым экстремистским элементам в своей родной стране, усматривая в их действиях солидарность со своей мнимой идентичностью. Вопиющий пример такого явления представляет собой поддержка, оказываемая тамильской диаспорой в Северной Америке и Европе сепаратистскому движению тамиллов на Шри-Ланке. При отсутствии этой поддержки положение шри-ланкийских тамиллов наверняка было бы более терпимым. Существование надежного пристанища, дающего защиту от тиранической власти, тоже не всегда можно назвать однозначно полезным. Царский режим в дореволюционной России представлял собой воплощение дурного управления, но возвращение Ленина из безопасного убежища в Швейцарии прервало процесс, который, возможно, привел бы к установлению демократии. Также и возвращение аятоллы Хомейни из французской ссылки в Иран отнюдь не возвестило в этой стране эпоху радости и счастья. В то время как в подобных исключительных случаях власти испытывают справедливые страхи в отношении диаспоры, гораздо чаще политика давления на нее основывается главным образом на недовольстве ее успехами. Например, правительство такой страны, как Гаити, чья диаспора представляет собой огромный потенциальный актив, отказывает мигрантам в праве на двойное гражданство. Власти очень медленно осознают необходимость управлять этим активом так же осторожно, как и традиционными суверенными фондами. Диаспора обладает намного более высоким потенциалом: если для бедной страны не имеет особого смысла размещать за рубежом крупный финансовый капитал на условиях ничтож-

ных процентных ставок, то она неизбежно будет обладать обширными зарубежными запасами человеческого капитала, и потому должна иметь планы по его разумному использованию.

Диаспора как актив приобретает особое значение в постконфликтных ситуациях, складывающихся после окончания гражданских войн. Как правило, гражданские войны продолжаются много лет, приводя к изгнанию образованной молодежи. Миграцию подпитывают политическая нестабильность и религиозные разногласия⁹. Кроме того, из страны бежит богатство, чтобы не быть уничтоженным. Поэтому на постконфликтном этапе значительная часть человеческого и финансового капитала страны находится за рубежом. Задача состоит в том, чтобы вернуть его обратно, причем оба эти вида капитала связаны друг с другом: если будут возвращаться люди, то они наверняка захватят с собой свои средства, чтобы строить жилье и налаживать бизнес. Нехватка квалифицированной рабочей силы в постконфликтных ситуациях иногда приобретает пугающие масштабы. Например, во время кровавого правления Иди Амина в Уганде, когда было убито около полумиллиона человек, мишенью репрессий систематически становились образованные люди. Одним из приоритетов в постконфликтной Уганде являлось восстановление системы высшего образования. Поиск в рядах угандийской диаспоры выявил в одном только Южно-Тихоокеанском регионе 47 человек с докторской степенью. Одного из них уговорили вернуться на родину и возглавить первый в стране мозговой центр.

Как свидетельствует пример Уганды, власти родной страны мигрантов обладают некоторыми воз-

9. Docquier et al. (2007).

возможностями к тому, чтобы добиться их возвращения. Кроме того, содействие восстановлению страны после завершения конфликта могут оказать и государства, принимающие мигрантов, проводя соответствующую миграционную политику. Богатые страны откровенно заинтересованы в успешном преодолении последствий конфликтов: в последние десятилетия с этой целью ими выделялись огромные средства. Согласно исторической статистике, почти половина постконфликтных ситуаций была отмечена вспышками насилия, и потому проведение соответствующей миграционной политики, способной принести пользу в этом отношении, может быть вполне разумной мерой. Однако, если ограничить иммиграцию из данной страны после восстановления в ней мира, не исключено, что люди, бежавшие из нее во время конфликта, проявят меньше склонности к возвращению, не зная, удастся ли им снова уехать в случае необходимости. Осуществление миграционной политики, которая будет полезна в постконфликтной ситуации, следует начинать еще во время конфликта. Как с точки зрения гуманности, так и ради сохранения человеческого капитала данной страны миграционная политика во время конфликта должна быть исключительно радушной. На это время следует отказаться от традиционных критериев выдачи виз на основе квалификации и родственных связей в пользу критериев, основанных на потребностях людей и их правах. Однако право проживания в стране, принимающей мигрантов, может действовать только до окончания конфликта. Если после восстановления мира мигранты будут лишены этого права, то это повысит их психологическую и социальную готовность к возвращению на родину: например, они будут посылать домой больше денег. После

утраты права на проживание в принимающей стране возвращение мигрантов будет сопровождаться крупномасштабным притоком квалифицированной рабочей силы и финансовых средств в постконфликтное общество.

Увеличивает ли эмиграция число способных вождей

Влияние миграции на качество управления может принимать форму как политического давления, так и увеличения численности способных и мотивированных людей. Небольшие бедные общества в результате эмиграции теряют образованные кадры¹⁰. Бывает так, что отбытие ценных талантов наносит сильный удар по публичной политике страны. Однако возвращение нескольких ключевых фигур, набравшихся за границей важного опыта, может, напротив, оказаться очень полезным. По самой природе жизненного выбора неизвестно, не вышли бы из людей, уехавших из родной страны, хорошие лидеры. Если говорить о конкретных примерах, то в первую очередь я бы назвал Тиджана Тиаму, бывшего министра экономического развития Кот-д'Ивуара, бежавшего из страны в результате переворота. Оказавшись в Великобритании, он проявил поистине исключительный талант, сумев преодолеть жестокую конкуренцию в сфере международного бизнеса и стать исполнительным директором крупнейшей в Европе страховой компании.

Но при наличии таких вероятных случаев утраты крупных лидеров намного поразительнее то,

10. Факты, подтверждающие это, будут рассмотрены в следующей главе.

что непропорционально много компетентных президентов, министров финансов и директоров центральных банков в маленьких и бедных странах долгое время жило за рубежом в качестве студентов или переселившихся на постоянное место жительства. Приобретенный за границей ценный опыт поставили на службу родине либерийский президент Серлиф, лауреат Нобелевской премии; Конде, первый демократически избранный президент Гвинеи; президент Уттара, опытный технократ, восстанавливающий Кот-д'Ивуар; а также пользующийся большим уважением нигерийский министр финансов д-р Оконджо-Ивеала. В целом по состоянию на 1990 год за границей обучалось более двух третей глав правительств развивающихся стран¹¹. С учетом такой поразительно высокой доли бывших мигрантов в руководстве маленьких бедных стран чистый эффект миграции окажется однозначно положительным: благодаря миграции эти страны приобрели более образованных вождей.

Это обстоятельство ставит перед нами новый вопрос: насколько важно образование для вождей? Президент Мугабе во время борьбы за независимость приобрел несколько ученых степеней, и его кабинет тоже отличается хорошим образованием, но это не предотвратило безобразного управления страной. Однако представляется, что Зимбабве в этом отношении является исключением. Тимоти Бесли, Хосе Г. Монтальво и Марта Рейнал-Квероль, пытавшиеся выяснить, влияет ли образование на качество управления, пришли к выводу об однозначном существовании такого влияния, приносящего весьма заметную пользу¹².

11. Spilimbergo (2009).

12. Besley et al. (2011).

Поэтому следует ожидать, что если эмиграция уже образованных людей оказывает неоднозначное воздействие на политическую жизнь страны, то эмиграция с целью получения образования должна быть полезной. Это убедительно подтверждается в недавней работе Антонио Спилимберго¹³. Используя собранную ЮНЕСКО глобальную базу данных по студентам, обучавшимся за границей после 1950 года, он проанализировал связь между знакомством студентов с политическим режимом тех стран, в которых они учились, и последующей политической эволюцией их родных стран. Выяснилось, что обучение за границей влечет за собой долгосрочные последствия, совершенно непропорциональные численности учащихся: очевидно, студенты, получившие образование за рубежом, становились влиятельными фигурами у себя на родине. Однако значение имеет не обучение как таковое: студенты, учившиеся в недемократических странах, не становились решительными сторонниками демократии. Чем более демократичной была принимающая их страна, тем активнее они впоследствии выступали за демократию. Конкретный механизм этого влияния остается невыясненным, но Спилимберго предполагает, что причина может быть связана с личной идентичностью. Акерлоф и Крэнтон, авторы исследования, упоминавшегося в главе 2, полагают, что если служащие эффективной фирмы зачастую идентифицируют себя со своей организацией, то, возможно, и обучение в демократической стране внушает человеку ощущение принадлежности к международному демократическому сообществу¹⁴. В ходе обучения студентам приходится

13. Spilimbergo (2009).

14. Akerlof and Kranton (2011), ch. 8.

перестраивать свои нормы в соответствии со стандартами демократического общества, а затем они возвращаются с этими нормами домой.

Если образование повышает качество руководства, а образование, полученное в богатых демократиях, прививает студентам из бедных стран демократические политические ценности, то следует ожидать, что образование, полученное будущим лидером в богатой демократической стране, вдвойне повысит качество его работы во главе государства: он не только будет образован, но и проникнется демократическими ценностями. Это конкретная и в принципе проверяемая гипотеза; она всего лишь требует кропотливого сбора данных, в ходе которого придется перерывать биографические данные по сотням лидеров. К счастью, факты, подтверждающие эту гипотезу, у нас есть: их нашла Марион Мерсье¹⁵.

Таким образом, сложив все вместе, в отношении типичной страны нижнего миллиарда мы получим, что, хотя миграция в целом приводит к истощению образованных кадров, она позволяет обществу действовать на важнейших государственных должностях обучавшихся за рубежом студентов и других бывших мигрантов, а это, в свою очередь, существенно повышает качество управления.

Но если посредством внешнего давления и отбора лидеров миграция положительным образом сказывается на управлении страной, то влияние этого, далеко не единственного фактора не следует преувеличивать. Чрезмерное значение, которое приписывалось политизированной диаспоре, было одной из принципиальных ошибок, совершенных в отношении Ирака после его оккупации. Двумя африканскими странами с самыми большими диа-

15. Mercier (2012).

спорами являются Кабо-Верде и Эритрея. Обе эти страны отличаются идущей уже много десятилетий крупномасштабной эмиграцией на Запад, особенно в США. Обе поддерживают тесные связи со своей диаспорой: правительство Кабо-Верде периодически посещает Бостон, в котором существует, вероятно, самая большая община кабовердианцев в мире, а руководители Эритреи столь же регулярно наносят визиты эритрейцам, осевшим в Вашингтоне. Тем не менее в отношении управления Кабо-Верде и Эритрея — это два разных мира. Кабо-Верде регулярно занимает первые места по Индексу Мо Ибрагима — всеобъемлющей рейтинговой системе, используемой африканцами: в 2011 году президент Кабо-Верде, ушедший в отставку, получил приз Мо Ибрагима в размере 5 млн долларов. Эритрея столь же регулярно занимает в этом индексе последние места: в этой стране с крайне авторитарным режимом вся власть сосредоточена в руках президента, а эритрейская молодежь мечтает об эмиграции, но вместо этого в массовом порядке призывается в армию¹⁶. Если такие широкие связи с американской диаспорой могут сосуществовать с двумя диаметрально противоположными стилями управления, то, возможно, миграция — не такое уж мощное орудие перемен.

16. Яркое описание этой малоизвестной страны можно найти в книге: Michaela Wrong, *I Didn't Do It for You* (2006).

Экономические последствия миграции

В ДОПОЛНЕНИЕ к косвенному политическому влиянию на тех, кто остался дома, миграция оказывает на них непосредственное экономическое воздействие. Чаще всего для его описания используется выражение «утечка мозгов»: эмиграция лишает общество самых способных, самых амбициозных и самых образованных его членов. Однако следует остерегаться преждевременного употребления ярлыков, имеющих столь серьезную нормативную силу. Разговор об «утечке мозгов» способен помешать рассмотрению вопроса о том, можно ли назвать эмиграцию талантов явлением, в целом вредным для общества.

Вредна ли «утечка мозгов»

На первый взгляд по этому вопросу не может быть двух мнений: самые талантливые люди представляют собой актив своего общества. Несмотря на то что основная доля доходов от таланта достается самим талантливым, их достижения отчасти идут на благо и другим людям. В ходе производственного процесса образованные люди повышают производительность менее образованных, тем самым обеспечивая им более высокие заработки. Более того, хорошо зарабатывающие люди платят больше налогов, кото-

рые идут на финансирование общественных благ, полезных для всех. Соответственно, если эмиграция снижает число талантливых людей в обществе, то это неблагоприятно отразится на менее талантливых. Может показаться, что больше здесь говорить не о чем, но это отнюдь не так. Ключевой вопрос заключается в том, действительно ли эмиграция талантливых людей приводит к оскудению талантов в обществе.

Очевидно, что в прямом смысле каждый эмигрировавший талант — это талант, потерянный для данного общества. Однако талант проявляется не сам по себе. Талант, обеспечивающий прирост производительности, не дается человеку от рождения: он представляет собой плод образования и усилий. Образование, как и сама миграция, — это инвестиция. Усилия, так сказать, требуют приложения сил: если у нас будет выбор, все мы предпочтем безделье, хотя и замаскируем его названием, более лестным для нашей самооценки. Я в своих исследованиях нижнего миллиарда мотивировался мыслью о существовании гигантского не востребованного потенциала, не используемого по причине массовой бедности. Мой отец был способным человеком, вынужденным уйти из школы в 12-летнем возрасте, а затем попавшим под удар депрессии 1930-х годов: ему не выпало шанса в жизни. В бедных странах я вижу неудачи моего отца, повторенные миллионы раз. Шанс на эмиграцию резко расширяет спектр возможностей, открывающихся не только перед мигрантом, но и перед всей его семьей. Вспомним, что во многих случаях решение о миграции принимает вся семья мигранта, а не только он один: мигрант не бежит от семьи, а принимает участие в осуществлении стратегии по расширению жизненных возможностей. С точки зрения других членов се-

мы, отъезд в эмиграцию — это инвестиция, которая нередко щедро окупается благодаря продолжительному потоку денежных переводов и уменьшению препятствий к дальнейшей миграции. Однако родители знают, что для того, чтобы у их детей появился достаточно высокий шанс воспользоваться этими возможностями, они должны ходить в школу и проявлять успехи в учебе. Для людей с низким уровнем дохода образование — вещь дорогая. Роджер Тароу приводит трогательное описание дилеммы, стоящей перед типичной кенийской матерью, ежедневно вынужденной решать, отдать ли добытое ею пропитание своей семье или продать его, чтобы заплатить за обучение своих детей, которые иначе будут исключены из школы. Обучение не только дорого стоит; успеха в нем достигает лишь тот, кто старается¹. Большинство родителей знают, как трудно вдохновить и принудить детей к прилежной учебе, однако перспектива миграции резко повышает ставки.

Чем выше шансы на эмиграцию, тем лучше окупаются обучение и старательность. Таким образом, помимо одного канала связи между миграцией и количеством талантов в обществе, мы получаем два: прямой, уменьшающий их число, и косвенный, увеличивающий его. Может показаться, что косвенное влияние лишь смягчает неблагоприятные последствия прямого влияния. В конце концов, родители становятся более заинтересованы в раскрытии скрытых талантов своих детей, если рассчитывают на их эмиграцию. А если те эмигрируют, то пополнения талантов не произойдет. Однако на пути у желающих эмигрировать стоит множество барьеров. Многие люди с трудом преодолевают учебу, а за-

1. Thurow (2012).

тем оказывается, что при всех их успехах в образовании путь в эмиграцию для них все равно закрыт. Пусть неохотно, но они пополняют резерв талантов, оставшихся на родине. Аналогией здесь могут служить британские «Призовые облигации» (*Premium Bonds*), представляющие собой средство сбережения и лотерею одновременно. Эти облигации являются надежными активами, которые можно погасить по номиналу. Но для их владельцев ежемесячно производится розыгрыш приза. Перспектива выигрыша в эту лотерею повышает прибыльность облигаций, и потому «Призовые облигации» пользуются большим спросом. Подавляющее большинство их держателей никогда не выигрывает, но их деньги остаются при них. Поэтому вполне возможно, что число тех, кто был соблазнен перспективой эмиграции на инвестиции в образование, но потом не имел шанса эмигрировать, достаточно велико для того, чтобы более чем компенсировать непосредственную утечку талантов.

В рамках традиционной экономики это влияние миграции носит вероятностный характер: получить образование — все равно что купить лотерейный билет, сулящий успех в жизни. Но, скорее всего, здесь работает еще один механизм, не зависящий от случайностей: мигранты, добившиеся успеха, становятся ролевыми моделями, которым подражают другие. На первый взгляд может показаться, что речь идет об одном и том же, однако здесь существует глубокое аналитическое отличие, подмеченное еще Кейнсом. Он предположил, что в условиях неконтролируемой сложности люди склонны действовать, руководствуясь элементарными правилами. Подражание ролевым моделям, которые, как признает современная психология, оказывают мощное влияние на поведение, представляет собой

именно такой случай: ролевая модель представляет собой набор правил на разные случаи жизни. Мигрант, достигший успеха, может обладать огромным влиянием — не меньшим, чем знаменитый футболист. Подражатели не высчитывают шансов — а если они это делают, результат обычно приводит их в уныние, — их манит сам пример успешной жизни.

Два этих механизма не альтернативны друг другу. Несмотря на то что экономисты в итоге отвергли эту идею Кейнса применительно к финансовым рынкам, оба типа поведения, несомненно, используются при принятии подобных решений обычными людьми². Хотя миграция непосредственно сокращает резерв талантливых людей, косвенно она создает как стимулы, так и влиятельные ролевые модели, способствующие притоку новых талантов.

Возможно, что этих скрытых механизмов, посредством которых перспектива возможной миграции усиливает приток талантов, вполне достаточно для компенсации непосредственных потерь. Однако усиление притока талантов осуществляется исключительно путем роста *спроса* на образование. Совсем другой механизм стоит за изменением его предложения. Все государства расходуют средства на образование, обычно предоставляя соответствующие услуги посредством государственных школ и университетов. Относительное значение этих услуг различается от страны к стране, но в беднейших странах государственные учебные заведения нередко являются преобладающими. Эмигра-

2. Экономисты отдают предпочтение математически оптимизированному подходу к вероятностным решениям — такому, которым воспользовался бы рационально действующий, хорошо информированный индивидуум.

ция влечет за собой изменение стимулов, которыми руководствуются власти, выделяя деньги на образование. Во-первых, очевидно, что она снижает пользу образования для общества и потому ослабляет желание государства тратить средства на учебные заведения. С другой стороны, государству выгодны денежные переводы, поступающие от мигрантов. Поэтому в потенциале власти могут относиться к государственному финансированию образования как к инвестиции в доходное предприятие. Тем не менее исследователи, пытавшиеся оценить реакцию властей, обнаружили, что бюджет учебных заведений обычно подвергается сокращению.

Общее влияние миграции на количество талантов сводится к сочетанию их прямого оттока, предъявляемого родителями повышенного спроса на образование для их детей, а также снижения готовности властей платить за него. Однако первоначальный итог всегда оказывается отрицательным: резерв талантов поначалу сокращается, даже если потом он восполняется. Экономисты сумели измерить эти процессы, и они перестали быть чистой теорией³. Для разных стран приводятся разные оценки: где-то миграция приносит прибыль, где-то — убыток. Из числа выявленных фактов важнейшим является то, что в случае первоначальной крупномасштабной «утечки мозгов» ее уже невозможно восполнить. Массовый исход приводит к возникновению крупной диаспоры, которая, как отмечалось в части 2, стимулирует дальнейшую миграцию. Большинство стран, по-прежнему живущих в крайней бедности, невелики, и это влияет на наблюдающиеся в них темпы эмиграции: в ма-

3. Docquier and Rapoport (2012); de la Croix and Docquier (2012); Batista and Vicente (2011).

леньких странах они намного выше, чем в крупных, по отношению к численности населения. Поэтому при отсутствии каких-либо мощных компенсирующих факторов крупные страны обычно оказываются в чистом выигрыше, а мелкие страны — в чистом проигрыше⁴. Более того, ранний исход квалифицированной рабочей силы отражается не только на зарплате оставшихся, но и на способностях экономики к внедрению инноваций и адаптации новых технологий. Беднейшие страны нуждаются в опережающем развитии, но эмиграция выкачивает из них тех самых людей, которые были бы способны осуществить его⁵.

Крайним примером проявления этих тенденций служит такое государство, как Гаити: при населении примерно в 10 млн человек оно лишилось около 85% своих образованных жителей. Столь массовая эмиграция талантов неудивительна: бремя истории и длительный период политических эксцессов оставили этой стране наследие в виде резкого сужения жизненных перспектив, в то время как по другую сторону пролива находится крупнейший в мире резерв возможностей для приложения своих сил. В свою очередь, существующая в США огромная гаитянская диаспора делает эмиграцию естествен-

-
4. Поразительный факт, работающий на самые бедные страны, заключается в том, что при прочих равных обстоятельствах в чистом выигрыше с большей вероятностью окажется та страна, в которой насчитывается меньше образованных людей. Чтобы убедиться в этом, предположим, что образование уже есть у всех: в этом случае ни стимулирующее воздействие миграции, ни пример, подаваемый ролевыми моделями, не дадут никаких результатов. Но если беднейшие страны способны извлечь пользу из этого обстоятельства, то главную роль все же играет такой фактор, как численность населения.

5. Marchiori et al. (2013).

ным и вполне реалистичным выходом. Для того чтобы компенсировать утрату 85% талантливых людей, необходимо, чтобы перспектива миграции вызвала примерно семикратное увеличение притока талантов. В реальности же наблюдается намного более слабая реакция, и потому эмиграция действительно оставляет Гаити без талантов. По оценкам на 2000 год — последний учитывающийся в эмпирических работах, посвященных этим процессам, — на Гаити насчитывалось примерно на 130 тыс. образованных трудящихся меньше, чем было бы при отсутствии эмиграции; таким образом, гаитянское общество находилось в числе тех, которые наиболее сильно пострадали от миграции. Все это прекрасно знал президент Клинтон, в течение многих лет упорно старавшийся облегчить участь Гаити — особенно после произошедшего в этой стране землетрясения. Клинтон заявлял, что массовая иммиграция из Гаити обернулась благом для США, но в то же время сожалел о бегстве с Гаити огромного количества талантов. Он призывал развивать на Гаити систему среднего образования с тем, чтобы та могла компенсировать эти потери и давать стране образованных молодых людей, более склонных остаться на родине из-за отсутствия у них квалификации, востребованной за рубежом.

В конечном счете миграция невыгодна почти всем маленьким бедным странам. В новом проницательном исследовании называются 22 страны, понесшие убытки из-за эгоизма людей, отправившихся в эмиграцию⁶. По сути, этим странам пошло бы на пользу ограничение эмиграции, но, разумеется, оно невозможно ни по практическим, ни по этическим соображениям. Многие из этих стран

6. Docquier and Rapoport (2012).

находятся в Африке. Нет ничего удивительного в том, что эти общества, подобно Гаити, десятилетиями пребывавшие в стагнации, лишаются талантливых кадров; список этих государств — Либерия, Сьерра-Леоне, Малави, Зимбабве, Замбия, Гвинея-Бисау, Мозамбик, Афганистан, Лаос — звучит как переключка стран нижнего миллиарда. Но еще тревожнее то, что в чистом убытке остаются даже небольшие развивающиеся страны, добившиеся более заметных успехов — такие как Гана, Уганда, Вьетнам, Маврикий и Ямайка. Благоприятной ситуации явно недостаточно для сохранения талантов: по оценкам, Ямайка лишилась 14% своей квалифицированной рабочей силы. Напротив, в немногочисленных действительно крупных развивающихся странах — Китае, Индии, Бразилии, Индонезии, Бангладеш и Египте — наблюдается прирост числа талантов. Перспектива эмиграции побуждает жителей этих стран вкладывать больше средств в образование притом, что относительно немного людей действительно уезжает за границу. Польза, получаемая этими странами от миграции, *обратно пропорциональна* ее неблагоприятному воздействию на небольшие страны; однако крупные страны имеют намного более многочисленное население, и потому их скромный выигрыш многократно перевешивает серьезные убытки мелких стран.

Кроме того, эмиграция может увеличить численность талантов путем возвращения эмигрантов: некоторые из них находят работу в родной стране. В частности, домой возвращаются те, у кого дела за рубежом пошли не так хорошо, как ожидалось. В конце концов оставшись без работы, они едут обратно. Однако даже эти неудачливые мигранты успевают приобрести некоторый опыт и навыки. Может быть, их не хватит для того, чтобы

достичь успеха в экономике с высокой производительностью труда, но тем не менее они могут обеспечить достаточно высокую продуктивность по меркам родных стран эмигрантов. Кроме того, возвращаются обучавшиеся за рубежом. Самый значительный из подобных потоков составляют китайцы: быстрое усвоение Китаем западных технологий существенно ускорилось благодаря знаниям, полученным китайскими студентами на Западе. Впрочем, величина этого потока зависит не только от того, сколько молодых людей отправляется учиться за границу, но и от того, сколько из них потом возвращается. Китай извлекает большую пользу из миграции благодаря тому, что значительная доля его студентов предпочитает вернуться. Но чем беднее родная страна студентов, тем ниже вероятность их возвращения. Впечатляющий экономический рост Китая внушает находящимся за рубежом китайским студентам уверенность в том, что возвращение домой не повредит их видам на жизнь: ведь их ждет одна из самых быстроразвивающихся экономик на Земле. Вплоть до самого недавнего времени африканские студенты проявляли гораздо меньше склонности к возвращению, потому что в развитых странах перед ними раскрывались намного более заманчивые перспективы. В самом деле, беднейшим обществам трудно конкурировать с развитыми обществами в качестве привлекательных мест жительства для талантливых студентов, обучающихся за рубежом. Даже если их заманивают достаточно высокими зарплатами, подразумевающими существование в обществе чудовищно больших различий в заработках, в этих странах все равно ощущается острая нехватка как общественных, так и различных частных благ, которыми привыкли пользоваться

люди с большими доходами. Тем не менее многие студенты все же возвращаются: например, профессора, преподающие в африканских университетах, в большинстве своем имеют дипломы западных университетов; без этих кадров африканские университеты не могли бы работать. Не менее важно и то, что за границей обучались люди, занимающие ключевые должности в президентских администрациях и министерствах финансов.

Так же, как и в случае получения образования, решение вернуться на родину можно рассматривать и как результат сознательного расчета, и как подражание ролевым моделям. Разница в финансовой компенсации при возвращении в Китай и в Африку достаточно очевидна, но она может дополняться разным отношением к тому и к другому. Поразительные темпы экономического роста в Китае наводят на мысль о том, что получение образования на Западе — это лишь трамплин к возможностям, открывающимся в самом Китае, прелюдия к успехам у себя на родине. Напротив, для африканцев возвращение домой ассоциируется с неспособностью добиться чего-либо на Западе. Однажды возникнув, ролевые модели, основывающиеся на подобных представлениях, могут зажить своей собственной жизнью и внушать решения, выходящие далеко за рамки объективной рациональности.

В отношении маленьких и бедных стран все это может отдавать некоторой безнадежностью: те, кто остался дома, должны довольствоваться имеющимся у них образованием, полученным в расчете на так и не материализовавшиеся перспективы, возвращением тех, кто не нашел себе места в развитых экономиках, и тонким ручейком возвращающихся студентов. Но с другой стороны, нижний миллиард в любом случае пребывает в отчаянном

положении. И если диаспора сама по себе не в состоянии обеспечить экономический рост в родной стране, то совсем не исключено, что она сможет способствовать ему после того, как он начнется под воздействием каких-то других факторов. В настоящее время достаточно быстро развиваются некоторые африканские страны, в которых открыты крупные месторождения полезных ископаемых. И хотя экономический рост, основанный на добыче естественных ресурсов, нередко оказывается неустойчивым, как я подчеркивал в книге «Ограбленная планета», он все же может дать диаспоре импульс к возвращению. Подобный единовременный наплыв талантливых людей может сыграть решающую роль при преодолении узких мест, повысив шансы на то, что рост окажется устойчивым. Крупная диаспора служит для своей родной страны скрытым активом, который удастся использовать при наличии благоприятных условий. Ее можно назвать живым аналогом модных в наши дни суверенных фондов.

Как же с учетом всего вышесказанного следует относиться к проблеме «утечки мозгов»? Что касается развивающихся стран в целом, для них такой проблемы явно не существует: прибыль перевешивает убытки. С другой стороны, такую категорию, как «развивающиеся страны», в нынешней ситуации вряд ли стоит воспринимать всерьез. Китай, Индия и многие другие страны стремительно превращаются в экономики с высоким уровнем заработков. Хроническая бедность как проблема, привлекающая к себе постоянное и серьезное внимание международной общественности, становится уделом маленьких бедных стран, страдающих от значительного оттока немногочисленных образованных жителей. По мере увеличения соответ-

ствующих диаспор темп эмиграции из этих стран, скорее всего, будет возрастать. К сожалению, для этих стран «утечка мозгов» остается законным источником беспокойства.

Существует ли утечка мотивации

До сих пор речь шла только об образовании. При всей значимости этого фактора не он один влияет на производительность труда. В главе 2 была выдвинута идея о том, что производительность зависит от того, разделяет ли работник цели, стоящие перед его организацией⁷. Не дисциплинирует ли водопроводчика вошедшее составной частью в его идентичность представление о том, что он — хороший водопроводчик? Не потому ли учитель не бросает свою работу и стремится к повышению квалификации, что он считает себя хорошим учителем? И вообще, не воспринимают ли трудящиеся себя как «своих» и «чужих» с точки зрения организации, на которую они работают? Как и в случае других аспектов поведения, эти варианты отношения к работе могут служить предметом подражания. Мигранты, как правило, являются выходцами из среды, отличающейся наиболее позитивным отношением к труду: они хотят получить работу в эффективных организациях, где их таланты найдут себе достойное применение⁸. Это отражается на оставшемся населении страны. Если сознательный учитель отправится в эмиграцию, то в школе останется

7. Akerlof and Kranton (2011).

8. О том же идет речь в Besley and Ghatak (2003), где выдвигается идея о соответствии настроений трудящихся настроениям нанимающих их фирм.

халтурщик. И именно он будет взаимодействовать с молодыми учителями и устанавливать нормы предъявляемых к ним ожиданий. По мере сокращения «своих», выступающих в качестве ролевых моделей, оставшиеся работники будут более склонны отождествлять себя с «чужими». Именно такой результат предсказывает модель, которую создали нобелевский лауреат Джордж Акерлоф и Рейчел Крэнтон. Выборочная эмиграция «своих» приводит к тому, что для оставшихся процесс превращения в «своих» оказывается сопряжен с более высокими издержками: такие люди будут выделяться подобно белой вороне. Но чем меньше людей становится «своими», тем ниже будет производительность оставшихся⁹.

Хотя эту модель еще предстоит проверить на материале бедных стран, она подтверждается некоторыми фактами. Так, существует исследование, в рамках которого изучалась мотивация эфиопских женщин, обучавшихся на медсестер, в момент завершения их обучения и три года спустя, когда они работали в государственных больницах¹⁰. Неудивительно, что накануне своей трудовой жизни большинство из этих молодых женщин равнялись на Флоренс Найтингейл: они горели желанием помогать больным. Три года спустя они уже были заражены цинизмом и коррупцией, преобладавшими в больницах, ставших их местом работы. Хотя это ничего не говорит нам о миграции, мы видим здесь подтверждение идеи Акерлофа и Крэнтон о том, что молодые работники становятся «своими» или «чужими» в зависимости от того, какая из этих категорий преобладает у них на работе. Однако в на-

9. Akerlof and Kranton (2011), ch. 8.

10. Serra et al. (2010).

шем распоряжении есть и другое исследование, посвященное именно миграции из бедных местностей в богатые. Речь идет о переселении образованных афроамериканцев из глубинки, где проживают преимущественно афроамериканцы, в те регионы США, которые имеют преимущественно белое население¹¹. Выясняется, что исход чернокожего среднего класса является главной причиной сохранения бедности и неустроенности в его родных местах. Надо полагать, что возможность вырваться из глуши по-прежнему служит стимулом к получению образования. Но даже если население в целом умнеет, этот процесс более чем компенсируется распространением безразличного отношения к работе. Производительность в первую очередь зависит не от образования, а от того, как оно используется.

Насколько важна для бедных стран утечка «своих» как ролевых моделей? Нам это попросту неизвестно, однако мы можем разделить этот вопрос на две части: является ли безразличное отношение к работе серьезной проблемой в этих странах и вносит ли миграция заметный вклад в распространение таких отношений? Свойственное «чужим» безразличное отношение к работе преобладает в государственном секторе многих из этих стран, а этот сектор играет важную роль в их экономике. Во многих странах медсестры сплошь и рядом крадут лекарства и продают их, учителя не являются на занятия, а должностные лица берут взятки. Во всех этих организациях есть и «свои», но они представляют собой доблестные исключения и нередко подвергаются порицанию со стороны коллег. К настоящему моменту у нас имеются сопоставимые индексы кор-

11. Wilson (1996).

рупции, подтверждающие обоснованность соответствующих опасений, но для большей наглядности можно сослаться на пример из жизни министерства здравоохранения одной страны. Как и ранее, он приводится не как доказательство, а с целью лучшего понимания проблемы. После того как этому министерству была предложена помощь по закупке антиретровирусных лекарств, главный чиновник министерства тайком основал собственную компанию по их импорту, а затем устроил так, чтобы министерство покупало лекарства именно у этой компании. Но это злоупотребление служебным положением скрывало в себе драматический момент: импортировавшиеся этой фирмой лекарства были поддельными, что позволяло сбывать их по дешевке. Итак, задачи, поставленные перед министерством здравоохранения, были настолько чужды его начальнику, что он считал приемлемым допустить смерть множества людей ради собственного обогащения. Неудивительно, что при наличии столь вопиющих наплевательских настроений на руководящем уровне они получают широкое распространение во многих государственных организациях. Подобные люди, будучи «чужими» в организациях, дающих им работу, отнюдь не считают себя аморальными: они являются «своими» в своем клане, используя полученные нечестным путем деньги для помощи своим обширным семьям. Гаитянское общество тоже часто критикуют за то, что оно погрязло в безразличии: ему свойственны пассивная зависимость от внешней помощи и отношение к жизни как к игре с нулевой суммой, вызывающее преувеличенную боязнь стать объектом эксплуатации. Поэтому можно считать, что безразличные настроения действительно представляют собой проблему во многих бедных обществах.

Намного менее ясно, действительно ли миграция существенно обостряет эту проблему, как это, по-видимому, происходит в американской глубинке. Даже если «свои» делают выбор в пользу эмиграции, масштабы эмиграции во многих профессиональных областях слишком скромны для того, чтобы существенно сказаться на балансе настроений. Более вероятным представляется влияние этого механизма в дисфункциональных организациях — на верхних уровнях управления и на должностях, требующих квалификации. Непрерывная утечка немногочисленных «своих» может препятствовать их накоплению в таком количестве, при котором они становились бы в этих организациях образцом для подражания. Так или иначе, этот вопрос еще никем не изучался.

Переводы

Даже если миграция из маленьких, бедных стран приводит к чистому оттоку талантливых и мотивированных людей, тем не менее она может приносить пользу остающимся. Как отмечалось в главе 6, решение о миграции во многих случаях принимается мигрантом совместно с его семьей; мигранты сохраняют весьма тесные связи со своими семьями, причем эти связи в первую очередь принимают форму денежных переводов. Многие мигранты являются выходцами из сельских регионов бедных стран. С точки зрения семьи мигранта, оставшейся дома, то, куда он переехал — за несколько сотен миль, к родственникам в Найроби, или за несколько тысяч миль, к родственникам в Лондон, — зачастую не так важно, как величина сумм, пересылаемых им семье.

Так насколько же щедры мигранты? Одна из первых работ, в рамках которой изучалось, сколько денег мигранты, проживающие в Найроби, отправляют в свои родные кенийские деревни, вызвала сенсацию, потому что эта величина оказалась неожиданно большой: эти переводы составляли до 21% заработков мигрантов¹². Способны ли на подобную щедрость мигранты, уехавшие за рубеж? В разных исследованиях приводятся самые разные цифры¹³. Денежные переводы от мексиканцев, перебравшихся в США, достигают поразительной цифры в 31% их доходов. Но некоторые мигранты оказываются еще более щедрыми. Так, сальвадорские мигранты, живущие в Вашингтоне, пересылают на родину 38% своих заработков. Мировой рекорд держат сенегальцы, эмигрировавшие в Испанию, — они отправляют домой 50% доходов; переводы от ганцев, живущих в Италии, составляют около четверти их заработка, от марокканцев, живущих во Франции, — около одной десятой, от алжирцев же чуть меньше — около 8%. Не столь щедры китайцы в Австралии и филиппинцы в США — от них родные получают около 6% их доходов. На последних местах находятся две крупные общины — турецкая в Германии и кубинская в США, посылающие домой скромные 2% доходов.

В совокупности вся эта щедрость выливается в колоссальные деньги. Общая сумма переводов из богатых стран в развивающиеся составила в 2012 году около 400 млрд долларов. Это примерно в четыре раза превышает объемы глобальной помощи и приблизительно соответствует сумме прямых зарубежных инвестиций. Однако подобные цифры

12. Rempel and Lobdell (1978).

13. Yang (2011).

не должны нас завораживать по причине их крайней односторонности: они дают преувеличенное представление о значении переводов для бедных стран. Ни щедрость в смысле доли заработков, пересылаемых мигрантами, ни общая величина поступлений, получаемых той или иной страной, не годятся в качестве серьезных показателей. В абсолютном смысле первые места по объемам переводов, поступающих от мигрантов, занимают Китай и Индия — каждая из этих стран получает более чем по 50 млрд долларов в год. Но если для Китая 50 млрд долларов в год — не то чтобы копейки, особенно крупной эту цифру тоже не назовешь. Наилучшее представление о значении переводов для тех, кто остался дома, можно получить сопоставляя поступления от мигрантов с доходами их родной страны или, переводя разговор на более человеческий уровень, сравнивая их с заработками средней семьи в этой стране. В глобальном плане поступления от мигрантов из бедных стран, живущих в богатых странах, составляют около 6% дохода их родных стран, при средней величине годовых поступлений от одного мигранта примерно в 1000 долларов. Однако как и в случае разговора об «утечке мозгов», средние величины не слишком нам полезны из-за того, что сама концепция «развивающихся стран» лишилась смысла: в наши дни между бывшими «развивающимися» странами наблюдается больше различий, чем сходства.

В качестве примера бедной страны с высоким уровнем эмиграции можно снова привести Гаити. Эта страна испытывает серьезную «утечку мозгов»: родину покидает столько образованных гаитян, что, несмотря на мощный стимул к получению образования, общество страдает от чистого оттока талантов. Однако следствием этого явления становятся

значительные поступления от многочисленных квалифицированных эмигрантов, составляющие около 15% дохода страны. Этой суммы недостаточно для того, чтобы позволить гаитянам вырваться из бедности, но в отчаянном положении и такой малости хватит, чтобы вздохнуть чуть-чуть свободнее.

Гаити, входя в число стран, извлекающих особенно большую пользу из переводов, отнюдь не составляет в этом смысле исключения. Щедрые сальвадорцы тоже сильно облегчают жизнь тем, кто остался дома: переводы достигают здесь уровня примерно в 16% дохода. Переводы весьма важны даже для некоторых из крупных бедных стран: для Бангладеш и Филиппин соответствующая цифра составляет 12%. Для Африки в целом поступления играют намного меньшую роль. Больше всего переводов приходит в Сенегал: благодаря рекордной щедрости сенегальских мигрантов поступления от них дают 9% дохода страны.

Таким образом, для типичной родной страны мигрантов поступающие от них переводы увеличивают доход оставшихся дома на несколько процентных пунктов. Разумеется, если бы мигранты не уезжали из страны, они бы тоже что-то зарабатывали и таким образом помогали бы своим семьям. Поскольку типичная величина переводов составляет всего лишь около 1000 долларов в год, от мигрантов не требовалась бы особенно высокая производительность для того, чтобы их доход сравнялся с величиной приходящих от них поступлений. Поэтому представляется сомнительным, чтобы доход, обеспечиваемый мигрантами, значительно отличался бы от их заработков в родной стране: переводы по большей части лишь компенсируют отъезд кормильцев за рубеж. Разница состоит в том, что теперь эта сумма приходится на чуть меньшее чис-

ло едоков, и потому подушные расходы могут немного вырасти¹⁴.

Скептическое отношение к финансовой помощи не распространяется на денежные поступления от человека к человеку: предполагается, что если власти не в состоянии разумно распорядиться получаемыми средствами, то люди вследствие имеющейся у них личной заинтересованности не будут совершать ошибок. Однако в реальности одни и те же проблемы стоят перед любыми спонсорами, будь то агентства по развитию или мигранты. Они хотят, чтобы выдаваемые ими деньги были потрачены с толком, но не имеют возможности контролировать их использование. Спонсоры обоих типов сталкиваются с проблемой убедительности, когда в приступе раздражения они грозят приостановить помощь: ее получатели понимают, что это маловероятно. И те и другие спонсоры могут попытаться ограничить выбор, имеющийся у получателей помощи: бывает так, что агентство развития выбирает для финансирования тот или иной конкретный проект, и точно так же может поступить мигрант. Но получателям помощи не составляет большого труда обойти подобные ограничения. В крайнем случае их можно просто игнорировать, а затем оправдывать свой поступок внезапно возникшими обстоятельствами, однако наиболее простая стратегия сводится к тому, чтобы убедить спонсора финансировать то, что получатель помощи втайне рассчитывал сделать сво-

14. Этот результат, как и многие другие последствия миграции, не является неизбежным. Если мигранты трудятся особенно производительно по сравнению с теми, кто остался на родине, то это может обеспечить прирост заработков, который превысит сумму присылаемых переводов. Однако наиболее вероятным итогом будет скромный рост расходов на душу населения.

ими силами. Новую школу стране подарил американский народ: об этом написано на памятной доске. Но школа так или иначе была бы построена, зато чиновники не смогли бы себе купить новые машины. Точно так же новую школьную форму можно объявить подарком Амера из Лондона: спасибо Амеру, вот фото. На самом деле форму все равно бы купили, а присланные деньги пропил с друзьями папа. Факты, полученные в ходе экспериментов, свидетельствуют о том, что мигранты, как и спонсорские агентства, хотели бы, чтобы получатели помощи откладывали больше присылаемых им денег. Когда мигрантам выпадает такая возможность, они стараются более активно контролировать эти деньги, вплоть до использования системы двух ключей, при которой любая попытка снять деньги с банковского счета требует санкции со стороны спонсора. Агентства по развитию в прошлом были вынуждены ввести такую систему в Либерии. Поэтому вопрос о том, на что расходуются денежные переводы, не слишком отличается от вопроса о том, на что расходуются финансовая помощь.

Сходны друг с другом не только эти вопросы, но и проблемы, встающие при попытках оценить последствия двух этих видов помощи. Как и в случае финансовой помощи, мы можем прибегнуть к макроподходу и микроподходу. В идеале макроподход должен давать более убедительные результаты, но при этом он более сложен в осуществлении. Что касается финансовой помощи, то в самом недавнем серьезном исследовании делается весьма убедительный вывод о том, что в целом она оказывает скромное благоприятное воздействие на экономический рост¹⁵. В отношении переводов

15. Clemens et al. (2012).

на данный момент нельзя сказать чего-либо определенного: в трех работах говорится об их положительном влиянии на экономический рост, а в трех других — о нулевом или отрицательном. К счастью, микроподход к изучению переводов более показателен, чем микроподход к изучению финансовой помощи; в отличие от последнего, он позволяет рассматривать непосредственно домохозяйства, являющиеся получателями переводов.

Самый ловкий способ выяснить, каким образом люди используют полученные средства, — использовать ситуации, в которых сумма поступлений изменяется независимо от положения их получателя. Возможность провести подобный естественный эксперимент дал восточноазиатский кризис 1998 года, во время которого валюты стран региона в разной степени обесценились по отношению к доллару. В зависимости от того, где работал мигрант, поступавшие от него средства в пересчете на местную валюту внезапно возрастали или сокращались. Дин Янг использовал эти события для того, чтобы изучить роль переводов в жизни филиппинцев¹⁶. Переводы от тех мигрантов, которые работали в США, при пересчете на местные деньги неожиданно увеличились на 50%. Что касается тех мигрантов, которые работали в Малайзии и Корее, то приходившие от них переводы в валютах этих стран, выраженные в местных деньгах, напротив, сократились. Сравнение реакции домохозяйств, получающих переводы из разных стран, позволяет дать убедительный ответ на вопрос, каким образом используются эти средства. Был ли неожиданный прирост поступлений растрачен на потребление, или же эти деньги во что-то вкладывались? Исследование привело

16. Yang (2008).

к поразительно недвусмысленному выводу: все избыточные деньги были тем или иным образом инвестированы — в образование детей и в новые предприятия. Этот результат настолько замечателен, что возникают сомнения в его достоверности, вероятно, являющиеся обоснованными: данный естественный эксперимент сводился к изучению резкого прироста поступлений, который носил явно временный характер, будучи результатом валютного кризиса. Экономистам уже давно известно, что временный резкий прирост доходов используется в первую очередь на приобретение активов, а не на потребление. Таким образом, при всем хитроумии такого метода он мало что говорит нам о том, как переводы расходовались бы в том случае, если бы ожидалось, что они будут поступать в течение многих лет.

Так сколько же времени будут приходить переводы? Некоторые факты говорят о том, что мотивом к их отправлению служит желание защитить свои права наследования: но в этом случае молодые мигранты закабаляют себя надолго¹⁷. Но даже если переводы используются не только в инвестиционных целях, в некоторых обстоятельствах даже самые дальновидные спонсоры могут пожелать, чтобы получатели пустили их на потребление. Бедность похожа на жизнь по шею в воде, и в тех случаях, когда уровень воды повышается, было бы неплохо, чтобы сумма поступлений тоже возрастала. Сотовые телефоны помогают мигрантам быстро реагировать в экстренных ситуациях, поскольку они позволяют постоянно находиться на связи. Но действительно ли мигранты играют роль спасательного круга? Опять же, убедительный ответ можно получить

17. Hoddinott (1994).

с помощью естественных экспериментов. Идеалом для исследователя являются потрясения, связанные с погодой. На доходах семьи может временно отражаться изменение количества осадков (как это происходит на тех же Филиппинах), и в этом случае достаточно проследить, влияет ли это обстоятельство на сумму поступлений. Оказалось, что они в самом деле возрастают, когда доход семьи снижается, и сокращаются, когда доход увеличивается. Этот страховой эффект достигает значительных масштабов — причиненный ущерб компенсируется дополнительными поступлениями примерно на 60%¹⁸. Домохозяйства, в которых имеются мигранты, в плане потребления защищены намного лучше, чем те, в которых никто не уехал за границу. Аналогичный результат был получен и в отношении ураганов в Карибском бассейне — регионе, подверженном опасным потрясениям и в то же время имеющем крупную диаспору. Здесь дополнительные поступления компенсируют около четверти ущерба. Страховая роль переводов важна как в силу того, что они позволяют держать голову над водой, так и по причине менее очевидных последствий. Именно из-за того, что жить по шею в воде — дело страшное, люди прибегают к отчаянным и затратным стратегиям, позволяющим им не захлебнуться. Они готовы пожертвовать частью ожидаемого среднего дохода, если это сделает оставшуюся часть дохода менее волатильной: предпочтение отдается более бедной, но в то же время более спокойной жизни. Таким образом, будучи эффективным механизмом страхования, миграция позволяет людям идти на риск, связанный с повышением долгосрочного уровня доходов.

18. Yang and Choi (2007).

Если переводы полезны для тех, кто остается дома, то какая миграционная политика стран, принимающих мигрантов, будет способствовать возрастанию переводимых сумм? На первый взгляд может показаться, что ответ прост: такая, которая обеспечивает рост миграции. Однако ослабление миграционных ограничений может оказать контринтуитивное воздействие на величину переводов. В недавнем проницательном исследовании делается вывод о том, что чем слабее ограничения на миграцию, тем меньше готовность мигрантов посылать домой деньги¹⁹. Объяснение этого парадокса состоит в том, что в ответ на смягчение ограничений мигранты привозят с собой большее число своих родственников и это снижает необходимость делать переводы: вместо того чтобы отправлять деньги матери, мигрант выписывает ее к себе. Таким образом, как ни странно, переводы в родную страну могут оказаться более крупными при ограничительной миграционной политике. Может также показаться, что более образованный мигрант будет посылать больше денег по сравнению с малообразованным, и потому политика, поощряющая миграцию образованных кадров, вызовет рост переводов. В какой-то мере это, безусловно, верно: чем выше образовательный уровень, тем крупнее доходы, и потому образованные мигранты могут себе позволить делиться большей частью своего заработка. Однако с какого-то момента дальнейший рост образовательного уровня приводит лишь к сокращению переводов. Высокообразованный мигрант утрачивает желание вернуться на родину, его родственники, оставшиеся дома, тоже с большой вероятностью добьются успеха и не будут нуждаться

19. Docquier et al. (2012).

в переводах; не исключено также, что такой мигрант окажется способен пригласить своих родственников к себе, вместо того чтобы посылать им деньги.

Несколько удивительно то, что при изучении таких явлений нам в первую очередь не хватает данных о политике стран, принимающих мигрантов. У нас до сих пор нет всеохватывающего количественного исследования, которое бы освещало всевозможные запутанные изменения миграционных правил и соответствующих практик по каждой отдельной стране. В итоге при проверке теорий о влиянии политики на величину переводов нам приходится довольствоваться приближенными критериями. Например, одним из приближенных критериев жесткости миграционной политики считается наличие в стране формальной программы по приглашению гастарбайтеров, поскольку такие мигранты не вправе привозить с собой родственников. В качестве другого критерия используется половой состав мигрантов, поскольку он дает некоторое представление о том, могут ли мигранты привозить с собой жен и матерей. С учетом этих оговорок факты убедительно говорят о том, что переводы, посылаемые в большинство стран, возрастают при некотором ужесточении миграционной политики в странах, принимающих мигрантов — в том смысле, что в страну перестают пускать родственников мигрантов. Этот эффект весьма заметен: образованные мигранты, не имеющие возможности привезти с собой матерей, значительно щедрее посылают домой деньги. Несколько легче оценить, учитывает ли миграционная политика образовательный уровень мигрантов — таким критерием служит наличие балльной системы. Использование подобных систем вызывает резкое со-

кращение переводов, из чего следует, что большинство стран миновало пик перевернутой U-образной кривой, описывающей соотношение между переводами и образованием. Эти результаты весьма важны, потому что они позволяют внести ясность в очевидный конфликт между интересами бедных людей в родных странах мигрантов и бедного коренного населения стран, принимающих их.

В то время как отдельные разновидности миграции способны уменьшить величину переводов, в целом поступления, приходящие от мигрантов, полезны и весьма важны для людей, продолжающих жить в некоторых беднейших странах мира. Подобно прочим видам помощи, эти переводы неспособны резко изменить ситуацию, но все же они вносят известный вклад в борьбу с бедностью.

Снижает ли миграция перенаселенность

Читатели, отозвавшиеся на мою книгу «Нижний миллиард», чаще всего критикуют меня за то, что я упустил из виду такую причину бедности, как рост населения. Если рост населения вреден для беднейших стран, то миграция должна быть полезна: ведь сокращается число людей, претендующих на пирог национального достояния. Так значит, чем меньше людей, тем легче жить бедным обществам? В наиболее явном виде польза миграции должна ощущаться на рынке труда: чем меньше трудящихся претендует на рабочие места, тем выше должны быть заработки у тех, кто не уехал за границу. Влияние эмиграции на заработки оставшихся было изучено лишь недавно. Один из моих студентов, Дэн Браун, провел такое исследование применительно к Ямайке. Он

оценил, как эмиграция повлияла в этом государстве на величину заработков. Например, если в эмиграцию отправилось 10% квалифицированных трудящихся, принадлежащих к определенной возрастной когорте, то насколько выросла зарплата у оставшихся работников? Он получил результат, типичный для подобных исследований — примерно на 4%.

Из этого следует, что эмиграция оказывает положительное, но довольно скромное воздействие на заработки тех, кто остался дома. Более того, это воздействие будет ощущаться только имеющими аналогичную квалификацию. Если число образованных работников сокращается, то это сказывается и на заработках в неквалифицированном секторе. Благодаря квалифицированным трудящимся повышается производительность неквалифицированных, и потому отъезд квалифицированных трудящихся влечет за собой сокращение заработков у неквалифицированных. Собственно, это явление можно воспринимать как обратную сторону воздействия иммиграции на местное население стран, принимающих мигрантов: прибытие квалифицированных иммигрантов приводит к росту заработков у неквалифицированных трудящихся. Таким образом, по мере эмиграции квалифицированных людей из родных стран они оказываются там в дефиците, благодаря чему возрастает надбавка за квалификацию, в то время как производительность неквалифицированных трудящихся снижается, так как рядом с ними работает все меньше квалифицированных людей. Возможно, что эмиграция добрых фей из бедных стран в богатые идет на пользу как самим добрым феям, так и тем людям, которым они помогают в богатых странах, но этот процесс вряд ли можно назвать триумфом социальной справедливости.

Рост неравенства в бедных странах, вызванный сокращением числа квалифицированных трудящихся, усугубляется возвращением элиты — высококвалифицированных мигрантов, получающих зарплату международного уровня. Вследствие крайне низкой величины заработков на самом дне общества социальное неравенство, порождаемое этими различиями в производительности, принимает ошеломляющие масштабы, перекрывая даже самые дикие эксцессы американской корпоративной жизни.

Вообще я воздерживаюсь от разговоров о росте населения как одной из проблем нижнего миллиарда, потому что, на мой взгляд, эту проблему не всегда можно считать серьезной. За исключением таких немногочисленных случаев, как Бангладеш, бедным странам отнюдь не свойственно перенаселение. Напротив, зачастую они до сих пор отличаются весьма низкой плотностью населения, вследствие чего общественные блага размазываются по стране тонким слоем. Полигоном для естественного эксперимента по устранению перенаселенности путем эмиграции стала в XIX в. Ирландия. Население Ирландии после начала разведения картофеля стремительно возрастало вплоть до гибели картофельных посевов в 1845 году. В течение следующего столетия эмиграция вдвое сократила население Ирландии, но та оставалась хронически бедной по европейским стандартам. Даже если этот крупномасштабный отток населения, далеко превосходивший любую эмиграцию, вообразимую в наши дни, и оказал какое-либо благоприятное воздействие на рынок труда, очевидно, оно было весьма скромным. В конечном счете колоссальная диаспора, сложившаяся за 150 лет массовой эмиграции, стала для Ирландии серьезным активом. Например, благодаря лобби американских ирландцев,

действующему в конгрессе США, те американские компании, которые делают инвестиции в Ирландии, получают особенно большие льготы от американских налоговых органов. Однако ждать 150 лет — это слишком долго.

Поэтому эмиграция как средство от перенаселенности не дает особого выигрыша тем, кто остается на родине. Эмиграция сокращает численность населения в незначительной степени; в то же время страну покидают именно те люди, которые больше всего там нужны, а влияние на производительность оставшейся рабочей силы при этом носит неоднозначный характер.

Самый важный противовес мальтузианской перенаселенности — не миграция из сельских регионов, все сильнее страдающих от дефицита земли, в города развитых стран, а миграция в города *той же* страны. О пользе такого переселения дает представление чрезвычайно убедительное исследование миграции из сельских областей Танзании в 1991–2004 годах, авторы которого изучают изменение доходов как у мигрантов, так и у тех, кто остался дома²⁰. Миграция в танзанийские города влечет за собой резкое возрастание доходов, сопровождаясь ростом потребления в среднем на 36 процентных пунктов. В целом на миграцию приходится примерно около половины общего сокращения сельской бедности. Города обеспечивают экономию за счет масштаба, повышая производительность труда простых людей до такого уровня, который был бы невозможен при их жизни в рассредоточенном состоянии²¹. Если в сельской местности высокая плотность населения приводит к бедно-

20. Beegle et al. (2011).

21. Glaeser (2011).

сти, то в городах высокая плотность населения — залог процветания. Как ни странно, те же самые люди, которые являются самыми горячими сторонниками миграции из бедных стран в богатые, зачастую враждебнее всего относятся к переселению сельской бедноты в города в пределах их собственной страны. Можно подумать, что крестьяне должны быть навеки законсервированы в маринаде их сельской идиллии. Без массовой эмиграции из обедневших сельских регионов оставшемуся населению не видеть процветания, для которого необходим резкий прирост количества земли, приходящейся на одного человека. Поэтому жизненно важно, чтобы города выполняли свою функцию, повышая производительность труда мигрантов, прибывших из сельской местности.

Некоторые из условий, обеспечивающих выполнение городами этой функции, определяются на национальном уровне, но другие задаются самим городом. Одни города становятся намного более эффективной лестницей для мигрантов, чем другие. В этом смысле причиной важных различий могут стать такие факторы, как принципы зонирования и местный транспорт²². Несмотря на высокую производительность Парижа в целом, те его пригороды, которые отведены для их заселения мигрантами из сельских регионов бедных стран, дисфункциональны. В них разрешена только жилая застройка, но при этом они очень плохо связаны транспортом с местами работы. И напротив, в таких городах, как Стамбул, мигранты селятся в районах, сочетающих плотную жилую застройку с наличием предприятий. Такое же сочетание характерно и для типичных африканских городов,

22. Saunders (2010).

однако те обычно заселяются так неформально, что там невыгодно многоэтажное жилое строительство. В итоге, несмотря на то что африканские трущобные города выглядят страшно перенаселенными, на самом деле они не отличаются высокой плотностью населения. Результатом становится меньшее число возможностей для предпринимательства: высокая плотность населения создает процветание путем концентрации спроса, позволяющей специализированным фирмам найти свою нишу на рынке. Поэтому миграция действительно играет решающую роль при борьбе с перенаселенностью стран нижнего миллиарда, но это не относится к миграции в богатые страны.

Оставшиеся дома?

ИТАК, мы изучили все существующие каналы возможного воздействия миграции на тех, кто остается жить в бедных странах. В какую картину все это складывается? По-видимому, политическое воздействие миграции носит умеренно позитивный характер, хотя факты, доказывающие это, только начинают накапливаться. В том, что касается экономических последствий, на первом месте стоят «утечка мозгов» и денежные переводы. В глобальном плане говорить об «утечке мозгов» — ошибка: возможность миграции лишь стимулирует появление новых талантов, вместо того чтобы истощать их фиксированный запас. Но в том, что касается стран, находящихся на дне мировой экономики, утечка мозгов является реальностью. Однако для тех же самых стран поступления, приходящие из-за границы, становятся спасительным кругом, облегчая чрезвычайно тяжелые условия жизни. Для большинства стран прибыль от поступлений, скорее всего, перевешивает потерю талантов, вследствие чего чистый экономический итог оказывается умеренно положительным.

Поэтому мы можем вполне уверенно заключить, что для оставшихся дома миграция оборачивается благом. Но, по сути, этот вывод является ответом на неверный вопрос. В реальности следует задаваться вопросом не о том, что приносит миграция

тем странам, которые служат ее источником, — вред или пользу, а о том, принесет ли им вред или пользу *ускорение* миграции. Проблема практической политики заключается в необходимости решить, что будет более полезным для бедных стран — ускорение существующей миграции или принятие странами, в которые она направлена, эффективных мер по ее ограничению. Именно это обстоятельство, а не общее воздействие миграции, требует оценки с точки зрения тех, кто остается дома. Если вы думаете, что подобные тонкости — педантизм и софистика, то советую вам еще раз пролистать часть 4 и задуматься. Проводимое мною различие, имеющее принципиальное значение в большинстве случаев экономического анализа, — это различие между *общим* воздействием миграции и ее *предельным* воздействием. То, что ее общее воздействие — положительно, не говорит нам ровно *ничего* об ее предельном воздействии.

Однако мы можем оценить предельное воздействие миграции исходя из *графика* ее общего воздействия. На рис. 10.1 сплошная линия соответствует графику утечки/прироста талантов в зависимости от разных темпов миграции. Например, мы знаем, что в Китае и Индии с их низкими темпами миграции наблюдается серьезный прирост талантов, в то время как Гаити — страна с намного более высокими темпами миграции — страдает от их оттока. Пунктирная линия показывает предельное воздействие миграции. Простая логика подсказывает нам, что когда выгода достигает максимума, небольшое увеличение или уменьшение темпов миграции ничего не меняет; или, выражаясь более красивыми словами, предельный эффект равен нулю. В тех случаях, когда выгода снижается, дополнительная миграция не может не усугубить

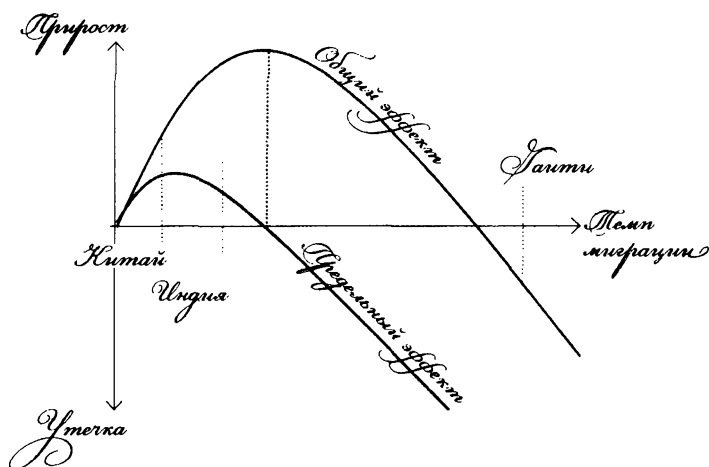

РИС. 10.1. Миграция
и утечка/прирост талантов

ситуацию и потому предельный эффект отрицателен. Очевидно, что с точки зрения тех, кто остается дома, идеальным темпом миграции будет тот, при котором прирост талантов максимален. На Гаити этот пик явно давно пройден: на основе такого критерия, как утечка/прирост талантов, мы можем уверенно заключить, что реальный темп миграции в этой стране намного превышает желаемый. При намного более низких темпах миграции утечка талантов на Гаити сменилась бы их приростом, как в Китае или в Индии.

На рис. 10.2 изображены общее и предельное воздействие миграции на денежные переводы, проанализированное точно таким же образом. Очевидно, что в отличие от случая утечки/прироста талантов, общее воздействие переводов будет отрицательным

лишь в редких случаях. Единственный известный мне случай, когда миграция дошла до того, что переводы лишь выкачивали деньги из карманов тех, кто остался дома, а не обогащали их, относится к Южному Судану. Во время войны квалифицированные люди покидали эту страну вместе со своими семьями. После завершения конфликта они выказывали крайнее нежелание возвращаться, делая это лишь в тех случаях, когда правительству удавалось заманить их на родину высокими заработками. Но даже при этом те, кто возвращался домой, оставляли свои семьи за границей и посылали им деньги. Так и возник парадокс: чистый отток денег из одной из беднейших стран мира в одну из самых богатых.

Однако, несмотря на существенный объем переводов в нормальных обстоятельствах, при возрастании миграции они также достигают пика, после которого дальнейшая миграция становится контрпродуктивной. Если открыть дверь слишком широко, мигранты будут привозить своих родственников с собой вместо того, чтобы отправлять им переводы. Аналогичный пик мы увидим и при рассмотрении вопроса об уровне квалификации мигрантов. Более того, существуют надежные эмпирические подтверждения того, что большинству бедных стран, являющихся источниками миграции, очень далеко до той точки, в которой переводы достигают максимума. Притом что в отсутствие миграции, очевидно, не было бы и переводов, в предельном случае эти страны получали бы больше переводов при наличии ограничений на миграцию, особенно касающихся права образованных мигрантов привозить с собой свои семьи.

Таким образом, мы приходим к тому, что миграция, помогая тем, кто остается на родине, помогала бы им еще больше, если бы не была такой мас-

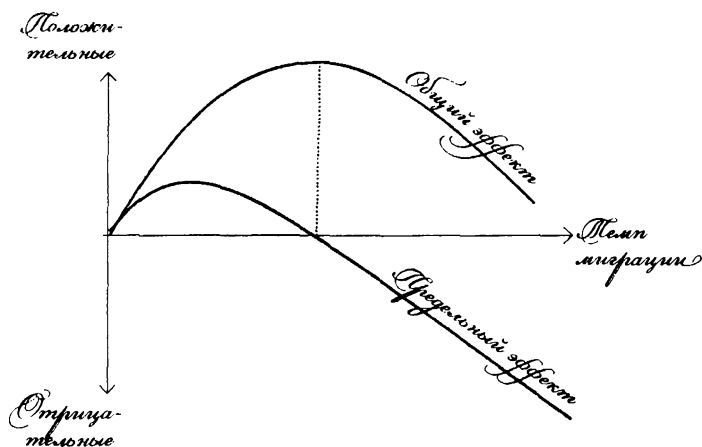

РИС. 10.2. Миграция
и денежные переводы

совой. Однако страны, являющиеся источником миграции, не в состоянии контролировать ее своими силами: темп миграции определяется политикой принимающих ее стран. Полемические дебаты на тему о том, полезна ли миграция или вредна, серьезно затрудняют выработку оптимальной политики: речь должна идти не о том, открывать ли дверь или закрыть ее, а о том, в какой степени она должна быть приоткрыта.

Спасательный круг способен удержать человека на плаву, но он не в силах изменить его жизнь. Миграция из перенаселенных сельских районов — в конечном счете мощный двигатель развития. Но основные миграционные потоки направляются не в города богатых стран, а в города самих бедных стран. Такая страна, как Турция, за последние

полвека вырвавшаяся из бедности, достигла этого не из-за того, что отправила два миллиона турок в Германию: по сравнению с 90 миллионами чело-
век, оставшихся в Турции, это капля, а кроме того, напомним, что эти немецкие турки находятся на од-
ном из последних мест в том, что касается отправ-
ки переводов на родину. За турецким экономиче-
ским чудом стояло переселение сельской бедноты
в Стамбул, в свою очередь, привлекаемой туда рас-
ширением возможностей.

Наиболее вероятная роль международной ми-
грации как катализатора состоит в том, что она ста-
новится каналом для распространения идей. На-
личие диаспоры, контактирующей с обществами,
имеющими более функциональную социальную мо-
дель, может ускорить усвоение идей, изменяющих
жизнь. Однако мало что указывает на то, что посто-
янно живущие в стране диаспоры, в отличие от вре-
менно проживающих в ней иностранных студентов,
имеют в этом смысле какое-то значение. Несмотря
на всю ценность идей, в каждом из важных случаев
преобразований, обсуждавшихся в главе 2, — Восточ-
ной Европы, Южной Европы и «арабской весны» —
диаспоры не играли серьезной роли. Вообще, при
политической ангажированности многих диаспор
они обычно глядят в прошлое, лелея старые сектант-
ские обиды как способ сохранения своей идентично-
сти в окружающем их обществе, вместо того чтобы
становиться послами тех его качеств, которые в ко-
нечном счете и соблазнили их к миграции. Более
того, институты невозможно пересадить на новое
место в существующем виде. Любому обществу при-
суще значительное своеобразие, и потому функцио-
нальными могут быть лишь институты, возникшие
естественным путем. Даже внешне похожие друг
на друга «англосаксонские» общества — США, Вели-

кобритания, Австралия и Новая Зеландия — имеют серьезные различия в том, что касается их политических и экономических институтов. Удачные институты должны соответствовать обществу, пусть и обладая фамильным сходством со своими международными образцами, а не быть трансплантатами, которые обычно отвергаются обществом. Поэтому постоянное население страны по сравнению с диаспорой может находиться в более выгодном положении для восприятия идей и их применения. Оно способно брать на вооружение международные образцы, о которых узнает через интернет или в процессе обучения за рубежом, и в то же время держит палец на пульсе процессов, идущих в его собственном обществе, и потому в состоянии создать жизнеспособные отечественные институты. Напротив, диаспора в одно и то же время находится и слишком близко к принимающему ее обществу для того, чтобы воспринимать общую картину, и слишком далеко от своего родного общества, которое видится ему в романтических фантазиях.

Даже в тех случаях, когда диаспоры смотрят вперед, а не погрязли в прошлом, они становятся излишними в качестве проводников идей. Техника уничтожает расстояния, устраняя необходимость в физическом перемещении: египетская молодежь скачивает материалы из YouTube и Google и общается друг с другом с помощью сотовых телефонов и Facebook. Как лаконично отметил Найалл Фергюсон, Запад вырвался вперед, создав ряд таких «программ-приманок» (killer apps), как конкуренция, вызвавшая реорганизацию его общества, но сейчас эти «программы-приманки» доступны для установки и устанавливаются по всему миру¹.

1. Ferguson (2012).

В потенциале эмиграция талантов из стран нижнего миллиарда создает ощущение, что «жизнь идет где-то, но не здесь». Вообще говоря, такое ощущение принципиально в плане создания стимулов и ролевых моделей, компенсирующих утечку талантов. В худшем случае чувство того, что жизнь идет где-то в другом месте, расслабляет, что выразил Чехов своим мощным рефреном «В Москву, в Москву!». Но для бедного общества, долго жившего в застое и бедности, жизнь в смысле возможностей действительно течет где-то там, а не здесь, и молодые люди это отлично осознают. Даже в отсутствие эмиграции новые средства коммуникации и глобализованная молодежная культура открывают перед ними заманчивый мир, который лежит совсем рядом. При современной технике пропуском в этот мир становится элементарная грамотность — именно поэтому культурные реакционеры из числа радикальных исламистов так боятся образования: название нигерийского террористического движения «Боко Харам» означает «западное образование греховно». Но, как и любая другая стратегия терроризма, действия «Боко Харам» обречены на провал. Даже если запретить миграцию, контакты с внешним миром продолжатся: невозможно скрыть или пресечь бурные и успешные процессы, идущие в других странах. Перспектива миграции и связи с родственниками за рубежом с той же вероятностью способны как смягчить горечь непричастности к этим событиям, так и обострить ее.

Ощущение того, что «жизнь идет не здесь», способно повлечь за собой чувство бессилия, но это — не причина для отчаяния. Триумфом постмодернистской культуры стала децентрализация: возбуждение проникает во все уголки мира, уничтожая раз и навсегда установленный порядок подхода

к кормушке. Задачей для великих лидеров в странах нижнего миллиарда становится насаждение убедительного представления о том, как это восхитительно — догонять ушедших вперед, присоединяться ко все более разнородной группе обществ, в которых-то и течет жизнь. Несомненно, именно таким духом охвачены современный Китай и, в различной степени, страны Африки. И он не имеет особого отношения к международной миграции.

Таким образом, эмиграция из стран нижнего миллиарда не является ни угрозой, ни стимулом для тех, кто остается дома. Это всего лишь спасательный круг, децентрализованная программа помощи. Подобно другим программам помощи, она ничего не решает, но благодаря ей, несомненно, улучшается жизнь миллионов людей, чьи условия существования абсолютно нетерпимы в наш век глобализации и процветания. Но как и в случае с помощью самой по себе, ключевой вопрос, связанный с миграцией, состоит не в том, хороша ли она или плоха, а в том, как в предельных случаях добиться от нее максимальных результатов. Существуют вполне убедительные факты, говорящие о том, что для нижнего миллиарда миграция в целом полезна. Но в предельных случаях она оказывается пагубной, вызывая отток талантов при ничтожных поступлениях средств от эмигрантов.

Миграция как помощь

Практически все страны, принимающие мигрантов, имеют программы помощи для стран нижнего миллиарда: борьба с присущей им бедностью справедливо считается глобальным общественным благом. Программы помощи выражают в себе характер

общества, будучи актом щедрости по отношению к обществам, живущим в отчаянной нужде. Даже если эти программы не слишком эффективны, они представляют собой проявление нашего гуманизма и потому укрепляют его. Подобно тому, как отдельные добрые дела в совокупности определяют не только то, какими нас видят другие, но и то, как мы выглядим в собственных глазах, так же и коллективные добрые поступки не только служат отражением общества, но и формируют его.

Этическая основа для оказания помощи в настоящий момент играет особенно большую роль. Суровая и продолжительная рецессия, поразившая развитые страны, влечет за собой жесткую фискальную экономию. Насколько приоритетны в этих условиях расходы на оказание помощи? Любые программы помощи ничтожны по отношению к общему государственному бюджету, и потому в случае тревожной фискальной ситуации несущественно, будут ли они серьезно урезаны или не претерпят изменений. Однако пора бюджетных сокращений чудесным образом заставляет собраться с мыслями: в такие моменты приходится делать непростой выбор, к тому же подвергающийся публичному обсуждению. Насколько важны нужды беднейших обществ по сравнению с потребностями нашего собственного общества? И напротив, периоды фискального благополучия мало что могут сказать об истинных приоритетах общества: если деньги достаются легко, то их тратят на все что только придет в голову. Сейчас, когда я пишу эти строки, каждое богатое общество в какой-то мере демонстрирует свои истинные приоритеты, причем выясняется, что они резко различаются от страны к стране. Кроме того, их не всегда удается предсказать исходя из приблизительной характеристики поли-

тического спектра. В Великобритании правое правительство не пошло на сокращение программ помощи; напротив, в США левое правительство резко сокращает аналогичные программы. И дело не сводится к эксцентричным девиациям публичной политики, происходящим под нажимом демократической общественности. Судя по всему, британская публика спокойно относится к выявлению истинных приоритетов. Некоторое время назад правый журнал *The Spectator*, решительно выступающий против оказания помощи, провел публичные дебаты на тему о том, не следует ли Великобритании сократить свои программы помощи. Я получил приглашение выступить на этих дебатах, и оно привело меня в некоторый трепет: вряд ли бы в Великобритании нашлась аудитория, более склонная выступать за сокращение зарубежной помощи. Однако мы победили в этих дебатах с громадным отрывом. Лично моя аргументация сводилась не к тому, что такая помощь сверхэффективна, — ибо я сильно сомневаюсь в этом, — а к тому, что наши решения в отношении оказания помощи неизбежно отражают в себе наши представления о том, какое общество мы стремимся построить. На последних выборах обе партии, входящие в правящую коалицию, дали слово не сокращать, а наоборот, увеличивать объемы помощи, и мы должны выполнять свои обязательства перед бедными странами мира. Я ощущаю некоторую гордость за принадлежность к нации, которая в наши непростые времена подтверждает свою щедрость. Сомневаюсь, чтобы американцы как народ были менее щедрыми. В конце концов, после землетрясения на Гаити личные пожертвования на оказание помощи пострадавшим сделала невероятно большая доля — половина — всех американских домохозяйств. Возможно, неприязнь амери-

канцев к выполнению программ помощи отражает в себе рост недоверия к правительству, в настоящее время заметное в американских публичных дебатах: средства, выделенные общественностью, оседают в карманах правительства, прежде чем попасть в ту страну, для которой они предназначаются.

В тех случаях, когда разная политика по-разному сказывается на достижении одной и той же цели, правительствам, желающим сохранить политическую сплоченность, следует координировать эту политику ради осуществления поставленных целей. Как минимум правительства не должны одновременно применять такие политические инструменты, которые способствуют достижению цели, и такие, которые препятствуют этому. Так, миграционная политика, осуществляемая страной, принимающей мигрантов, окажет такое воздействие на страну, служащую источником миграции, которое будет либо способствовать политике по оказанию помощи этой стране, либо подрывать ее, в зависимости от последствий миграции. Поскольку эмиграция в целом оказывает положительное воздействие на тех, кто остается дома, а богатые страны считают своим этическим долгом помогать беднейшим странам, то миграционная политика в какой-то степени должна рассматриваться как дополнение к программам помощи. Разумеется, миграция влечет за собой и другие следствия, и правительства стран, принимающих ее, имеют законное право принимать их во внимание, но необходимо учитывать и последствия миграции для тех, кто остался на родине.

Два важнейших экономических потока между богатыми и беднейшими странами, возникающие вследствие миграции, — это денежные переводы и «утечка мозгов». Переводы представляют собой скрытую форму помощи, оказываемой богатыми

бедным, в то время как «утечка мозгов» — скрытая форма помощи, оказываемой бедными богатым. Попробуем разобраться, почему это так.

Непосредственным источником переводов служат доходы мигрантов, оставшиеся после выплаты налогов, и потому в роли спонсоров выступают сами мигранты. Но в конечном счете, высокая производительность, позволяющая мигрантам зарабатывать деньги, пересылаемые на родину, в первую очередь обеспечивается вовсе не мигрантами. В конце концов, в своем родном обществе эти люди работали бы намного менее продуктивно. Переселяясь в страны с высоким уровнем зарплат, они начинают извлекать выгоду из различных форм общественного капитала, в своей совокупности делающих богатые общества богатыми. Этот общественный капитал был накоплен коренным населением страны, принимающей мигрантов. Как отмечалось в главе 2, если это дает коренному населению основания претендовать на эту надбавку за производительность, то в практическом плане ему бы не стоило это делать, так как при этом мигранты были бы низведены до положения людей второго сорта. Тем не менее коренное население поступит вполне обоснованно, если потребует, чтобы ему наряду с мигрантами воздали должное за переводы, обогащающие тех, кто остался жить в странах — источниках миграции. Последняя позволяет коренному населению отправлять значительные денежные средства в эти бедные страны: по сути, речь идет о программе помощи, осуществляемой мигрантами. Разумеется, привлекательной чертой этой программы помощи является и то, что она ничего не стоит коренному населению: она финансируется за счет роста производительности, обеспечиваемого миграцией.

С другой стороны, «утечка мозгов» финансируется за счет расходов на образование, которые несут власти стран — источников миграции. Инвестиции в образование детей, которые впоследствии переселяются в богатые страны, можно рассматривать как непреднамеренную программу помощи странам, принимающим мигрантов. Налоги с заработка иммигрантов, получаемые этими странами, представляют собой доход от образования, оплаченного совсем другими странами. Такое перераспределение средств невозможно оправдать никакими рациональными соображениями, и потому встает вопрос о компенсации. Власти стран, принимающих мигрантов, должны выплачивать странам — источникам миграции суммы, соответствующие налоговому поступлению, которые являются прибылью от инвестиций в образование. Подходящим критерием для определения размеров компенсации может служить доля расходов на образование в бюджете страны, принимающей мигрантов. Например, если на образование приходится 10% государственных расходов, то десятую часть налогов, взимаемых с иммигрантов, можно счесть справедливой компенсацией за то, что данная страна получает в свое распоряжение квалифицированную рабочую силу, обучение которой было оплачено каким-то другим обществом. Предположим, что на долю налоговых поступлений приходится 40% национального дохода страны, принимающей мигрантов, что они составляют 10% ее населения и что они выплачивают долю налогов, пропорциональную их доле в населении страны. В таком случае соответствующая компенсация за налоговые поступления, обеспеченные прибытием в страну квалифицированной рабочей силы, составит 0,4% национального дохода. Разумеется, данный пример носит чисто абстракт-

ный характер. Однако если фигурирующие в нем числа по порядку величины соответствуют реальности, то мы получаем интересное следствие. ООН поставила цель довести размеры внешней помощи до 0,7% национального дохода. Соответственно, значительную долю этой помощи можно будет считать просто компенсацией за неявную помощь, оказываемую странами — источниками миграции странам, принимающим ее. В реальности большинство богатых стран выделяют на оказание помощи намного меньше, чем 0,7% национального дохода — как правило, около половины этой величины. Поэтому можно сказать, что левая рука дает помощь, а правая получает ее и она превращается из подарка в возмещение ущерба.

Часть V
*К пересмотру
миграционной
политики*

Нации и национализм

Англия для англичан?

ПРЕДСТАВИМ себе, что где-то в Англии молодой человек, подражая поведению озлобленных подростков, намалюет на стене лозунг: «Англия для англичан». Хулигана схватит полиция, на него вполне обоснованно заведут дело и отдадут под суд с явным намерением предъявить ему обвинение в расизме. Вообще говоря, почти во всех странах богатого мира идея национального государства вышла из моды как у образованной элиты, так и у молодежи. Двумя столпами идентичности в наше время стали индивидуализм и глобализм: многие молодые люди яростно отстаивают свою индивидуальность в окружающем их и чуждом им обществе и в то же время видят себя гражданами мира.

Современный индивидуализм имеет глубокие корни. Примерно в то время, когда на свет появилась современная концепция индивидуума, Декарт объявил, что мы узнаем о существовании мира посредством неоспоримого опыта личного мышления: *cogito, ergo sum*. Многие современные философы считают, что Декарт перепутал местами причину и следствие. Мы не можем воспринимать свое существование иначе как в контексте осознания того, что являемся частью общества.

И здесь, в самом основании философии, возникает противоречие между людьми как индиви-

дуумами и людьми как членами общества. Двумя этими подходами пронизаны и политика, и общественные науки. В политическом плане налицо диапазон воззрений от социализма до либертарианского индивидуализма, включающий таких политиков, как Маргарет Тэтчер с ее бьющим не в бровь, а в глаз заявлением «Нет такой вещи, как общество», и таких мыслителей, как Айн Рэнд, которая считала социальную организацию заговором ленивого большинства против одаренного меньшинства. В сфере общественных наук свойственное экономике стремление ставить индивидуума во главе угла издавна противопоставлялось групповому анализу, используемому в социологии и антропологии. Люди в одно и то же время суть индивидуумы и члены общества. Адекватная теория людского поведения должна учитывать оба эти аспекта нашей природы, точно так же, как успехи физики основывались на понимании того, что на субатомном уровне материя ведет себя и как частицы, и как волны.

Баланс между людьми как частицами и людьми как волнами может влиять на наше отношение к стране. На одном конце спектра находится страна как случайная географическо-юридическая сущность, населенная некими частицами. На другом конце спектра страна — это люди, имеющие общую идентичность и объединенные узами взаимного внимания. Этот конец спектра разделен на два отдельных этапа: представление о том, что общество не менее важно, чем индивидуум, и представление о том, что страна — ключевая единица организации общества. Потенциальным источником путаницы при этом служит то, что первая идея обычно ассоциируется с левыми политическими силами, а последняя — с правыми.

Общество или личность?

Сначала разберем идею о том, что общество важнее индивидуума. Развитие философии, психологии и экономики в последние годы шло под знаком отрицания индивидуального начала. В философии Майкл Сэндел показал, как в течение последнего поколения акцент на индивидуализме, присущий экономическому анализу, привел к отказу от коллективного предоставления важнейших благ в пользу рыночных механизмов¹. Наступление рынка имело серьезные последствия в плане распределения, сопровождаясь беспрецедентным ростом социального неравенства. Некоторые философы в настоящее время ставят под сомнение свободную волю — краеугольный камень индивидуализма. Их соображения основываются на собранных социальной психологией фактах, свидетельствующих о силе подражания². Люди выбирают ролевые модели поведения из небольшого числа имеющихся вариантов, и в дальнейшем их реакция на те или иные ситуации задается выбранной ролевой моделью: при рассмотрении с такой точки зрения личная ответственность не устраняется, но существенно ослабляется.

В психологии Джонатан Хайдт и Стивен Пинкер показали, каким образом настроения и убеждения, влияющие на наше поведение по отношению к другим людям, изменяются с течением времени, серьезным образом сказываясь на благосостоянии. Хайдт указывает, что чувство общности является одним из шести фундаментальных нравственных ощущение-

1. Sandel (2012).

2. Dijksterhuis (2005).

ний, присущих практически всем людям³. Пинкер объясняет резкое сокращение уровня насилия в западном обществе, происходившее начиная с XVIII в., ростом способности к сопереживанию: благодаря различным факторам, включая в первую очередь распространение грамотности и популярные романы, люди научились ставить себя на место других и представлять себя жертвами насилия, которому подверглись не они сами. Даже психоанализ, традиционно возводивший роль личности в абсолюте, сейчас ищет корни личных проблем в таких чувствах, порождаемых взаимоотношениями между людьми, как стыд.

Экономика издавна являлась бастионом эгоистичного, доведенного до крайности индивидуализма. Основы такого подхода были заложены Адамом Смитом в его знаменитом «Исследовании о причинах богатства народов», в котором он продемонстрировал, что подобное поведение выгодно для общества. Но Смит написал и «Теорию нравственных чувств», посвященную основам взаимоотношений. Эта работа с запозданием получает должное признание⁴. Дополнением к ней служит такая новая дисциплина, как нейроэкономика, в которой взаимодействие с другими людьми объясняется с неврологической точки зрения⁵. В сфере экспериментальной экономики выяснено, что склонность к доверию

3. Согласно Хайдту, исключением является образованная социальная элита богатых стран, по-видимому, подавляющая в себе чувство общности и большинство других обычных нравственных чувств. Эти «странные» люди руководствуются в своей жизни только двумя утилитарными нравственными чувствами — чувством вреда и чувством справедливости.

4. «Теория нравственных чувств» очень интересно переформулирована с формальной точки зрения в: Benabou and Tirole (2011).

5. Zak (2012).

имеет высокую ценность и различается от общества к обществу. Исследования, посвященные счастью, показали, что в реальности важны социальные, а не материальные факторы: то, в какие отношения мы вступаем с другими и как выглядим в их глазах. Но даже с точки зрения такого узкого показателя, как доход, группа, отличающаяся высоким уровнем уважения и доверия к другим людям, будет более преуспевающей, чем группа, состоящая из эгоистичных индивидуалистов. В настоящее время бушуют споры о том, может ли социобиология объяснить возникновение генетической предрасположенности к доверию. В то время как его невозможно объяснить конкуренцией между индивидуумами, оно могло быть порождено как конкуренцией между генами, так и конкуренцией между группами: не исключено, что взаимное уважение в пределах группы заложено в нас с рождения⁶.

С точки зрения всех этих исследователей поведение отчасти определяется чувством общности и настроениями, разделяемыми сообществом. Люди отличаются предрасположенностью к взаимному уважению в пределах группы; но эти чувства могут быть разрушены личным эгоизмом, как происходило на протяжении предыдущего поколения по мере укрепления позиций рынка.

Является ли нация сообществом

Сообщество играет важную роль как принципиальная ценность для большинства людей, как ключевой фактор счастья и как источник материального благосостояния. Какие же организационные еди-

6. Pagel (2012).

ницы наиболее важны для сообщества: семья, клан, квартал, этническая группа, религия, профессия, регион, нация или мир? Люди прекрасно осознают наличие у них целого ряда идентичностей, многие из которых не противоречат друг другу. Насколько важна нация в этом спектре возможных клубов?

Эйнштейн осуждал национализм, сравнивая его с «корью», а в Европе вошли в моду разговоры об отмирании нации. Нациям бросают вызов региональные идентичности: Испании в настоящее время грозит отделение Каталонии, а Великобритании — отделение Шотландии. Нации сталкиваются с формальной угрозой — передачей власти таким более крупным структурам, как Европейский союз, — и с культурной угрозой, выражающейся в возникновении глобализованных образованных элит, высмеивающих национальную идентичность. Тем не менее эта идентичность чрезвычайно важна как сила, обеспечивающая равенство.

Нации являются исключительно важными институтами налогообложения. Лишь в тех случаях, когда людям свойственно мощное чувство единой идентичности на данном уровне, они готовы признать, что налогообложение может использоваться с целью перераспределения, частично компенсирующего превратности судьбы. Взять хотя бы стремление каталонцев отделиться от Испании. Каталония — богатейший регион Испании, и за тягой каталонцев к отделению стоит нежелание и дальше отдавать 9% каталонского дохода другим регионам. Если бы испанский национализм был более сильным, это едва ли бы привело к воинственным настроениям в отношении Португалии, но, возможно, способствовало бы примирению каталонцев с необходимостью помогать своим более бедным соседям. Иными словами, современный национализм — это

не столько массовая эпидемия кори, сколько массовая инъекция окситоцина⁷.

Разумеется, было бы очень приятно, если бы чувство единой идентичности могло возникнуть и на более высоком уровне, чем нация, однако национализм и интернационализм не обязательно должны быть противоположностями. Ключевое слово во фразе «благотворительность начинается дома» — это слово *начинается*. Сочувствие подобно мышце: проявляя его по отношению к согражданам, мы можем развить в себе внимание к тем, кто ими не является. Более того, сейчас мы знаем, что построение единой идентичности на более высоком уровне по сравнению с нацией — дело чрезвычайно трудное. На протяжении последнего полувека наиболее успешным наднациональным экспериментом в мире было создание Европейского союза. Тем не менее даже после этих пятидесяти лет и несмотря на память о тех временах, когда национализм был больше похож на чуму, чем на корь, Европейский союз перераспределяет между странами Европы намного меньше, чем 1% их дохода. Испытания, выпавшие на долю евро, а также жесткое противодействие немцев идее «трансфертного союза» (читай: «оплата греческих долгов») свидетельствуют о том, как трудно перестроить свою идентичность. Полвека существования Европейского сообщества продемонстрировали, что люди не в состоянии в достаточной мере считать себя хотя бы гражданами единой Европы для того, чтобы одобрять сколько-нибудь значительное перераспределение доходов. В рамках Европы национальные правительства распределяют примерно в 40 раз больше средств, чем Европейская комиссия. Выходя на глобальный

7. Zak (2012).

уровень, мы встречаем здесь еще более слабый механизм перераспределения налогов — то есть оказания помощи. Несмотря на все усилия международной системы, за последние четыре десятилетия ей не удалось достичь взимания налогов в объеме хотя бы 0,7% от доходов. С точки зрения сотрудничества между людьми, нации — это не эгоистичные образования, стоящие на пути к глобальному гражданству: по сути, помимо них, у нас нет других систем предоставления общественных благ.

При этом нация как система перераспределения решительно превосходит масштабами своей работы не только более глобальные системы сотрудничества, но и системы более низкого уровня. Субнациональные власти практически всегда распоряжаются намного меньшей долей доходов, чем национальное правительство. Исключениями являются именно те страны — в первую очередь это Бельгия и Канада, — в которых чувство идентичности носит главным образом субнациональный характер, отражая языковые различия. Например, Канада отличается тем, что природные ресурсы считаются там собственностью региональных властей, а не национального правительства. Будучи необходимой уступкой перед лицом слабого ощущения принадлежности к единой нации, в прочих отношениях такая ситуация нежелательна: с точки зрения равноправия было бы более справедливо, чтобы ценными природными ресурсами распоряжалась вся нация, а не только те, кому повезло жить в том регионе, где они были найдены. Жители Альберты ничего не сделали для того, чтобы в их провинции имелась нефть; просто так вышло, что они живут чуть ближе к ее месторождениям, чем другие канадцы. Даже базовая децентрализованная система перераспределения, семья, — всего лишь бледное

подобие государства. Вообще, благотворительность в буквальном смысле начинается не *дома*; она начинается в министерствах финансов, а семейная щедрость служит лишь ее скромным дополнением. Государство даже активно практикует изъятие у родителей средств в пользу их несовершеннолетних детей: там, где не существует финансируемого государством и обязательного образования, многие дети остаются необразованными, подобно моему отцу.

Нации функционируют как системы перераспределительного налогообложения, потому что с эмоциональной точки зрения отождествление себя с нацией оказалось чрезвычайно мощным способом объединять людей друг с другом. Общее чувство принадлежности к одной нации не обязательно влечет за собой агрессию; скорее, это практический способ установления братских уз. Французские революционеры, возвестившие наступление современности, не без причины говорили о братстве наряду со свободой и равенством: *братство — это эмоция, примиряющая свободу с равенством*. Мы готовы признать, что перераспределительное налогообложение, без которого не будет равенства, не ущемляет нашей свободы, лишь в том случае, если мы относимся к другим как к членам одного с нами общества.

Во многих отношениях труднее всего поддается социализации молодежь: похоже, что подростки генетически запрограммированы на антисоциальное насилие и своеволие. Тем не менее национальная идентичность оказывается способной — даже чересчур способной — к тому, чтобы обуздать неистовую молодежь. Можно вспомнить полчища молодых людей, в августе 1914 года призывавших в столицах всех европейских наций к войне, с полей которой в итоге немногие из них вернулись. Ши-

роко распространенное неприязненное отношение к национальной идентичности — результат не ее неэффективности, а того, что она слишком часто становилась причиной войн.

Помимо того, что нации являются мощным механизмом сбора и перераспределения налогов, с технической точки зрения именно национальный уровень в наибольшей степени подходит для многих коллективных мероприятий. Коллективный принцип делает возможной экономию за счет масштаба, но уничтожает разнообразие⁸. При попытке достижения компромисса между экономией за счет масштаба и разнообразием выясняется, что лишь немногие виды деятельности стоят того, чтобы заниматься их организацией на глобальном уровне. Но их организация на национальном уровне превратилась в норму. В некоей неизвестной степени предоставление общественных благ сосредоточено на национальном уровне по той причине, что нации оказались мощными единицами коллективной идентичности, а не из-за того, что идентичность определяется логикой пользы, которую дает сотрудничество. Но соответствие идентичностей коллективным действиям подтвердило свою ценность.

Кроме того, национальная идентичность может быть полезной и в качестве фактора, мотивирующего рабочую силу в государственном секторе. Вспомним ключевое различие между «своими» и «чужими»: оно заключается в том, насколько трудящиеся прониклись задачами своей организации. Одной из причин для передачи того или иного вида деятельности из частного рынка в государственный сектор является проблематичность мотивации посредством финансовых стимулов. Связать результа-

8. Alesina and Spolaore (1997).

ты работы с ее оплатой может быть непросто в случае их чрезмерной аморфности, не позволяющей дать им количественную оценку, или тогда, когда они в сильной степени зависят от командных усилий. И напротив, многие виды деятельности, которыми традиционно занимается государственный сектор, — такие как преподавательская деятельность и уход за больными — быстро начинают восприниматься как личное дело. Получить удовлетворение от обучения детей чтению и письму гораздо легче, чем от продажи косметики. Но при насаждении среди служащих чувства преданности своей организации откровенно полезной оказывается националистическая символика. В Великобритании государственная организация здравоохранения называется *Национальной службой здравоохранения*, а профсоюз преданных своему делу медсестер — *Королевской коллегией сестер милосердия*. Наиболее чистый пример организации, надежность которой основывается на преданности ее сотрудников, а не на финансовых стимулах, представляет собой армия — которую невозможно представить себе без национальной символики. Собственно, одним из примеров в книге Акерлофа и Крэнстона «Экономика идентичности» служит набор призывников в американские вооруженные силы.

Точно так же как Майкл Сэндел сожалеет о передаче предоставления многих благ из публичного сектора в руки частного рынка, так и в рамках самого государственного сектора происходит соответствующий поворот от личной преданности к финансовым стимулам. Как и в том, что касается более общей тенденции, во многом за этот поворот ответственна избыточная вера в силу денег. Но в то же время его может усугублять растущее нежелание использовать национальную идентичность

в качестве мотиватора и снижение его эффективности по причине того, что значительную долю рабочей силы в государственном секторе нередко составляют мигранты.

Прекрасный пример того, что происходит в случае несоответствия между идентичностью и коллективной организацией, нам дает Африка. Границы государств на этом материке проводились иностранцами, в то время как идентичность определялась географией расселения народов, складывавшейся в течение тысячелетий. Лишь в немногих африканских странах нашлись лидеры, озаботившиеся тем, чтобы насадить чувство единого гражданства; в большинстве других стран идентичность носит преимущественно субнациональный характер, а сотрудничество между людьми, имеющими различную идентичность, затрудняется из-за недостатка доверия. При этом в большинстве африканских стран предоставление общественных благ сосредоточено на национальном уровне: именно туда стекаются финансовые поступления. В результате общественные услуги предоставляются там очень плохо. Типичной чертой африканской политической экономики является то, что каждый клан рассматривает государственную мощь как всеобщее достояние, которое можно расхищать на благо данного клана. Этичным считается сотрудничество в рамках клана при расхищении ресурсов, а не сотрудничество на национальном уровне при предоставлении общественных благ. Выдающимся исключением из числа африканских лидеров, не проявивших способности к насаждению чувства единой национальной идентичности, был отец-основатель Танзании — президент Джулиус Ньерере. В главе 3 я описывал, как наличие в Кении 50 различных этнических групп препятствует уходу

за колодцами из-за разногласий между деревенскими жителями. Однако в той же самой работе кенийские деревни, различающиеся степенью своей неоднородности, сравнивались не только друг с другом, но и с танзанийскими деревнями, лежащими по другую сторону границы. Поскольку эта граница была произвольным образом проведена в XIX в., то национальный состав населения по обе ее стороны одинаков; ключевым различием служат усилия лидеров в сфере национального строительства. В то время как президент Ньерере ставил национальную идентичность превыше этнической, его кенийский коллега, президент Кениата, рассматривал этническую принадлежность как средство обеспечить себе верных приверженцев, и его преемники продолжили эту стратегию. Это различие в подходах к национальной идентичности не осталось без последствий. Если в кенийских деревнях различные этнические группы не могут наладить сотрудничество друг с другом, то в танзанийских деревнях такое сотрудничество — в порядке вещей. По сути, в Танзании степень неоднородности никак не влияет на уровень сотрудничества. Национальная идентичность тоже бывает полезна.

В мире, разделившемся на индивидуалистов, не видящих необходимости в социальном сотрудничестве, и универсалистов, опасющихся национализма, нация как решение проблемы коллективных действий вышла из моды. Но в то время как необходимость в сотрудничестве вполне реальна, страх перед национализмом давно утратил всякие основания. Как указывает Стивен Пинкер, война между развитыми странами в наши дни немыслима. Перед Германией сейчас стоит сложный выбор, связанный с поддержкой Греции: без такой поддержки Греция будет вынуждена выйти из зоны евро,

поставив под угрозу ее существование, в то время как финансовая поддержка снизит имеющиеся у Греции стимулы к проведению экономических реформ. Канцлер Меркель заявила о готовности Германии спасти евро любой ценой, утверждая, что его крах вызовет из небытия призрак войны между европейскими державами. Но эти страхи, будучи искренним итогом размышлений о прошлом Германии, откровенно беспочвенны в том, что касается ее будущего. Европейский мир опирается не на евро и даже не на Европейское сообщество. Мы можем проверить, насколько оправданны опасения канцлера Меркель, если сравним друг с другом вероятные будущие отношения Германии с Польшей и с Норвегией. Во время Второй мировой войны германские войска вторглись в обе эти страны и оккупировали их. Сейчас Польша использует евро и состоит в Европейском сообществе, а Норвегия не сделала ни того ни другого. Но разве этот факт хотя бы чуть-чуть повышает вероятность немецкого вторжения в Норвегию по сравнению со вторжением в Польшу? Вполне очевидно, что Германия больше никогда не будет захватывать ни ту ни другую страну. Мир в Европе держится не на общей валюте и не на брюссельской бюрократии, а на глубокой перемене в умонастроениях. Через сто лет после 1914 года европейская толпа уже не станет радоваться грядущему кровопролитию.

Если национализма и следует опасаться, то не потому, что он приведет к войне с другими народами, а, скорее, вследствие его возможной неинклюзивности: национализм может стать прикрытием для расизма. Под нацией можно понимать не всех людей, живущих в данной стране, а только преобладающую этническую группу. Британскую националистическую партию следовало бы называть «Партией ко-

ренных англичан»; под «Истинными финнами» имеется в виду финское этническое большинство и т.д. Но позволять расистским группам присваивать такой серьезный символ и эффективную организационную единицу, как нация, опасно само по себе. Если прочие политики по умолчанию пренебрегают чувством национальной идентичности, то они отдают мощное политическое орудие на откуп силам зла. Националист не обязан быть расистом. Превосходный пример именно такой позиции, сложившейся благодаря своеобразным коллективным процессам, был продемонстрирован на лондонских Олимпийских играх 2012 года. Великобритания, к своему собственному удивлению, завоевывала на них одну золотую медаль за другой. И эти золотые медали добывало для нее созвездие всевозможных рас, что само по себе служило для британцев предметом национальной гордости. Идентичность формируется символами: британская реакция на Олимпийские игры в одно и то же время выражала в себе и нечто уже сформированное, и сам процесс формирования этого нечто, то есть мультирасовой нации. Аналогичным образом, фраза «Англия для англичан» должна быть такой же безвредной, как «Нигерия для нигерийцев». Политическому истеблишменту следовало бы определять английскую идентичность точно так же, как Шотландская националистическая партия определяет «шотландцев», понимая под ними всех, кто живет в Шотландии. Нельзя позволять, чтобы национальная идентичность по умолчанию становилась собственностью расистов. Нации никуда не делись. Низведение национальности к чистому легализму — набору неких прав и обязанностей — можно назвать коллективным эквивалентом аутизма: жизнью по правилам, но без всякой душевной теплоты.

Совместима ли национальная идентичность с ускоренной миграцией

Национальная идентичность — вещь ценная и в то же время допустимая. Но угрожает ли ей иммиграция? На этот вопрос едва ли можно дать четкий ответ. Иммиграция не обязательно подрывает ощущение единой идентичности, но это может произойти.

Очевидно, что ассимиляция и слияние потенциально совместимы с сохранением ярко выраженного чувства общей национальной идентичности. Согласно логике ассимиляции коренное население должно «продвигать» свою нацию, приветствуя мигрантов и приобщая их к своей культуре. Такая роль не только не противоречит гордости за свою идентичность, но и укрепляет эту гордость. Именно такая модель работала в США на протяжении большей части их истории: американцы гордились своей нацией, а иммиграция укрепляла свойственное им представление о своей исключительности. Аналогичным образом французы уже более столетия «продвигают» свою национальную культуру, и выясняется, что крупномасштабная миграция вполне совместима с чувством гордости за свою нацию.

Проблемы, связанные с ассимиляцией и слиянием, носят практический характер. Как было показано в главе 3, чем ниже темп абсорбции, тем выше темп миграции. Кроме того, на темп абсорбции отрицательно влияет величина культурной дистанции между мигрантами и коренным населением. Наконец, темп абсорбции может снижаться по мере того, как совершенствование международных коммуникаций облегчает мигрантам поддержание регулярной связи со своим родным обществом. Соот-

ветственно, для того чтобы ассимиляция и слияние продолжались, следует использовать тонкие методы контроля за темпом миграции, которые бы учитывали ее состав. Ни коренное население, ни мигрантов невозможно принудить к интеграции, но к коренному населению должно предъявляться требование о том, чтобы все его организации были открыты для мигрантов, в то время как мигрантам, возможно, придется соблюдать требования, связанные с обучением местному языку и географией расселения.

Иные проблемы встают в том случае, если взят курс на сохранение культурной обособленности мигрантов. Он не так хорошо сочетается с сохранением общего чувства национальной идентичности, как ассимиляция и слияние. Такой подход почти ничего не требует от мигрантов: вместо того чтобы менять одну национальную идентичность на другую, они просто могут добавить к своим прочим характеристикам новое гражданство. Но если коренное население низводится до статуса лишь одной из нескольких культурных «общин», то какую идентичность оно получит? Если бангладешцы, проживающие в Англии, станут «бангладешской общиной», а сомалийцы — «сомалийской общиной», то коренное население почти неизбежно станет «английской общиной». Но таким образом мы утратим чувство единой национальной принадлежности: перед нами открывается роскошная дорога к «Англии для англичан». Если коренное население присваивает национальный идентификатор, то каким термином нам обозначать жителей страны, вместе взятых? Еще более сомнительна та роль, которую логика культурного размежевания отводит коренному населению. Согласно преобладающему официальному подходу, коренным жителям прежде всего внушают: «Не будь расистом», «Усту-

пи дорогу» и «Учись уважать другие культуры». В таком виде все это звучит несколько унизительно. В результате коренное население может «уйти в оборону»: от коренных британцев, принадлежащих к рабочему классу, нередко можно услышать горькое «Ведь были же хорошие времена».

Но такая невдохновляющая роль, отведенная коренному населению — не единственная, которую допускает принцип культурной обособленности. Коренное население в рамках этого подхода может получить и более позитивную роль. Например, не исключено, что многие отдельные национальные общины, сосуществуя на одной и той же территории, могут стать первопроходцами движения к будущей «глобальной деревне». Коренное население, выбирая подобную стратегию для своей страны, становится авангардом такого будущего. Согласно данной логике нация воплощает в себе набор этических принципов равенства между общинами, проявляющихся в системе юридических прав и обязанностей, которыми наделены все в равной степени. Коренное население делится с приезжими именно этими глобальными ценностями, а не своей культурой. В Великобритании официальные круги ближе всего подошли к насаждению такого подхода, когда по инициативе тогдашнего премьер-министра Гордона Брауна была предпринята попытка ответить на вопрос: «Что значит быть британцем?». Поскольку сам Браун демонстративно причислял себя к шотландцам, но нуждался в голосах англичан, во всем этом присутствовал определенный комический аспект. Очевидный ответ — «Быть британцем означает быть шотландцем, англичанином, валлийцем или североирландцем» — исключался, а официальный ответ сводился к тому, что жителей Великобритании отличают преданность демокра-

тии, стремление к равенству и прочие симпатичные свойства, обычно ассоциирующиеся со Скандинавией. При всей привлекательности такого представления на следующих выборах партия Брауна получила самую низкую в истории долю голосов коренного населения.

Короче говоря, если сама миграция и не отменяет существования наций, то дальнейшее ускорение миграции в сочетании с политикой мультикультурализма в потенциале угрожает их жизнеспособности. Абсорбция мигрантов оказалась более сложным делом, чем предполагалось. Такой альтернативный подход, как сохранение культурной обособленности, работает вполне хорошо в том, что касается решения задачи-минимума — поддержания социального мира между группами, — но он может оказаться неэффективным с точки зрения таких более важных задач, как организация сотрудничества и перераспределения в их пределах. Имеющиеся у нас факты говорят о том, что дальнейшее возрастание разнообразия в какой-то момент может поставить эти важнейшие достижения современного общества под угрозу.

Как привести миграционную политику в соответствие с ее целями

В ОПРЕКИ предрассудкам ксенофобов, факты не подтверждают мнения о том, что миграция оказывает весьма существенное неблагоприятное воздействие на коренное население принимающих ее стран. Но с другой стороны, что бы ни говорили те, кто называет себя «прогрессивными людьми», факты приводят нас к выводу о том, что при отсутствии эффективных мер контроля миграция очень быстро ускорится до такой степени, что начнет отрицательно сказываться и на коренных жителях принимающих ее стран, и на оставшемся населении беднейших стран мира. Да и сами мигранты, даже будучи непосредственными получателями «бесплатных завтраков», которые приносит более высокая производительность труда, несут явно серьезные психологические издержки. Таким образом, миграция влияет на самые разные группы, но на практике ее способна контролировать только одна из них: коренное население принимающих ее стран. Как должна поступать эта группа — действовать в своих собственных интересах или учитывать интересы всех прочих групп?

Право контролировать миграцию

Утверждать, что контроль над миграцией — вещь этически недопустимая, можно только с диких берегов либертарианства и утилитаризма. Крайнее либертарианство отказывает государству в праве ограничивать личные свободы — в данном случае свободу передвижения. Универсалистский утилитаризм стремится к максимизации мировой пользы любыми средствами. Согласно этому подходу наилучшего результата мы добьемся в том случае, если все население мира переберется в ту страну, в которой достигнута самая высокая производительность труда, а остальной мир опустеет. В придачу к этой массовой миграции было бы хорошо, если бы Робин Гуд ограбил всех богачей мира и раздал бы их деньги всем бедным людям, хотя экономисты обратились бы к нему с призывом не уничтожать своими грабежами стимулы к труду. Очевидно, что ни та ни другая философия не может дать нам этических рамок, которые бы захотело использовать демократическое общество при рассмотрении вопросов миграционной политики. Собственно, от всех этих идей можно было бы отмахнуться как от подростковых фантазий, если бы они не служили этической основой для стандартных экономических моделей миграции.

Зачем кому-то нужно право контролировать миграцию? Чтобы ответить на этот вопрос, попробуем довести до предела логику неограниченной миграции. Как мы уже видели, право на свободное переселение может привести к тому, что некоторые бедные страны обезлюдят, а в некоторых богатых странах мигранты составят большинство населения. Ни утилитариста, ни либертарианца такая возможность не беспокоит: пусть Мали опустеет, ну и что

с того? Люди, которые привыкли считать себя малийцами, наладят свою жизнь в другом месте и будут жить намного лучше. Если преобладающим населением Анголы станут китайцы, а преобладающим населением Англии — бангладешцы, то это изменение совокупной идентичности не будет иметь никаких последствий: индивидуумы вправе идентифицировать себя так, как им угодно. Но большинству людей такой исход не понравится. В экономике окружающей среды существует понятие «экзистенциальной ценности»: допустим, вы никогда не видели панды, но ваша жизнь становится богаче от осознания того, что она обитает где-то на планете. Поэтому мы стремимся не допустить, чтобы какие-либо растения или животные вымерли. Экзистенциальной ценностью — по-видимому, намного большей, чем виды живых организмов, — обладают и общества, причем в глазах не только их членов, но и других людей. Американские евреи ценят существование Израиля, пусть даже им никогда не доведется там побывать. Точно так же и миллионы людей по всему миру ценят Мали — древнее общество, построившее город Тимбукту. Ни Израиль, ни Мали невозможно сохранить в законсервированном виде: это — живые общества. Но Мали должно развиваться, а не пустеть. Проблема малийской бедности не получит удовлетворительного решения, если все жители Мали станут процветающими гражданами каких-то других стран. Аналогичным образом, если Ангола станет еще одной китайской провинцией, а Англия — еще одной провинцией Бангладеш, это будет означать ужасную потерю для глобальной культуры.

Вполне обоснованным этическим ограничением для миграционной политики является золотое правило — не делай другим того, чего не желаешь себе. Так, если мы объявляем неограниченную ми-

грацию нравственным принципом, лежащим в основе, скажем, иммиграции африканцев в США, то этот же принцип должен лежать и в основе иммиграции китайцев в Африку. Однако большинство африканских обществ по вполне разумным причинам относятся к идее неограниченной иммиграции с крайней опаской. Африканцам уже приходилось жить под пятой у других народов, и они не захотят повторения, пусть даже осуществленного силой чисел, а не силой пушек. На практике даже те экономисты, которые предсказывают, что свободное перемещение рабочей силы из одной страны в другую принесет миллиарды долларов, не выступают за неограниченную миграцию в буквальном смысле слова. Они ссылаются на эти миллиарды как на аргумент в пользу некоторого ослабления существующих ограничений на миграцию. Но как всегда, там, где кончаются ограничения, найдется никем не востребованная экономическая выгода; и поэтому не стоит оставлять без объяснения вопрос о том, почему такой шаг может оказаться разумным.

Сущность страны не сводится к ее физической территории. Различие в доходах между богатыми и бедными обществами вытекает из различия между их социальными моделями. Если бы в Мали была создана и сохранялась в течение нескольких десятилетий такая же социальная модель, как во Франции, то и уровень дохода в этой стране был бы близок к французскому. Сохранение различий в доходе не связано с различиями в географии. Разумеется, эти различия играют свою роль: Мали — засушливая страна, не имеющая выхода к морю, и оба эти фактора препятствуют ее экономическому развитию. Но в иных обстоятельствах оба они не были бы такой большой помехой. Отсутствие выхода к морю серьезно усугубляется тем фактом, что в соседних

с Мали странах социальные модели не менее дисфункциональны: война, ныне бушующая в Мали, — прямое следствие краха режима в соседней Ливии. Засушливость усугубляется сильной зависимостью страны от сельского хозяйства: эмират Дубай — страна, еще больше страдающая от нехватки пресной воды, но она создала у себя процветающую экономику услуг, для которой это не представляет проблемы.

Решающее значение имеет функциональность социальных моделей, но она не возникает сама по себе, складываясь в течение десятилетий, а порой и столетий социального прогресса. Такие социальные модели фактически представляют собой часть общей собственности, наследуемой теми, кто рождается в богатых обществах. Но из того, что эта собственность находится в обладании у всех членов данного общества, не следует, что она должна быть доступна для всех остальных: в нашем мире полным-полно подобных «клубных» благ.

Однако даже если большинство людей готово признать, что граждане данной страны обладают определенным правом на то, чтобы ограничивать въезд в нее, подобные права носят ограниченный характер, а кроме того, одни общества имеют меньше прав на эксклюзивность, чем другие. Если страна отличается чрезвычайно низкой плотностью населения, то право не пускать к себе посторонних начинает пахнуть эгоизмом. Если коренные жители страны сами недавно произошли от иммигрантов, то жесткие ограничения на иммиграцию становятся совсем неуместными. Тем не менее, как ни странно, именно страны, входящие в число недавно заселенных или слабозаселенных, нередко вводят наиболее строгие ограничения на иммиграцию: в этом отношении выделяются Канада, Австралия, Россия

и Израиль. Канада и Австралия — страны, еще недавно бывшие иммигрантскими обществами, и вдобавок по-прежнему имеющие очень низкую плотность населения¹. Тем не менее именно они одними из первых ввели высокий образовательный ценз для иммигрантов и предпринимают шаги к тому, чтобы дополнить балльную систему собеседованиями, направленными на оценку других качеств иммигрантов. Россия освоила обширные и незаселенные территории Сибири лишь в XIX веке. Они имеют протяженную границу с Китаем — одной из самых густонаселенных стран в мире. Однако одним из ключевых принципов российской политики является недопущение китайцев в Сибирь. Израиль — еще более молодое иммигрантское общество. Но при этом иммиграция в Израиль настолько затруднена, что даже эмигранты из числа его коренных жителей не имеют права на возвращение.

Даже в густонаселенных странах с давно сложившимся коренным населением некоторые правила, регламентирующие иммиграцию, носят откровенно расистский характер и потому недопустимы. В других случаях эти правила негуманны. Все достойные общества признают право на спасение, в первую очередь распространяющееся на тех, кто ищет убежища. Обязанность спасать людей встает перед некоторыми странами самым буквальным образом. Австралия в наши дни превратилась в настоящую землю обетованную для иммигрантов. Благодаря глобальному буму в торговле минеральными ресурсами ее экономика процветает; согласно глобальному исследованию уровня счастья, австралийцы — самые счастливые люди на Земле. Австралия отнюдь не перенаселена: на всей материке насчиты-

1. См.: Corden (2003).

вается всего лишь 30 миллионов жителей, и почти все они — потомки недавних иммигрантов. Иммигрантом является сама австралийский премьер-министр. Неудивительно, что в Австралию стремятся люди из перенаселенных и бедных стран, но австралийское правительство ввело жесткие ограничения на легальную иммиграцию. Разрыв между мечтами и юридическими реалиями привел к созданию рынка организованных нелегальных перевозок. Предприниматели продают места на крохотных суденышках, направляющихся в Австралию. Все это приводит к вполне предсказуемым трагическим итогам. Те, кто оплачивает нелегальный переезд, никак не защищены от обмана и некомпетентности: суда тонут, а вместе с ними — и люди. В настоящее время в Австралии идут бурные дебаты на тему о том, насколько далеко простираются обязанности австралийцев по спасению этих несчастных. Налицо очевидная дилемма, представляющая собой разновидность того, что экономисты скромно именуют «моральными рисками»: если человек, сев на старую посудину, ставит себя в положение, из которого его придется спасать, впустив его в Австралию, то на старые посудины будет садиться все больше и больше людей, злоупотребляя обязанностью спасать их. Это не освобождает австралийцев от обязанности приходить на помощь погибающим: по самой своей природе к этой обязанности неприменима избавительная оговорка. Но если австралийцы имеют право ограничивать въезд в страну, то у них есть право и на то, чтобы не связывать спасение с последующей выдачей вида на жительство. Сейчас австралийцы проводят новую политику: они не впускают спасенных людей на австралийскую территорию и отказывают им в каких-либо преимуществах по сравнению с другими претен-

дентами на получение въездных виз. Более жесткое, но в то же время, вероятно, более гуманное предложение сводится к тому, чтобы отводить задержанные суда в тот порт, из которого они вышли. Однако совсем не факт, что игра между полными надежд иммигрантами и властями на этом кончится. Мигранты могут в буквальном смысле притвориться немými и уничтожить свои бумаги, чтобы власти не смогли определить, откуда они родом и из какой страны отплыли. По сути, они поднимают ставки: спасая меня, вы берете на себя обязательства, от которых сможете освободиться, только выдав мне вид на жительство. Подобное сознательное злоупотребление обязанностью приходить на выручку повлечет за собой эквивалентный и в то же время соразмерный ответ, который не обязательно будет включать в себя получение мигрантами того, чего они хотят.

Миграция — это частное деяние, решение о котором в первую очередь принимает сам мигрант при возможном участии его семьи. Однако это частное решение влечет за собой определенные последствия, которые оказывают влияние как на общество, принимающее мигранта, так и на его родное общество, но не учитываются мигрантом. Подобные последствия, которые экономисты называют экстерналиями, в потенциале ущемляют права других людей. Публичная политика вправе учитывать эти последствия, игнорируемые самими мигрантами.

Поэтому власти стран, принимающих мигрантов, имеют право ограничивать миграцию, но эти ограничения влияют на три отдельные группы: самих иммигрантов, тех, кто остался в их родных странах, и коренное население стран, принимающих мигрантов. Миграционная политика должна принимать в расчет интересы всех этих групп. Лов-

кость рук, позволяющая экономистам-утилитаристам лихо объединять эти группы в одну и получать чистую прибыль величиной в сотни миллиардов долларов, совершенно неоправданна. То же самое относится и к ксенофобской заботе исключительно о коренном населении: несмотря на то что внимание к другим людям явно ослабевает при пересечении границы, оно все же не исчезает совсем.

Участники ожесточенных дебатов между ксенофобами и «прогрессистами» пытаются дать ответ на некорректный вопрос: миграция — это благо или зло? С точки зрения политики важно совсем не это, а вероятные *предельные* последствия миграции в том случае, если она продолжит ускоряться. При ответе на этот вопрос существенную роль играют три аналитических строительных блока, обозначенные в разных частях нашей книги. Настало время свести их воедино.

Мигранты: принцип ускорения

Первый строительный блок связан с мигрантами и с принимаемыми ими решениями. Его суть состоит в том, что если законную силу будут иметь только децентрализованные решения потенциальных мигрантов, то миграция станет ускоряться до тех пор, пока бедные страны не лишатся значительной части своего населения. Этот принцип вытекает из двух бесспорных свойств миграции. Одно из них состоит в том, что при заданном разрыве в доходах миграция будет упрощаться, а соответственно, и ускоряться по мере роста диаспоры. Фредерик Докье, в настоящее время являющийся самым видным исследователем миграционных процессов, называет это обстоятельство наиболее мощным единич-

ным фактором из всех, что влияют на миграцию². Другое бесспорное свойство миграции заключается в том, что она оказывает лишь незначительное и даже неоднозначное воздействие на разрыв в доходах. Пока иммиграция не становится массовой, она не влечет за собой существенного снижения доходов; даже массовая эмиграция не вызывает их значительного роста. Первоначальный разрыв в доходах настолько велик, что если бы эмиграция была единственной уравнивающей силой, то она бы продолжалась десятилетиями и сопровождалась бы переселением колоссального числа людей.

Сам по себе *принцип ускорения* выводится из этих особенностей миграционного процесса как такового. Однако на практике ускорение усугубляется двумя другими процессами, идущими в бедных странах: ростом доходов и ростом образовательного уровня. В пределах соответствующего диапазона рост доходов обычно влечет за собой повышение темпов миграции, несмотря на то что он сокращает разрыв в доходах. Это происходит из-за того, что рост доходов облегчает первоначальные инвестиции в миграцию: по-настоящему бедным людям миграция недоступна. Из роста образовательного уровня следует, что требованиям каждого конкретного образовательного ценза, используемого как критерий в миграционной политике, будет отвечать все большее число людей.

Отсюда вытекает то, что если ускорение миграции не будет компенсироваться периодическим ужесточением требований, предъявляемых к мигрантам, то темп миграции и размер диаспоры будут возрастать до тех пор, пока страна — источник миграции не лишится большей части своего населения.

2. Beine et al. (2011).

Те, кто остался дома: золотая середина

Второй строительный блок связан с теми, кто остался дома, и касается образования и денежных переводов от мигрантов. Эмиграция разными способами воздействует на тех, кто остался на родине, но наиболее очевидным и, возможно, наиболее важным является ее влияние на количество образованных людей в данной стране и на поступления, приходящие от мигрантов. И то и другое было хорошо изучено лишь в самые последние годы, и эти исследования принесли неожиданные результаты.

Эмиграция образованных людей не обязательно ведет к истощению их количества. Напротив, при умеренных темпах миграции, определяемых другими характеристиками данного общества, эмиграция может дать чистый выигрыш — приток талантов. Но если в Китае и Индии вследствие особенностей этих стран миграция естественным образом не превышает темпов, при которых происходит приток талантов, то темпы эмиграции из многих небольших бедных стран настолько высоки, что приводят к оттоку человеческого капитала, и без того чрезвычайно дефицитного. Хуже того, эмиграция самых незащищенных лишает страну тех самых навыков, в которых она больше всего нуждается для того, чтобы адаптироваться к современности. Аналогичным образом в отсутствие миграции поступления от мигрантов будут нулевыми, и потому очевидно, что умеренная эмиграция ведет к росту поступлений и тем самым приносит пользу тем, кто остался дома. Но по достижении некоего уровня эмиграция превращается из источника поступлений в их альтернативу. Таким образом, в некий момент взаимосвязь между тем-

пом миграции и ее влиянием на образовательный уровень и величину поступлений изменится с положительной на отрицательную. График этой зависимости достигает максимума, после чего начинает снижаться. Судя по наблюдаемым фактам, в большинстве маленьких бедных стран этот пик, вероятно, уже пройден даже при нынешних темпах эмиграции.

Из этого следует, что с точки зрения тех, кто остался дома, существует *золотая середина* — умеренная эмиграция, при которой стимулы к получению образования и величина поступлений совместно достигают максимума. Самой полезной миграцией является не переселение в другую страну, а временный отъезд с целью получения высшего образования. Он не только увеличивает количество образованных кадров, в которых отчаянно нуждается страна; помимо этого, студенты усваивают функциональные политические и социальные нормы принимающей их страны. Более того, по возвращении они передают эти нормы большому числу по-прежнему малообразованных людей. Но власти стран — источников миграции не контролируют ни темп эмиграции, ни темп возврата мигрантов, и потому зависят в этом отношении от мер контроля, используемых властями стран, принимающих мигрантов.

Коренное население и мигранты: вынужденный компромисс

Третий строительный блок касается коренного населения стран, принимающих мигрантов. Отчасти он связан с непосредственным экономическим воздействием миграции, а отчасти с ее социальным воздействием: речь идет о таких факторах, как разнородность, доверие и перераспределение доходов.

Как и в случае влияния на тех, кто остался дома, так и в данном случае миграция влечет за собой самые разные последствия, но вышеупомянутые, вероятно, являются самыми важными и в потенциале могут оказаться наиболее долговременными.

Непосредственное экономическое влияние миграции на уровень заработков зависит от ее масштабов. При умеренных темпах миграции она, как правило, оказывает скромное положительное воздействие на заработки в краткосрочном плане и нулевое — в долгосрочном. Если миграция продолжит ускоряться, то в игру вступят фундаментальные экономические силы, которые вызовут существенное снижение заработков. Даже при умеренных темпах миграции она отрицательным образом скажется на коренном населении принимающих ее стран вследствие ее влияния на распределение таких публично предоставляемых дефицитных благ, как социальное жилье, а при ускорении темпов миграции это воздействие окажется еще более пагубным. Другие последствия — такие как перенаселенность и усугубление цикла бумов и спадов — могут оказаться важными в конкретном контексте.

Миграция влечет за собой рост социального разнообразия. Последнее обогащает экономику, открывая новые подходы к решению проблем, и позволяет получить от жизни больше удовольствия. Но в то же время, подрывая взаимное внимание, разнообразие уничтожает бесценные плоды сотрудничества и щедрости. Пагубные последствия разнообразия усугубляются в том случае, когда мигранты сохраняют привязанность к дисфункциональным социальным моделям, существующим в их родных странах. Все это вызывает необходимость искать компромисс между выгодами и издержками разнообразия. При поисках этого компромисса необходимо знать,

как именно на этих выгодах и издержках сказывается рост разнообразия. Выгоды данного разнообразия, вероятно, подвержены снижению отдачи, что наблюдается и в случае других видов разнообразия. Иными словами, по мере роста разнообразия его позитивные последствия становятся все менее заметными. Напротив, издержки умеренного разнообразия, скорее всего, будут ничтожными, но не исключено, по достижении некоего уровня дальнейший рост разнообразия станет препятствием для сотрудничества и будет подрывать готовность к перераспределению доходов. Таким образом, издержки разнообразия, вероятно, будут возрастать все более высокими темпами. Соответственно, в какой-то момент инкрементальные издержки разнообразия почти наверняка превысят его инкрементальные выгоды. Поэтому когда речь идет о разнообразии, следует задаваться не вопросом о том, хорошо ли оно (как считают прогрессисты) или плохо (как утверждают ксенофобы), а вопросом о том, какая степень разнообразия оптимальна. К сожалению, уровень развития общественных наук в настоящее время еще слишком низок для того, чтобы мы могли оценить, в какой момент разнообразие начнет приносить серьезные издержки. С одной стороны, исходя из этого невежества, можно делать вывод о том, что данные опасения сильно преувеличены. С другой стороны, их можно воспринимать и как вполне законный повод для беспокойства. К сожалению, окончательный вердикт, согласно предсказанию Джонатана Хайдта, будет с большой вероятностью определяться вашей нравственной позицией, а не степенью вашей готовности к риску. При принятии решений в сфере миграционной политики нехватка фактов вступает в столкновение с сильными эмоциями. Но все-таки попробуйте хотя бы ненадолго остаться беспристрастными.

Политический пакет

Теперь попробуем свести все три наших строительных блока воедино. Они несут в себе идею об ответственности властей стран, принимающих мигрантов. Темп миграции зависит как от личных решений потенциальных мигрантов, так и от политики, проводящейся этими властями. Если учитывать лишь решения мигрантов, темпы миграции будут расти и превысят тот уровень, при котором миграция максимально выгодна тем, кто остался дома. Кроме того, она преодолеет и тот рубеж, за которым перестанет быть выгодной для коренного населения принимающих ее стран. Нельзя допускать, чтобы единственным фактором, влияющим на миграцию, оставались решения самих мигрантов; она должна контролироваться властями. Однако миграционная политика неизбежно сталкивается со всевозможными сложностями. Она должна учитывать эти сложности, чтобы отвечать поставленным перед ней целям. Уровень исследований в настоящее время еще не позволяет дать уверенный ответ на многие вопросы. Между тем официальные лица теряют доверие простых граждан, которые не слышат от них ничего, кроме непрерывных заявлений об отсутствии причин для беспокойства: можно вспомнить вопиюще ошибочную оценку вероятных масштабов миграции из Восточной Европы, сделанную британским Министерством внутренних дел. Но если только мы не покончим с существующими табу и не добьемся того, чтобы параметры будущей миграционной политики были понятны широким кругам общественности, подобные исследования даже не начнутся. В главе 5, в ходе разговора о так называемой политической экономии паники, я в общих

чертах предсказал возможные ошибки миграционной политики в типичном богатом обществе. Сейчас же я собираюсь вернуться именно к тем условиям, из которых вытекают эти неприятные политические последствия, и дать иной прогноз.

Как и в случае политической экономии паники, возьмем такую первоначальную конфигурацию функции миграции и графика диаспоры, при которой равновесие недостижимо. В отсутствие мер контроля миграция и диаспора будут возрастать неограниченно. Однако предположим, что вместо того, чтобы дать миграции ускоряться вплоть до достижения момента политической паники, правительство страны, принимающей мигрантов, возьмет на вооружение пакет политических мер, предусматривающих установление потолков, отбор мигрантов, интеграцию диаспор и легализацию нелегальных иммигрантов.

Потолки

Задача-минимум миграционной политики состоит в том, чтобы не дать темпам миграции вырасти до уровня, при котором она начнет причинять ущерб как тем, кто остался жить в бедных странах, являющихся источником миграции, так и коренному населению стран, принимающих мигрантов. В настоящий момент миграция еще не причиняет такого ущерба, и потому необходимость в принятии панических мер отсутствует. Но мы должны понимать, что под влиянием фундаментальных экономических сил миграция будет ускоряться и что превентивная политика намного предпочтительнее противодействия тому, что уже свершилось. Вообще я подозреваю, что политический истеблишмент,

проводя эффективную превентивную политику, лишит экстремистские партии их нынешней привлекательности в глазах простых граждан и устранит породившие ее условия. Чем может быть оправдано установление потолков? Тем, что за этим шагом стоят как просвещенный эгоизм, так и сострадание.

С точки зрения просвещенного эгоизма установление потолков — мера превентивная: этот шаг вызван отнюдь не тем, что миграция уже нанесла чистый ущерб богатым странам. Экономическое обоснование этой меры сводится к тому, что дальнейшее ускорение миграции приведет к снижению зарплат у трудящихся из числа коренного населения и к серьезной нехватке общественных благ. Рынки труда в богатых странах на практике не способны неограниченно быстро создавать рабочие места с высокой производительностью труда: к настоящему моменту соответствующие возможности уже почти исчерпаны. При умеренных темпах миграции, наблюдавшихся на протяжении большей части последнего полувека и совпадавших с продолжительным периодом экономического бума, благоприятные факторы позволяли поддерживать прежний уровень зарплат и даже обеспечивали их скромный рост. Но действие этих факторов невозможно экстраполировать на случай отсутствия контроля над миграцией. Установление потолков оправдано и с социальной точки зрения, так как дальнейшее ускорение миграции повысит разнообразие до такой степени, что оно разрушит взаимное внимание.

Что касается сострадания, следует отметить, что самые нуждающиеся в мире люди — не мигранты из бедных стран. Мигранты по меркам своих родных стран обычно являются зажиточными людьми, потому что издержки миграции делают ее недоступной для самых бедных. Больше всех нуждаются

те, кто остается на родине. В этом заключается важная нравственная проблема нашей эпохи, и потакание миграции тут ничем не поможет. Ускорение миграции выгодно для Китая, но не для Гаити, а нас в первую очередь должна заботить ситуация именно в Гаити, а не в Китае. В то время как умеренная миграция облегчила бы положение гаитян, даже нынешние темпы миграции, скорее всего, превышают тот уровень, при котором она приносит им наибольшую пользу. Не исключено, что миграция уже встает на пути гаитян в их попытках вырваться из нищеты. Таким образом, соображения сострадания вызывают к более срочным мерам и в то же время к более жестким ограничениям, чем те, что диктуются соображениями просвещенного эгоизма.

Итак, и с точки зрения просвещенного эгоизма, и с точки зрения сострадания установление ограничений на миграцию — мера вполне обоснованная. Подобную политику нельзя назвать пережитком давно прошедшей эпохи: ускоряющаяся массовая миграция из бедных стран в богатые — новое и даже еще не вполне заявившее о себе явление, аналогичное глобальному потеплению. Как и в случае глобального потепления, у нас еще не существует адекватной базы данных, которая бы позволила создавать достаточно точные модели, но уже очевидно, что в течение следующих нескольких десятилетий необходимость в мерах контроля будет только усиливаться. Рост обеспокоенности в отношении климатических изменений учит богатые страны заглядывать в будущее и принимать во внимание потенциальный риск углеродсодержащих выбросов. Миграционная политика в этом плане аналогична; более того, оба этих процесса объединяет принципиальная черта: накопление, происходящее после того, как потоки превысят определенный порог.

Что касается климатических изменений, аналитики поняли, что безопасный уровень углеродсодержащих выбросов определяется безопасным количеством накопившейся в атмосфере двуокиси углерода. В том, что касается миграции, аналогичной концепцией является безопасный размер неабсорбированной диаспоры. Диаспора — это накопленный запас *неабсорбированных* мигрантов, и потому именно диаспора служит критерием, позволяющим оценить влияние миграции на разнообразие. Конечной целью миграционной политики должна служить степень разнообразия, а не темп самой миграции. Как и в случае климатических изменений, мы не знаем, насколько большой должна стать неабсорбированная диаспора, чтобы она существенно ослабляла взаимное внимание, на котором держатся богатые общества. Разумеется, ускорение миграции в какой-то момент повлечет за собой и снижение заработков, но ослабление взаимного внимания — более важная угроза, потому что она менее очевидна и, вероятно, проявляется с заметным опозданием. Это делает ее более чувствительной к серьезным политическим ошибкам: если такая проблема возникнет, устранить ее будет очень сложно. Люди по-разному оценивают опасность, связанную с ростом разнообразия, так же, как они не сходятся во мнении о том, на сколько должна вырасти глобальная температура — на три, на четыре или на пять градусов, — чтобы положение стало угрожающим. Но по крайней мере в отношении климатических изменений такая дискуссия ведется. То же самое требуется применительно к диаспорам: какая величина диаспоры может считаться допустимой — 10, 30 или 50 процентов от общей численности населения, — если учитывать и то, что диаспоры, предоставленные сами себе, обычно концентрируются в несколь-

ких городах? В том, что касается климатических изменений, у нас уже есть верные концепции, а кроме того, все шире проводятся соответствующие измерения. В том, что касается миграционной политики, у нас нет ни того ни другого.

Если мы установим некий предельный безопасный размер диаспоры, то следующей ключевой величиной, лежащей в основе миграционной политики, станет не темп миграции, а темп абсорбции диаспоры. Принципиальная идея нашей рабочей модели заключалась в том, что устойчивый темп миграции, соответствующий тому или иному конкретному ограничению на размер диаспоры, зависит от того, насколько быстро она абсорбируется коренным населением. Эта скорость может быть самой разной для разных групп иммигрантов и для разных обществ: например, тонганцы в Новой Зеландии абсорбируются намного быстрее, чем турки в Германии. Во многих обществах эти важнейшие величины даже не были толком измерены, и потому на первых порах нам придется пользоваться приближенными значениями, постепенно уточняя их.

Такие параметры, как безопасный предельный размер диаспоры и темп ее абсорбции, позволяют нам определить устойчивую предельную величину темпа миграции. Высокий темп миграции совместим со стабильным размером диаспоры только в том случае, если налицо высокий темп абсорбции. И напротив, низкий темп абсорбции совместим со стабильным размером диаспоры только тогда, когда темп миграции остается низким. Этот предельный темп миграции, очевидно, связан с совокупными объемами иммиграции. В том, чтобы определять потолки исходя из совокупных величин, нет ничего скандального: например, в различных лотереях, используемых некоторыми богатыми страна-

ми с целью контроля над миграцией, потолки автоматически устанавливаются в зависимости от совокупного количества мигрантов. Однако потолок, о введении которого в настоящее время дискутируют британские политики, определяется как чистый приток иммигрантов минус эмиграция. При этом практически никак не учитывается такая действительно важная величина, как размер диаспоры. Подобный потолок будет иметь значение лишь в том случае, если нас волнует проблема перенаселенности. Сомневаюсь, что преобладающее в современном британском обществе мнение об «избыточности миграции» связано именно с беспокойством по поводу перенаселенности. Скорее всего, оно отражает в себе смутную озабоченность чрезмерным разрастанием неабсорбированных диаспор. Ускорение эмиграции может само по себе стать законным объектом политических мер: оно вредит оставшемуся населению богатых стран из-за оттока квалифицированной рабочей силы.

За возможностью проводить различие между совокупной иммиграцией и совокупной эмиграцией следуют и другие важные различия. Ускорение миграции ради заселения слабо освоенных территорий влечет за собой рост диаспоры, в то же время лишая беднейшие страны талантливых кадров. И напротив, ускорение временной миграции, целью которой служит получение высшего образования, не влечет за собой роста диаспоры, дает бедным странам жизненно важные квалифицированные кадры, способствует распространению ценностей и обеспечивает подготовку будущих лидеров. Как говорится в анекдоте о системе центрального планирования в бывшем СССР, план по разведении некоего количества голов скота удалось выполнить, выведя двухголовую корову. Достижение целей

миграционной политики путем сокращения числа прибывающих в страну иностранных студентов относится к той же категории решений³.

Избирательность

После того как мы установили общий потолок совокупной миграции, можно заняться следующим компонентом работоспособной публичной политики — составом миграции. Факторами, которые при этом следует принимать во внимание, являются семейный статус, уровень образования, трудоспособность, культурная принадлежность и степень уязвимости.

Если право на миграцию определяется исключительно степенью существующего или планируемого родства с теми, кто уже живет в данной стране в качестве иммигрантов, то все прочие критерии становятся несущественными. Родственники членов диаспоры, находящиеся у них на иждивении, будут во все большей степени вытеснять других желающих эмигрировать по мере ускорения миграции, опирающейся на диаспору, и на этом все кончится. Более того, щедро предоставляемое право приглашать к себе родственников снижает стимулы к тому, чтобы отправлять домой переводы, которые становятся спасательным кругом для беднейших стран мира. Поэтому встает важный, но в то же время щекотливый вопрос — каким образом определяется это право? Я уже указывал, что оно существует лишь потому,

3. Очевидно, для того, чтобы имелась возможность не учитывать студенческую миграцию, необходимо позаботиться, чтобы студенты по окончании обучения возвращались на родину. Серьезное рассмотрение этого вопроса даст возможность предложить несколько вариантов соответствующего эффективного контроля.

что коренное население редко пользуется им. В качестве права оно не отвечает критерию категорического императива, предложенному Кантом для определения этичности того или иного поступка: что, если все будут так делать? Это право не теряет силы лишь потому, что в отношении коренного населения ответом на вопрос Канта станет: «К счастью, этого не произойдет». Поэтому, наделяя мигрантов этим правом, к которому редко прибегают коренные жители, мы должны делать ту же самую оговорку: оно должно использоваться в ограниченных масштабах. На практике это подразумевает проведение лотереи, в рамках которой мигранты как группа получают такую же относительную долю виз для своих родственников, что и коренное население страны. Таким образом мы ограничим миграцию иждивенцев, расчистив путь для иммиграции трудящихся. Но как производить отбор этих трудящихся?

Самым очевидным желательным свойством трудящихся-иммигрантов является наличие у них образования или эквивалентной квалификации. Если иммигранты имеют более качественное образование по сравнению с коренным населением, то это с большой вероятностью приведет к росту заработков у коренного населения; если иммигранты менее образованны, то заработки коренного населения могут снизиться, по крайней мере в нижней части шкалы. Поэтому общество, принимающее мигрантов, заинтересовано в том, чтобы отбирать потенциальных мигрантов в соответствии с неким образовательным цензом. Такой подход получает все большее распространение в богатых странах, хотя в настоящее время между ними в этом отношении существуют очень сильные различия. По мере роста образовательного уровня должны повышаться и соответствующие требования, предъявляемые к мигрантам. Как указыва-

лось в главе 4, с точки зрения тех, кто остается жить в беднейших странах, этот вариант не идеален. Беднейшие страны и без того страдают от «утечки мозгов», и это ослабляет их способность угнаться за меняющимся миром путем заимствования и освоения глобальных технологий. Более того, некоторые факты говорят о том, что мигранты, имеющие достаточно высокое образование, посылают домой меньше денег, чем те, кто не так хорошо образован.

Следующий по важности фактор — трудоспособность. В то время как требования по части образования поддаются оформлению в виде списка критериев, которым должны соответствовать иммигранты, за кадром при этом остается огромное количество прочих сведений, важных с точки зрения трудового окружения. Любой, знакомый с университетами, подтвердит, что некоторые студенты и даже кое-кто из преподавателей фактически нетрудоспособны, несмотря на полученное ими отличное образование. Визовые службы мало приспособлены для выявления реальной трудоспособности, а те полномочия, которыми придется наделить иммиграционных чиновников, если поручить им выполнение этой задачи, вызовут рост коррупции. Общество поступит более разумно, если привлечет к выдаче разрешений на иммиграцию частные фирмы. Потенциальные мигранты должны будут не только отвечать критериям, установленным властями, но и соответствовать требованиям фирмы, желающей их нанять. Подобная система действует в Новой Зеландии и Германии. Наниматели заинтересованы в том, чтобы тщательно оценивать претендентов, и потому они будут принимать во внимание более продуманный набор качеств. Страны, выдающие въездные визы на основе механически применяемой системы баллов, окажутся в проигрыше по сравнению с теми,

кто подвергает мигрантов дополнительной проверке, потому что будут наводнены людьми, отвечающими букве предъявляемых к ним требований, но в прочих отношениях непригодными⁴.

Помимо этих факторов, связанных с работой, в расчет также следует принимать культуру, которая, согласно одной из ключевых идей данной книги, имеет немаловажное значение. Культура — это то, что отличает диаспоры от коренного населения, притом что одни культуры более далеки от культуры коренного населения, чем другие. Чем шире этот разрыв, тем меньше скорость абсорбции соответствующей диаспоры и тем ниже устойчивый темп миграции. Однако согласно одному из парадоксов миграции в отсутствие мер контроля, учитывающих культуру мигрантов, преимущество окажется у тех, кто культурно чужд принимающему их обществу. Именно потому, что подобные диаспоры абсорбируются медленнее, чем диаспоры, близкие по культуре, эти крупные диаспоры будут способствовать дальнейшей миграции. Поэтому в той степени, в какой это можно сделать, не впадая в расизм, разумная миграционная политика должна устанавливать режим наибольшего благоприятствования для мигрантов из отдельных стран с тем, чтобы компенсировать вышеназванные вредные последствия культурной отдаленности. Пример политически приемлемого подхода к контролю за миграцией, учитывающего культурные различия между мигрантами, дают Швеция и Великобритания, в настоящее время никак не ограничивающие иммиграцию из Польши, но сохраняющие ограничения на иммиграцию из Турции, потому что последняя не была принята в Европейский союз⁵.

4. См.: Schiff (2012).

5. Турция стала бы самым бедным членом Евросоюза, в то же

Наконец, не последнюю роль играет такой критерий, как уязвимость. Несмотря на массовые злоупотребления статусом убежища, он остается чрезвычайно важной категорией. Помощь беззащитным едва ли принесет экономические блага коренному населению. Ее цель состоит не в этом. Помощь наиболее бедствующим обществам нужна богатым странам ради самоуважения. Тем не менее процесс предоставления убежища можно усовершенствовать. В рамках разумной миграционной политики право на убежище следует зарезервировать для жителей тех немногих стран, которые страдают от гражданских войн, жестоких диктатур, гонений на меньшинства и аналогичных суровых социальных потрясений. Гражданам этих стран право убежища должно предоставляться быстро и щедро. Но этот либерализм необходимо сочетать с временным характером права на жительство: после восстановления мира у них на родине беженцы будут обязаны покинуть приютившую их страну. Обоснованием для этого требования является острая проблема координации, характерная для постконфликтных обществ. Несмотря на отчаянную нехватку квалифицированных кадров, отдельные члены диаспоры не спешат возвращаться на родину. Лишь при одновременном возвращении большого числа людей перспективы страны станут достаточно многообещающими для того, чтобы это возвращение не выглядело чистым донкихотством. В аналитическом плане это возвращает

время имея самую большую среди его стран численность населения и самый высокий уровень рождаемости, который поощряется соответствующей правительственной политикой. Вступление Турции в Евросоюз подвергло бы социальную сплоченность Европы тяжелому испытанию, не принеся самой Турции никаких однозначных выгод.

нас к вопросу, разбиравшемуся в главе 3: речь идет о проблемах, встающих при координации сотрудничества. Но если тогда нас интересовала уязвимость существующего сотрудничества в богатых странах, то сейчас необходимо понять, каким образом можно наладить сотрудничество в некоторых из беднейших стран. Как правило, власти постконфликтных стран отчаянно пытаются добиться возвращения диаспоры на родину, но у них отсутствуют средства, которые позволили бы организовать ее скоординированное возвращение. Такие возможности имеются лишь в распоряжении властей стран, дающих мигрантам убежище, и этими возможностями необходимо воспользоваться ради обществ, неспособных выбраться с глобального дна. Цель предоставления убежища в случае конфликтов состоит не в том, чтобы дать новую родину тем счастливицам, которым удалось выскочить из западни, а в том, чтобы сохранить для страны жизненно важный запас квалифицированных и политически ангажированных людей до тех пор, пока у них не появится возможность вернуться и восстановить свое общество. Обязанность давать убежище не избавляет богатые страны от обязанности задумываться над последствиями своей политики.

Интеграция

Управление размером и составом миграции — не единственное средство ограничить разнообразие и стабилизировать величину диаспоры. Другой способ сделать это — повысить темп абсорбции. Место выбывших членов диаспоры займут новые мигранты. В свою очередь, темп абсорбции диаспоры отчасти зависит от выбора между мультикультурализмом и ассимиляцией.

Абсорбция оказалась более сложным делом, чем первоначально казалось представителям общественных наук и политики. Вероятно, поворот к мультикультурализму отчасти являлся психологической реакцией на эту неудачу: «То, чего нельзя избежать, следует приветствовать». Но при любом заданном ограничении на разнообразие чем ниже темп абсорбции, тем ниже должен быть и темп миграции, и значит, за мультикультурализм тоже приходится чем-то расплачиваться. Отказываться от интеграции было бы преждевременно. Поэтому разумная миграционная политика должна включать в себя набор стратегий, направленных на ускорение абсорбции диаспор. Правительство должно решительно бороться с расизмом и дискриминацией мигрантов коренным населением. По примеру Канады оно должно проводить политику равномерного географического распределения мигрантов. По примеру, заданному в 1970-е годы Америкой, оно должно проводить политику школьной интеграции, устанавливая предельную долю учеников, принадлежащих к диаспорам. Оно должно требовать от мигрантов, чтобы те учили язык коренного населения, и выделять на это необходимые средства. Кроме того, ему следует насаждать символику и церемониалы единого гражданского общества.

Большинство людей, считающих себя прогрессивными, наряду с мультикультурализмом выступают за ускоренную миграцию и щедрые программы социального обеспечения. Однако не всякие сочетания политических мер бывают устойчивыми. Избиратели постепенно научились скептически относиться к предлагаемой политическими демагогами заманчивой политической комбинации, включающей низкие налоги, обширные расходы и стабильный долг. Менее примитивной является такая важ-

ная идея современной международной экономики, как «невозможная троица»: правительство, разрешающее свободное перемещение капитала и проводящее свою собственную монетарную политику, не может в то же время устанавливать и обменный курс. Соответственно, Международный валютный фонд с опозданием признал свободное перемещение капитала неподходящим для некоторых стран. Не исключено существование аналогичной невозможной троицы, связанной со свободным перемещением людей. Есть основания полагать, что ускоренная миграция не сочетается с мультикультурной политикой, способствующей сохранению низких темпов абсорбции, и с щедрой системой социального обеспечения. У нас есть лишь отдельные факты, указывающие на такую невозможную троицу, но не следует с негодованием отмахиваться от этой идеи: общественные науки не защищены от систематических ошибок суждения.

Легализация нелегальной иммиграции

Любые ограничения неизбежно влекут за собой их нарушение. В настоящее время те, кому удалось избежать миграционного контроля, приобретают статус нелегалов, который влечет за собой такие серьезные проблемы, как преступность и теневой сектор экономики. Дискуссии о том, что делать с нелегальными иммигрантами, вносят в общество такой же раскол, как и дискуссии о миграции вообще. Социал-либералы требуют полной легализации всех нелегалов; социал-консерваторы выступают против такого шага на том основании, что подобная награда для нарушителей закона спровоцирует дальнейшие нарушения.

В результате мы стоим в тупике: ничего не делается, а ряды нелегальных иммигрантов меж тем растут. В Америке их насчитывается 12 миллионов, а сколько таких людей в Великобритании, никто даже не знает. Сейчас, когда я пишу эти строки, администрация Обамы начинает борьбу с этой проблемой.

Предлагаемый политический пакет предусматривает эффективный и прямолинейный подход, который дает ответ на разумные опасения, высказываемые представителями обоих лагерей, но наверняка возмутит фундаменталистов любого толка. В том, что касается разумных опасений социал-либералов, данный подход исходит из того, что нарушения неизбежно будут продолжаться, и потому наряду с имеющимися нелегальными иммигрантами следует озаботиться и вопросом об их дальнейшем притоке. Любые заявления о том, что данная раздача прав больше никогда не повторится, — заведомый обман. В нашем политическом пакете также признается, что всех мигрантов, которым удалось избежать пограничного контроля и нелегально попасть в страну, следует наделить определенным легальным статусом, который бы позволил им работать в рамках официальной экономики. В противном случае нелегальная иммиграция станет источником дальнейших нарушений закона. Что касается разумных опасений социал-консерваторов, наш пакет предусматривает наказание за нелегальное проникновение в страну, делающее его затратным по сравнению с легальным въездом, сохранение прежних масштабов миграции и более жесткие меры в отношении тех мигрантов, которые предпочтут сохранить нелегальный статус.

Данный подход сводится к тому, чтобы сохранять и даже, возможно, совершенствовать пограничный контроль, но в то же время наделять всех, кто вопреки этому контролю проник в страну, ста-

тусом гастарбайтеров. Такой статус позволит им работать и автоматически поставит их в очередь на получение постоянного, полностью легального статуса. В качестве гастарбайтеров они будут обязаны платить налоги, но не получают права на пользование услугами социального обеспечения: социальные услуги будут оказываться им на тех же основаниях, что и туристам. Квоты на получение полностью легального статуса будут учитываться в рамках общего ограничения на величину легальной миграции, благодаря чему нелегальная иммиграция будет снижать легальную, а не дополнять ее. Это даст промиграционному лобби серьезный стимул к повышению эффективности пограничного контроля. Наконец, с тем, чтобы стимулировать нелегальных иммигрантов к регистрации, тех из них, кто не сделает этого, в случае обнаружения следует депортировать без права на апелляцию⁶.

Не приведет ли такой подход к опасному увеличению стимулов для нелегальной иммиграции? Едва ли. Мы можем уверенно заявить, что несмотря на большое количество нелегальных иммигрантов во многих странах мира, существующие меры контроля в целом достаточно эффективны. Экономические стимулы к миграции из бедных стран слишком значительны, а диаспоры уже достаточно прочно стоят на ногах для того, чтобы в отсутствие эффективного контроля миграционные потоки были бы намного более мощными. Соответственно, поток нелегальной иммиграции, скорее всего, окажется малочувствительным к незначительно-

6. Точно так же можно наказывать туристов и студентов, нарушивших законные сроки пребывания в стране. Очевидно, что эти категории людей не могут претендовать на статус гастарбайтера.

му изменению стимулов наподобие предлагаемого мной. Дорога к статусу полностью легального мигранта по-прежнему будет долгой и трудной, в большинстве случаев требуя многих лет уплаты налогов, не сопровождающейся получением каких-либо благ. Если власти хотят сделать статус гастарбайтера менее привлекательным, то им следует ввести правило о депортации осужденных за какие-либо преступления без права на апелляцию. Будет ли предлагаемый подход нарушением прав человека? Лишь в том случае, если таким же образом оценивать сам контроль над миграцией. Если такой контроль законен, то любая политика, предусматривающая прощение за уклонение от него, окажется более гуманной, чем отказ в предоставлении мигрантам какого-либо легального статуса.

Как работает предлагаемый политический пакет

Этот пакет мер, предусматривающий сочетание потолка, отбора, интеграции и легализации, можно оценить с помощью нашей рабочей модели. Для этого было бы полезно вернуться к рис. 5.1, который иллюстрирует политическую экономию паники, представляющую собой прискорбно пагубную реакцию на изначальное отсутствие равновесия. Из точно таких же предпосылок исходит рис. 12.1; как и на рис. 5.1, здесь первоначально отсутствует равновесие.

Но теперь политика ограничений в сочетании с отбором мигрантов приводит к тому, что функция миграции идет менее круто, поворачиваясь по часовой стрелке. В то же время политика ускорения интеграции увеличивает крутизну графика диаспоры, выгибающегося против часовой стрелки. В результа-

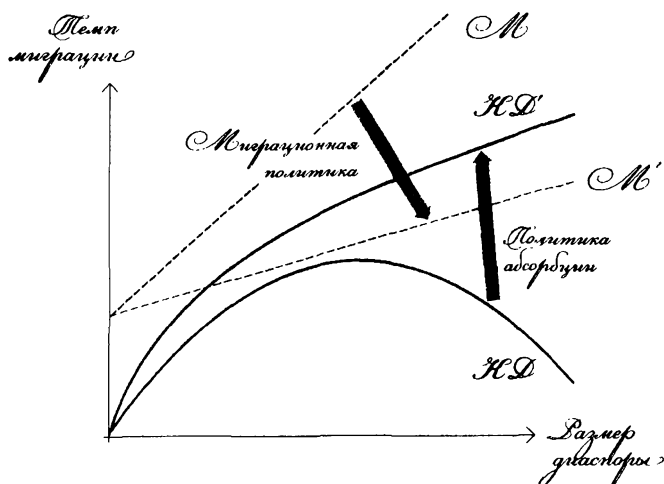

РИС. 12.1. Политическая экономия отбора и интеграции

те две эти линии пересекаются: равновесие восстановлено. Благодаря данному пакету мер миграция сначала ускоряется, но затем стабилизируется; также и диаспора сперва растет, но затем ее численность перестает изменяться. Мы видим преимущество нашего пакета перед политической экономией паники в четырех важных отношениях. В долгосрочном плане улучшается сочетание миграции и диаспоры. Из сравнения рис. 12.1 и 5.1 вытекает, что при одном и том же равновесном размере диаспоры темп миграции теперь будет выше и, напротив, при одном и том же темпе миграции размер неабсорбированной диаспоры будет меньше. Таким образом, общество, принимающее мигрантов, может получить одновременно и более высокий темп миграции, и более маленькую диаспору. И это хорошо, потому что

экономическая выгода обеспечивается миграцией рабочей силы, а источником социальных издержек является неабсорбированная диаспора. Кроме того, мы быстро получаем равновесие, в то время как в случае реакции, диктуемой политической экономией паники, для этого может потребоваться столетие. Более того, путь к равновесию при этом избегает продолжительных отклонений, включающих резкие колебания темпа миграции и величины диаспоры. Наконец, в данном случае, в отличие от политической экономии паники, в стране не накапливается резерв нелегальных (и, следовательно, не подвергающихся абсорбции) мигрантов.

Прямое применение этой модели может преподать нам два урока. Первый заключается в наличии весьма широких возможностей для проведения успешной миграционной политики. Если целью является сохранение некоего предельного уровня разнообразия, то следует учитывать как темп миграции, так и темп абсорбции. Второй урок состоит в том, что соответствующую политику следует разрабатывать уже на начальных этапах миграционного процесса с прицелом на будущее. Климатические изменения — не единственная сфера, требующая долгосрочного подхода. Согласно анализу, недавно проведенному британским Бюро бюджетной ответственности, если Великобритания установит более высокий темп чистой иммиграции, то темпы роста ВВП на душу населения в течение ближайших трех лет могут вырасти примерно на 0,3 процентных пункта. Со всем должным уважением к команде, давшей этот прогноз, мы имеем здесь пример безусловно неприемлемого отношения к миграционной политике.

Какие последствия применение данного политического пакета может иметь для групп, имеющих отношение к миграции?

Нет никаких причин ожидать, что темп миграции, задаваемый данным политическим пакетом, окажется идеальным с точки зрения тех, кто остался жить в странах — источниках миграции. Собственно, в настоящее время у нас не имеется фактов, позволяющих хотя бы оценить величину такого идеального темпа. Но мы знаем, что для многих бедных стран даже нынешний темп миграции избыточен: его некоторое снижение, вероятно, пошло бы им только на пользу. Кроме того, представляется вероятным, что вследствие решительного ограничения миграции, возможного в рамках политической экономии паники, темп миграции станет недостаточным. А так как отбор и интеграция должны обеспечить несколько более высокий темп миграции, то в глазах беднейших обществ этот вариант наверняка будет более предпочтительным.

С точки зрения коренного населения стран, принимающих мигрантов, данный политический пакет обладает рядом существенных преимуществ. Его следствием станет более высокий устойчивый темп миграции, который продолжит приносить стране скромную экономическую выгоду, и в то же время будут устранены социальные издержки, порождаемые наличием избыточной, неабсорбированной диаспоры.

С точки зрения нынешних мигрантов политическая экономия паники не привлекательна ни в экономическом, ни в социальном отношении. В экономическом смысле дальнейшая миграция принесет нынешним мигрантам большие убытки, поскольку на протяжении «фазы беспокойства», представляющей собой первый этап ускорения миграции, их ожидает жесткая конкуренция с новоприбывшими. В социальном плане на протяжении «фазы бедствия», сопровождающейся ужесточением огра-

ничений и нарастанием социальных издержек, им грозит ксенофобия. С другой стороны, подход, предусматривающий отбор и интеграцию, предъявляет определенные требования к мигрантам: их вынуждают к тому, чтобы покинуть комфортную зону культурной обособленности, обязывают учить язык коренного населения и отправлять своих детей в интегрированные школы и в то же время отчасти лишают права приглашать к себе родственников.

Никакая миграционная политика не может устраивать всех до единого. Предлагаемый мной пакет невыгоден в первую очередь тем потенциальным мигрантам, которые в отсутствие данных мер могли бы мигрировать в ближайшем будущем. Вообще говоря, политика отбора и интеграции подразумевает установление более высокого устойчивого темпа миграции, и потому будущим мигрантам она в конце концов только пойдет на пользу, однако в ней не предусмотрена фаза, на протяжении которой темп миграции временно превысит этот уровень. Почему это является оправданным? Несмотря на то что потенциальные мигранты, как и все остальные, имеют свои интересы, нет никаких оснований для того, чтобы их интересы попирали интересы всех прочих людей, а именно это происходит в отсутствие продуманной политики. Коренное население стран, принимающих миграцию, имеет право контролировать ее темп, принимая во внимание не только свои личные интересы, но и чувство милосердия. Однако при проявлении этого милосердия они в первую очередь должны думать об огромной группе бедных людей, оставшихся в странах — источниках миграции, а не об относительно небольшой группе тех счастливицков, которые добились резкого повышения своих доходов, получив возможность мигрировать.

Заключение: сближающиеся экономики, расходящиеся общества

Миграция — обширная тема, для рассмотрения которой не хватит такой небольшой книги. Но мало найдется таких сфер публичной политики, которые бы сильнее нуждались в доступном и беспристрастном анализе. Я сделал попытку поколебать взаимно противоположные позиции: широко распространенную среди простых граждан враждебность к мигрантам, окрашенную ксенофобией и расизмом, и противостоящие ей высокомерные заявления деловой и либеральной элит, при поддержке специалистов по общественным наукам утверждающих, что политика открытых дверей и впредь будет приносить большие выгоды, в то же время представляя собой этический императив.

Массовая международная миграция представляет собой ответ на вопиющее глобальное неравенство. Молодые люди из беднейших стран мира никогда еще не имели такого четкого представления о возможностях, открывающихся перед ними за рубежом. Это неравенство сложилось в течение двух предыдущих веков и будет преодолено на протяжении грядущего столетия. Большинство развивающихся стран сейчас быстро догоняет богатые страны: это великое достижение нашего времени. Поэтому массовая миграция не станет неотъемлемой чертой глобализации. Напротив, это лишь временный ответ на нынешнюю неприятную ситуацию, когда процветание еще не получило глобального распространения. Через сто лет мир окажется намного более интегрированным в отношении торговли, информации и финансов, но чистый поток мигрантов заметно сократится.

Несмотря на то что международная миграция является реакцией на глобальное неравенство, она не влечет за собой его заметного сокращения. Движущей силой экономической конвергенции служит преобразование социальных моделей, преобладающих в бедных обществах. Их институты постепенно становятся все более инклюзивными, переставая быть вотчиной хищнических элит. Меняется и экономическая идеология этих институтов: на смену зависти, воспринимающей мир как игру с нулевой суммой, приходит осознание возможностей для сотрудничества как игры с положительной суммой. Клановая лояльность вытесняется лояльностью к своей нации. Организации учатся повышать производительность своих работников, сочетая экономию за счет масштаба с мотивацией. Эти серьезные перемены стали возможны благодаря адаптации глобальных идей к местным условиям. По мере укрепления социальных моделей и экономического роста все большее значение приобретает миграция из бедных сельских регионов, но речь идет о переселении в Лагос и Мумбаи, а не в Лондон и Мадрид.

И все же, несмотря на то что международная миграция — это временный побочный эффект экономической конвергенции, она может повлечь за собой долгосрочные последствия. К числу безусловно полезных последствий миграции относится то, что богатые общества становятся многорасовыми. С учетом давней истории расизма в этих обществах революция в настроениях, вызванная смешанными браками и сосуществованием, производит глубокое раскрепощающее воздействие на всех участников этого процесса.

Но в отсутствие эффективной миграционной политики миграция продолжит ускоряться, и это может привести к другим последствиям. Современные богатые страны могут стать постнациональными,

мультикультурными обществами. Согласно новым многообещающим идеям мультикультурализма, пропагандируемым западными элитами, это тоже будет полезно: такие общества станут вдохновляющим примером и обеспечат себе процветание. Однако послужной список культурно разнородных обществ не дает нам уверенности в том, что это будет единственный возможный результат неограниченного роста разнообразия. На протяжении большей части всемирной истории большое разнообразие являлось для большинства обществ помехой. Даже в современной Европе относительно скромные культурные различия между немцами и греками угрожают разрушить ограниченную институциональную гармонизацию, достигнутую Европейским союзом. Вполне возможно, что непрерывный рост культурного разнообразия постепенно подорвет взаимное внимание и что неабсорбированные диаспоры не захотят отказываться от дисфункциональных аспектов тех социальных моделей, которые преобладали в их родных странах на момент миграции. Еще одним последствием дальнейшего ускорения миграции может стать то, что такие маленькие, бедные страны, как Гаити, которые не способны дать многого своим самым талантливым жителям, столкнутся с ускоряющейся утечкой способных кадров, которая превратится в настоящий исход. Такие страны уже преодолели ту грань, за которой эмиграция перестала приносить им пользу. Не исключено, что после отъезда самых удачливых оставшиеся не смогут угнаться за остальным человечеством.

Между тем возникающие богатые общества с большой вероятностью станут *не столь* мультикультурными. В рамках постепенной трансформации социальных моделей клановая идентичность, прежде подрывавшая единство этих обществ, сменится ощущением принадлежности к одной нации. Взяв на вооружение

полезные черты национализма, эти страны будут напоминать старые богатые общества до эпохи миграции.

На протяжении столетий взаимное положение обществ периодически менялось. Северная Америка взяла верх над Латинской Америкой; Европа взяла верх над Китаем. Финансовый кризис, начавшийся в богатых обществах и в первую очередь их же и поразивший, подорвал тупое самодовольство их граждан, считавших свое экономическое превосходство установленным раз и навсегда. Сейчас признается, что большинство стран догонят Запад. Но не исключено, что дело не кончится конвергенцией. Сингапур, который в 1950-е годы был намного беднее Европы, сейчас намного богаче ее. Если процветание действительно в первую очередь определяется социальными моделями, то укрепление мультикультурализма в одной части мира, сочетающееся с его упадком в других странах, еще может принести неожиданные последствия.

Заканчивая эту книгу, я снова смотрю на Карла Хелленшмидта. Опережая свое время, он представлял собой типичного современного мигранта. Покинув маленькую бедную деревню и большую бедную семью, он получил за это скромную награду, причитающуюся малоквалифицированному мигранту в богатом городе. Но рядом с этой фотографией висит вторая, на которой запечатлен другой человек в средних летах, обладающий семейным сходством со мной. Именно его, а не моего деда, можно назвать истинной ролевой моделью для данной книги. Это Карл Хелленшмидт-младший, перед которым стоял типичный выбор, поджидающий мигрантов второго поколения. Как ему следовало поступить — цепляться за свои отличия или избрать новую идентичность? Он пошел на этот смелый шаг. Именно поэтому книгу, которую вы только что прочли, написал Пол Коллиер, а не Пауль Хелленшмидт.

Библиография

- Acemoglu, D., Johnson, S., and Robinson, J. A. 2001. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation. *American Economic Review* 91(5), 1369–1401.
- Acemoglu, D., and Robinson, J. A. 2012. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York: Crown Business.
- Agesa, R. U., and Kim, S. 2001. Rural to Urban Migration as a Household Decision. *Review of Development Economics* 5(1), 60–75.
- Aker, J. C., Clemens, M. A., and Ksoll, C. 2011. Mobiles and Mobility: The Effect of Mobile Phones on Migration in Niger. *Proceedings of the CSAE Annual Conference*, Oxford (March 2012).
- Akerlof, G. A., and Kranton, R. E. 2011. *Identity Economics: How Our Identities Shape Our Work, Wages and Well-Being*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Alesina, A., Baqir, R., and Easterly, W. 1999. Public Goods and Ethnic Divisions. *Quarterly Journal of Economics* 114(4), 1243–1284.
- Alesina, A., Glaeser, E., and Sacerdote, B. 2001. Why Doesn't the US Have a European-Style Welfare State? Harvard Institute of Economic Research Working Papers 1933.
- Alesina, A., and Spolaore, E. 1997. On the Number and Size of Nations. *Quarterly Journal of Economics* 112(4), 1027–1056.
- Andersen, T. 2012. Migration, Redistribution and the Universal Welfare Model, 12A Discussion Paper No. 6665.
- Batista, C., and Vicente, P. C. 2011a. Do Migrants Improve Governance at Home? Evidence from a Voting Experiment. *World Bank Economic Review* 25(1), 77–104.
- Batista, C., and Vicente, P. C. 2011b. Testing the Brain Gain Hypothesis: Micro Evidence from Cape Verde. *Journal of Development Economics* 97(1), 32–45.
- Beatty, A., and Pritchett, L. 2012. From Schooling Goals to Learning Goals. CDC Policy Paper 012, September.
- Beegle, K., De Weerd, J., and Dercon, S. 2011. Migration and Economic Mobility in Tanzania: Evidence from a Tracking Survey. *Review of Economics and Statistics* 93(3), 1010–1033.
- Beine, M., Docquier, F., and Ozden, C. 2011. Diasporas. *Journal of Development Economics* 95(1), 30–41.

- Beine, M., Docquier, F., and Schiff, M. Forthcoming. International Migration, Transfers of Norms and Home Country Fertility. *Canadian Journal of Economics*.
- Beine, M., and Sekkat, K. 2011. Skilled Migration and the Transfer of Institutional Norms. Mimeo.
- Belich, J. 2009. *Replenishing the Earth: The Settler Revolution and the Rise of the Anglo-World, 1783–1939*. New York: Oxford University Press.
- Benabou, R., and Tirole, J. 2011. Identity, Morals and Taboos: Beliefs as Assets. *Quarterly Journal of Economics* 126(2), 805–855.
- Besley, T., and Ghatak, M. 2003. Incentives, Choice and Accountability in the Provision of Public Services. *Oxford Review of Economic Policy* 19(2), 235–249.
- Besley, T., Montalvo, J. G., and Reynal-Querol, M. 2011. Do Educated Leaders Matter? *Economic Journal* 121(554), F205–F208.
- Besley, T., and Persson, T. 2011. Fragile States and Development Policy. *Journal of the European Economic Association* 9(3), 371–398.
- Besley, T., and Reynal-Querol, M. 2012a. The Legacy of Historical Conflict: Evidence from Africa. STICERD – Economic Organisation and Public Policy Discussion Papers Series 036, London School of Economics.
- Besley, T.J., and Reynal-Querol, M. 2012b. The Legacy of Historical Conflict: Evidence from Africa. CEPR Discussion Papers 8850.
- Borjas, G.J. 1989. Economic Theory and International Migration. *International Migration Review* 23, 457–485.
- Candelo-Londoño, N., Croson, R.T.A., and Li, X. 2011. Social Exclusion and Identity: A Field Experiment with Hispanic Immigrants. Mimeo, University of Texas.
- Card, D. 2005. Is the New Immigration Really So Bad? *Economic Journal* 115(507), F300–F323.
- Carrington, W.J., Detragiache, E., and Vishwanath, T. 1996. Migration with Endogenous Moving Costs. *American Economic Review* 86(4), 909–930.
- Chauvet, L., and Mercier, M. 2012. Do Return Migrants Transfer Norms to Their Origin Country? Evidence from Mali. DIAL and Paris School of Economics.
- Clemens, M. A. 2010. The Roots of Global Wage Gaps: Evidence from Randomized Processing of US Visas. Working Paper 212, Center for Global Development.
- Clemens, M. A. 2011. Economics and Emigration: Trillion-Dollar Bills on the Sidewalk? *Journal of Economic Perspectives* 25(3), 83–106.
- Clemens, M.A., Montenegro, C., and Pritchett, L. 2009. The Place Premium: Wage Differences for Identical Workers across the US Border. Working Paper Series rwp09–004, John F. Kennedy School of Government, Harvard University.

- Clemens, M. A., Radelet, S., Bhavnani, R. R., and Bazzi, S. 2012. Counting Chickens When They Hatch: Timing and the Effects of Aid on Growth. *Economic Journal* 122(561), 590–617.
- Corden, W. M. 2003. 40 Million Aussies? Inaugural Richard Snape Lecture, Productivity Commission, Melbourne. Доступно по адресу: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=496822.
- Cox, D. C., and Jimenez, E. 1992. Social Security and Private Transfers in Developing Countries: The Case of Peru. *World Bank Economic Review* 6(1), 155–169.
- Cunliffe, B. 2012. *Britain Begins*. New York: Oxford University Press.
- de la Croix, D., and Docquier, F. 2012. Do Brain Drain and Poverty Result from Coordination Failures? *Journal of Economic Growth* 17(1), 1–26.
- Deaton, A., Fortson, J., and Tortora, R. 2009. Life (Evaluation), HIV/AIDS, and Death in Africa. NBER Working Paper 14637.
- Dedieu, J. P., Chauvet, L., Gubert, F., and Mesplé-Somps, S. 2012. Political Transnationalism: The Case of the Senegalese Presidential Elections in France and New York. Mimeo, DIAL.
- Dercon, S., Krishnan, P., and Krutikova, S. 2013. Migration, Well-Being and Risk-Sharing. Mimeo, Centre for the Study of African Economies, University of Oxford.
- Dijksterhuis, A. 2005. Why We Are Social Animals. In *Perspectives on Imitation: From Neuroscience to Social Science*, ed. Susan Hurley and Nick Carter, vol. 2. Cambridge, MA: MIT Press.
- Docquier, F., Lodigiani, E., Rapoport, H., and Schiff, M. 2011. Emigration and Democracy. Policy Research Working Paper Series 5557, The World Bank.
- Docquier, F., Lohest, O., and Marfouk, A. 2007. Brain Drain in Developing Countries. *World Bank Economic Review* 21(2), 193–218.
- Docquier, F., Ozden, C., and Peri, G. 2010. The Wage Effects of Immigration and Emigration. NBER Working Paper 16646.
- Docquier, F., and Rapoport, H. 2012. Globalization, Brain Drain and Development. *Journal of Economic Literature* 50(3), 681–730.
- Docquier, F., Rapoport, H., and Salomone, S. 2012. Remittances, Migrants' Education and Immigration Policy: Theory and Evidence from Bilateral Data. *Regional Science and Urban Economics* 42(5), 817–828.
- Dunbar, R. I. M. 1992. Neocortex Size as a Constraint on Group Size in Primates. *Journal of Human Evolution* 22(6), 469–493.
- Dustmann, C., Casanova, M., Fertig, M., Preston, I., and Schmidt, C. M. 2003. The Impact of EU Enlargement on Migration Flows. Online Report 25/03, Home Office, London. Доступно по адресу: www.homeoffice.gov.uk/rds/pdfs2/rdsolr2503.pdf.
- Dustmann, C., Frattini, T., and Preston, I. P. 2012. The Effect of Im-

- migration along the Distribution of Wages. *Review of Economic Studies*, doi:10.1093/restud/rds019.
- Ferguson, N. 2012. The Rule of Law and Its Enemies: The Human Hive. BBC Reith Lecture 2012, London School of Economics and Political Science, June 7. Расшифровка доступна по адресу: [http://www2.lse.ac.uk/public Events/pdf/2012__ST/20120607-Niall-Ferguson-Transcript.pdf](http://www2.lse.ac.uk/public%20Events/pdf/2012__ST/20120607-Niall-Ferguson-Transcript.pdf).
- Fisman, R., and Miguel, E. 2007. Corruption, Norms, and Legal Enforcement: Evidence from Diplomatic Parking Tickets. *Journal of Political Economy* 115(6), 1020–1048.
- Fleming, R. 2011. *Britain after Rome*. New York: Penguin.
- Gaechter, S., Herrmann, B., and Thöni, G. 2010. Culture and Cooperation. CESifo Working Paper Series 3070, CESifo Group Munich.
- Glaeser, E. L. 2011. *Triumph of the City: How Our Greatest Invention Makes Us Richer, Smarter, Greener, Healthier and Happier*. New York: Penguin.
- Goldin, I., Cameron, G., and Balarajan, M. 2011. *Exceptional People: How Migration Shaped Our World and Will Define Our Future*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Goodhart, D. 2013. White Flight? Britain's New Problem — Segregation. *Prospect*, February.
- Greif, A., and Bates, R. H. 1995. Organising Violence: Wealth, Power, and Limited Government. Mimeo, Stanford University.
- Grosjean, F. 2011. Life as a Bilingual. *Psychology Today*.
- Haidt, J. 2012. *The Righteous Mind: Why Good People Are Divided by Politics and Religion*. New York: Pantheon.
- Halsall, G. 2013. *Worlds of Arthur*. New York: Oxford University Press.
- Hatton, T. J., and Williamson, J. G. 2008. *Global Migration and the World Economy: Two Centuries of Policy and Performance*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Heath, A. F., Fisher, S. D., Sanders, D., and Sobolewska, M. 2011. Ethnic Heterogeneity in the Social Bases of Voting in the 2010 British General Election. *Journal of Elections, Public Opinion and Parties* 21(2), 255–277.
- Herreros, F., and Criado, H. 2009. Social Trust, Social Capital and Perceptions of Immigrations. *Political Studies* 57, 335–357.
- Hirsch, F. 1977. *Social Limits to Growth*. New York: Routledge.
- Hirschman, A. O. 1990. *Exit, Voice and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*. 2nd ed. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Hirschman, C. 2005. Immigration and the American Century. *Demography* 42, 595–620.
- Hoddinott, J. 1994. A Model of Migration and Remittances Applied to Western Kenya. *Oxford Economic Papers* 46(3), 459–476.

- Hofstede, G., and Hofstede, G.J. 2010. National Culture Dimensions. Доступно по адресу: <http://geert-hofstede.com/national-culture.html>.
- Hurley, S., and Carter, N., eds. 2005. *Perspectives on Imitation: From Neuroscience to Social Science*. Vol. 2. Cambridge, MA: MIT Press.
- Jones, B. F., and Olken, B. A. 2005. Do Leaders Matter? National Leadership and Growth Since World War II. *Quarterly Journal of Economics* 120(3), 835–864.
- Kay, J. 2012. The Multiplier Effect, or Keynes's View of Probability. *Financial Times*, August 14. Доступно по адресу: <http://www.ft.com/cms/s/0/f7660898-e538-11e1-8ac0-00144fea-b49a.html>.
- Kepel, G. 2011. Banlieues Islam: L'enquete qui derange. *Le Monde*, October 5.
- Koczan, Z. 2013. Does Identity Matter? Mimeo, University of Cambridge.
- Koopmans, R. 2010. Trade-offs between Equality and Difference: Immigrant Integration, Multiculturalism and the Welfare State in Cross-National Perspective. *Journal of Ethnic and Migration Studies* 36(1), 1–26.
- Mahmoud, O., Rapoport, H., Steinmayr, A., and Trebesch, C. 2012. Emigration and Political Change. Mimeo.
- Marchiori, L., Shen, I.-L., and Docquier, F. 2013. Brain Drain in Globalization: A General Equilibrium Analysis from the Sending Countries' Perspective. *Economic Inquiry* 51(2), 1582–1602.
- McKenzie, D., and Yang, D. 2010. Experimental Approaches in Migration Studies. Policy Research Working Paper Series 5395, World Bank.
- Mercier, M. 2012. The Return of the Prodigy Son: Do Return Migrants Make Better Leaders? Mimeo, Paris School of Economics.
- Miguel, E., and Gugerty, M. K. 2005. Ethnic Diversity, Social Sanctions, and Public Goods in Kenya. *Journal of Public Economics* 89(11–12), 2325–2368.
- Montalvo, J., and Reynal-Querol, M. 2010. Ethnic Polarization and the Duration of Civil Wars. *Economics of Governance* 11(2), 123–143.
- Mousy, L. M., and Arcand, J.-L. 2011. Braving the Waves: The Economics of Clandestine Migration from Africa. CERDI Working Paper 201104.
- Murray, C. 2012. *Coming Apart: The State of White America, 1960–2010*. New York: Crown Forum.
- Nickell, S. 2009. Migration Watch. *Prospect Magazine*, July 23. Доступно по адресу: <http://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/10959-numbercruncher/>.
- Nunn, N. 2010. Religious Conversion in Colonial Africa. *American Economic Review* 100(2), 147–152.

- Nunn, N., and Wantchekon, L. 2011. The Slave Trade and the Origins of Mistrust in Africa. *American Economic Review* 101(7), 3221–3252.
- Pagel, M. D. 2012. *Wired for Culture: The Natural History of Human Cooperation*. London: Allen Lane.
- Pérez-Armendariz, C., and Crow, D. 2010. Do Migrants Remit Democracy? International Migration, Political Beliefs, and Behavior in Mexico. *Comparative Political Studies* 43(1), 119–148.
- Pinker, S. 2011. *The Better Angels of Our Nature*. New York: Viking.
- Putnam, R. 2007. E Pluribus Unum: Diversity and Community in the 21st Century. *Scandinavian Political Studies* 30(2), 137–174.
- Rempel, H., and Lobdell, R. A. 1978. The Role of Urban-to-Rural Remittances in Rural Development. *Journal of Development Studies* 14(3), 324–341.
- Romer, P. 2010. For Richer, for Poorer. *Prospect Magazine*, January 27. Доступно по адресу: <http://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/for-richer-for-poorer/>.
- Sampson, R. J. 2008. Rethinking Crime and Immigration. *Contexts* 7(1), 28–33.
- Sandel, M. J. 2012. *What Money Can't Buy: The Moral Limits of Markets*. London: Allen Lane.
- Saunders, D. 2010. *Arrival City: How the Largest Migration in History Is Reshaping Our World*. New York: Pantheon.
- Serra, D., Serneels, P., and Barr, A. 2010. Intrinsic Motivations and the Non-profit Health Sector: Evidence from Ethiopia. Working Paper Series, University of East Anglia, Centre for Behavioural and Experimental Social Science (CBESS) 10–01.
- Schiff, M. 2012. Education Policy, Brain Drain and Heterogeneous Ability: The Impact of Alternative Migration Policies. Mimeo, World Bank.
- Shih, M., Pittinsky, T. L., and Ambady, N. 1999. Stereotype Susceptibility: Shifts in Quantitative Performance from Socio-cultural Identification. *Psychological Science* 10, 81–84.
- Spilimbergo, A. 2009. Democracy and Foreign Education. *American Economic Review* 99(1), 528–543.
- Stillman, S., Gibson, J., McKenzie, D., and Rohorua, H. 2012. Miserable Migrants? Natural Experiment Evidence on International Migration and Objective and Subjective Well-Being. IZA-DP6871, Bonn, September.
- Thurrow, R. 2012. *The Last Hunger Season: A Year in an African Farm Community on the Brink of Change*. New York: Public Affairs.
- Van Tubergen, F. 2004. *The Integration of Immigrants in Cross-National Perspective: Origin, Destination, and Community Effects*. Utrecht: ICS.
- Walmsley, T. L., Winters, L. A., Ahmed, S. A., and Parsons, C. R. 2005. Measuring the Impact of the Movement of Labour Using a Model of Bilateral Migration Flows. Mimeo.

- Weiner, M. S. 2011. *The Rule of the Clan*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Wente, M. 2012. Michael Ignatieff Was Right about Quebec. *The Globe and Mail*, April 26. <http://www.theglobeandmail.com/commentary/michael-ignatieff-was-right-about-quebec/article4102623/>.
- Wilson, W. J. 1996. *When Work Disappears: The New World of the Urban Poor*. New York: Alfred A. Knopf.
- Wrong, M. 2006. *I Didn't Do It for You*. New York: Harper Perennial.
- Yang, D. 2008. International Migration, Remittances and Household Investment: Evidence from Philippine Migrants' Exchange Rate Shocks. *Economic Journal* 118(528), 591–630.
- Yang, D. 2011. Migrant Remittances. *Journal of Economic Perspectives* 25(3), 129–152.
- Yang, D., and Choi, H. 2007. Are Remittances Insurance? Evidence from Rainfall Shocks in the Philippines. *World Bank Economic Review* 21(2), 219–248.
- Zak, P. 2012. *The Moral Molecule: The Source of Love and Prosperity*. New York: Dutton Adult.

Научное издание

Пол Коллиер

ИСХОД

Как миграция
изменяет наш мир

Главный редактор издательства ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Научный редактор издательства АРТЕМ СМЕРНОВ

Выпускающий редактор ЕЛЕНА ПОПОВА

Корректор ОЛЬГА ЧЕРКАСОВА

Дизайн обложки и верстка СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ

Издательство Института Гайдара

125009, Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1

Подписано в печать 04.04.2016.

Тираж 2000 экз. Формат 84×108/32

Отпечатано в филиале «Чеховский печатный двор»

ОАО «Первая образцовая типография»

www.chpd.ru. Факс (496) 726-54-10, (495) 988-63-87

142300, Московская обл., г. Чехов,

ул. Полиграфистов, 1

Пол Коллиер — профессор экономики, директор Центра по изучению африканских экономик Оксфордского университета;
в 1998–2003 годах — директор исследовательской группы по вопросам развития Всемирного банка;
в 2010 и 2011 годах был включен журналом *Foreign Policy* в список ведущих глобальных мыслителей.

Пол Коллиер — один из самых проницательных экономистов в мире. Его книги всегда блестящи и провокативны. «Исход» не исключение.

— *The Economist*

Пол Коллиер всесторонне и сжато излагает доводы за и против иммиграции для принимающих обществ, отправляющих обществ и самих мигрантов. «Исход» обязателен к прочтению для всех, кого касается этот спорный вопрос.

— *Роберт Патнэм, Гарвардский университет*

Экономист и исследователь беднейшего населения мира анализирует проблему миграции, отвечая на вопрос, кто и почему мигрирует и какое влияние оказывает миграция на принимающие общества...
Ценная книга для политиков.

— *Kirkus*

